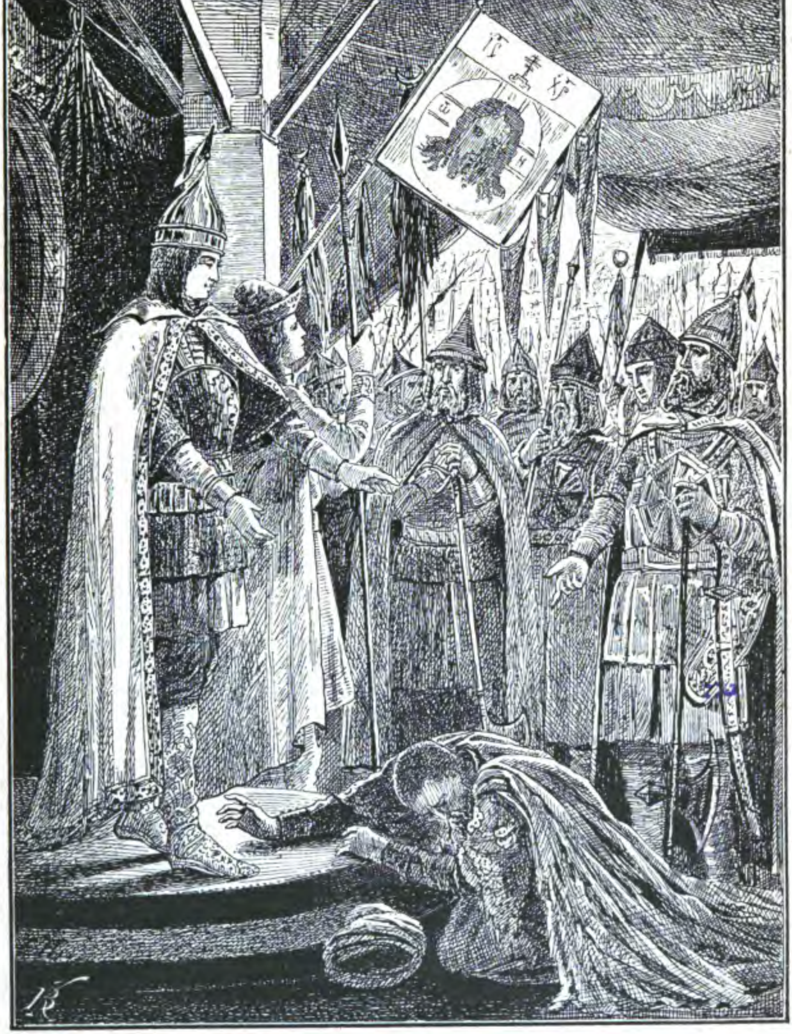
1

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 22 ДЕКАБРЯ 1894 Г

ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

Приходитъ Едигеръ во образѣ раба....
Отчаянъ, блѣденъ, нищъ и въ рубищѣ раздранномъ,
Повергся, возрыдалъ, упалъ предъ Іоанномъ.

(Россіяда, пѣснь XII стр. 265).

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. Чудинова.

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЫПУСКЪ XX-й.

М. М. Херасковъ.

(1733—1807).

РОССІАДА

ПОЭМА ВЪ XII-ти ПѢСНЯХЪ.

Полный текстъ поэмы. — Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

М: Херасковъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Февраля 1895 г.

Предисловіе.

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, главному произведенію котораго посвященъ этотъ выпускъ, является представителемъ искусственнаго эпоса въ русской литературѣ, и каково бы ни было впечатлѣніе, производимое чтеніемъ „Россіады“ на современнаго читателя, поэма эта не можетъ быть пропущена при изученіи нашей литературы. Человѣкъ небольшого поэтическаго дарованія, Херасковъ отличался просвѣщеннымъ умомъ, благороднымъ характеромъ и глубокими симпатіями къ литературѣ и наукѣ; послѣднія качества, въ связи съ его журнальной и служебной дѣятельностью, доставили ему широкую популярность и всеобщее уваженіе. Среди современныхъ ему писателей и ученыхъ, его называли „старостой россійской литературы“ и признавали авторитетъ, обращаясь къ нему за указаніями, какъ къ совѣтнику и руководителю. Изъ многочисленныхъ произведеній нашего поэта, во всѣхъ родахъ, наиболѣе типическимъ является „Россіада“, написанная по всѣмъ правиламъ ложно-классической теоріи эпопеи. Приступъ, распредѣленіе частей, стилистическіе пріемы, большая часть сценъ этой эпопеи составляютъ, въ томъ или другомъ отношеніи, подражаніе Гомеру, Вергилію, Тассо или Вольтеру. Но если почти всѣ остальныя произведенія такъ называемаго ис-

кусственнаго эпоса европейскихъ литературъ носятъ тотъ же подражательный характеръ, то присутствіе его въ одной изъ первыхъ попытокъ, въ этомъ родѣ, въ новой, только что зарождавшейся литературѣ не можетъ быть, очевидно, серьезно поставлено въ укоръ Хераскову. Подобно авторамъ другихъ эпопей, онъ старался избрать сюжетомъ такое историческое событіе, которое имѣло-бы выдающееся значеніе въ жизни русскаго народа, и въ качествѣ таковаго, остановился на покореніи Казани. Конечно, эту мысль нельзя назвать счастливою, ибо паденіе Казани, въ историческомъ отношеніи, не имѣетъ такого важнаго значенія. Съ другой стороны, едва-ли справедливо корить автора, вслѣдствіе этого, незнаніемъ исторіи. Дѣло въ томъ, что Херасковъ, очевидно, связываетъ избранную имъ эпоху съ татарскимъ игомъ, послѣдній торжественный актъ котораго она составляетъ. Съ другой стороны, въ сюжетѣ Россіады есть нѣчто близкое національнымъ интересамъ того времени. Въ эпоху Хераскова, вниманіе русскаго общества поглощено было турецкими войнами, на которыя русскіе люди, отождествляя одновѣрныхъ татаръ и турокъ, смотрѣли, какъ на продолженіе борьбы съ татарами. Татары-магометане и турки-магометане были врагами христіанства и христіанскаго просвѣщенія. Во власти турокъ находилась святая земля, колыбель христіанства, Іерусалимъ и Гробъ Господень, въ ихъ рукахъ былъ Константинополь, откуда возсіялъ въ Россіи свѣтъ православной вѣры; подъ игомъ ихъ страдали единовѣрные и единоплеменные намъ славянскіе братья,—поэтому турецкія войны, въ то время, возбуждали общій энтузіазмъ. Избравъ содержаніемъ своей эпопеи событіе, составляющее финалъ борьбы съ татарами, Херасковъ какъ-бы предрекалъ исходъ и дру-

гой борьбы—съ магометанами-турками—составлявшей, въ то время, жгучій интересъ дня. Херасковъ, конечно, раздѣлялъ общее убѣжденіе, что эпопея должна имѣть народный характеръ; но въ чемъ онъ заключается и какъ долженъ быть выраженъ — объ этомъ не существовало, въ то время, никакихъ опредѣленныхъ требованій. Такъ какъ характеръ русскаго народа выражается въ патріотическихъ чувствахъ и стремленіяхъ, то ими и проникнута вся Россіада, какъ удовлетвореніе теоретическимъ требованіямъ, предъявлявшимся къ этому роду поэзіи.

Сочиненія Хераскова давно составляютъ библіографическую рѣдкость и, при данномъ состояніи книжнаго рынка, едва-ли въ скоромъ времени можно ожидать ихъ переизданія. Текстъ эпопеи напечатанъ у насъ по послѣднему изданію его сочиненій, при чемъ правописаніе и преимущественно знаки препинанія—какъ извѣстно, довольно своеобразные у нашего поэта—исправлены примѣнительно къ требованіямъ современной ороографіи. Литература о Херасковѣ вообще невелика, а сочиненія, посвященныя его произведеніямъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы съ діаметрально-противоположнымъ содержаніемъ—это или восторженные панегирики, преимущество, современныхъ поэту писателей, или рѣзкія, враждебныя нападки со стороны критиковъ, не сочувствовавшихъ нашему поэту. Какъ тѣ, такъ и другіе немного даютъ положительныхъ данныхъ для характеристики Хераскова съ историко-литературной точки зрѣнія. Въ приложеніи къ настоящему выпуску мы помѣстили отрывокъ изъ статьи А. Ѳ. Мерзлякова, представляющей лучшій этюдъ объ авторѣ Россіады, и другой отрывокъ изъ журнала П. Строева „Современный Наблюд. россійск. словесн.“.

СОДЕРЖАНІЕ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 22 ДЕКАБРЯ 1894 Г. ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

было разрушено; Новогородцы еще не вовсе укрощенны были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабощенія въ господство; сія важная и крутая перемѣна произошла при внукѣ Царскомъ *Іоаннѣ Васильевичѣ* Второмъ, который есть герой сея Поэмы.

И такъ не должно ли царствованіе *Іоанна Васильевича* Втораго поставлять среднею чертою, до которой Россія, бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близь трехъ вѣковъ ею утраченную? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разстроенное, отъ сосѣдственныхъ державъ угнѣтенное, внутренними безпокойствами раздираемое, несогласіемъ многоначальства волнуемое, иновѣрцамъ порабощенное, собственными вельможами разхищаемое; когда все сіе вообразимъ, и представимъ себѣ младаго Государя, самодержавную власть пріемлющаго, неустройства въ отечествѣ искореняющаго, сильныхъ и страшныхъ непріятелей державы своей поправшаго, многоначальство обуздывающаго, мятежниковъ и въ нѣдрахъ отечества усмирившаго, отторженные сосѣдами грады возвращающаго, и цѣлыя государства своему скипетру присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ укротившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучшій порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія толь великаго духа къ Государю?... Таковъ былъ Царь *Іоаннъ Васильевичъ!*

Иностранные писатели, сложившіе нелѣпыя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицаютъ. Самъ *Петръ Великій* за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю Историкамъ на размышленіе.

Впрочемъ безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ проименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времяни, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго Государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе: почему сіе твореніе и *Россіядою* названо. Представляю младаго Монарха, лаврами увѣнчаннаго; сего монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ въ краткой Россійской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги Грознымъ учинился, и что неустройства бояръ, на подобіе крутой бури, нравы его возмутили, чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской Исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи;... а моя Поэма сіе оправдать обязана.

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой трудъ, нынѣ въ третій разъ исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе расположилъ я на Исторической истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ Начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятуютъ мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ

въ дѣеписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времяни въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что Эпическія Поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливыя намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

Взглядъ на эпическія поэмы.

Въ *Иліядѣ Гомеръ* воспѣваетъ гнѣвъ Ахиллесовъ за похищеніе его невольницы Бризеиды Царемъ Агамемнономъ, гнѣвъ толико бѣдственный Грекамъ и Пергаму; кровавыя битвы, пагубу осаждающихъ и пагубу осажденныхъ Троянъ.— Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, убитъ Гекторомъ—онъ мститъ за своего друга—убиваетъ храбраго Гектора, и тѣмъ Поэма оканчивается.

Въ *Одиссеѣ* воспѣто десятилѣтнее странствованіе Итакскаго Царя Улисса; возвращеніе его въ домъ свой, и страшное избіеніе любовниковъ Пенелопиныхъ, которое *Минстерофаніей* наречено.

Виргилій въ несравненной *Энеидѣ* воспѣлъ побѣгъ Энеевъ изъ разоренной Греками Трои, прибытіе его въ Карѳагену, любовь его съ Дидоною, невѣрность его къ сей нещастной Царицѣ,—другой побѣгъ его въ Италію, гдѣ убивъ Турна, сопрягается онъ съ Лавиніею, невѣстою сего почтеннаго Князя.

Въ *Погубленномъ раѣ* важный *Мильтонъ* повѣствуетъ паденіе перваго человѣка, вкушеніе запрещеннаго плода, торжество діявола, изгнаніе Адама и Евы изъ рая за ихъ непослушаніе, и причину злополучія всего человѣческаго рода.

Волтеръ начинаетъ свою *Ганріяду* убіеніемъ Генриха III, а оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной Религіи въ другую—но прекрасные стихи его все дѣлаютъ обворожительнымъ.

Армида въ Тассовомъ *Іерусалимѣ*, прекрасная волшебница, Армида есть душа сей неоцѣненной Поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытіи Ренода, возхитительны—но не суть назидательны.

Пробѣжимъ *Лузіяду Камуенсону* и *Фарзалію Луканову*.— Первая *есть* странствованіе Лузитанцовъ въ Африку, обрѣтеніе нѣкоторыхъ новыхъ земель — сказанія и чудесности. Вся сія Поэма есть піитическое повѣствованіе, въ коемъ и самъ Поэтъ имѣлъ участіе. Но повѣствованіе, живою кистію писанное, сладостное, привлекательное; это есть галлерея преизящныхъ картинъ, непорядочно разставленныхъ, но каждая изъ нихъ восхищаетъ, трогаетъ, удивляетъ и въ память врѣзывается.

Фарзалію многіе нарицаютъ Газетами, пышнымъ слогомъ воспѣтыми; но сіи Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаніями и сильными выраженіями; въ ней воспѣта война Юлія съ Помпеемъ; при всемъ томъ Поэма не докончана Пѣвцомъ своимъ, и не была исправлена.

Для тѣхъ сіе пишу, которые думаютъ, будто Эпическая Поэма похвальною пѣснію быть должна. Эпическая Поэма заключаетъ какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе, въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствіемъ важную перемѣну, относящуюся до всего человѣческаго рода—таковъ есть *Погубленный рай* Мильтоновъ; или воспѣваетъ случай, въ какомъ нибудь государствѣ произшедшій и цѣлому народу къ славѣ, къ успокоенію, или наконецъ ко преображенію его послужившій—такова должна быть Поэма *Петръ Великій*, которую, по моему мнѣнію, писать еще не время. Два великіе Духа принимались пѣть *Петра Великаго*, Г. Ломоносовъ и Томасъ: оба начали—оба не кончили.

Къ такому роду Поэмъ причесть должно Ганріяду Волтерову—и мою Россіяду, не сравнивая однако слабое мое тво-

реніе съ превосходною Эпопеею Волтеровою.—Горе тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства! Надобно перейти мыслями въ тѣ страшныя времена, когда Россія порабощена была Татарскому игу—надобно вообразить набѣги и наглости Ордынцовъ, внутрь нашего государства чинимые—представить себѣ Князей Россійскихъ раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластія Царей Казанскихъ—видѣть правителей Татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ, для поклоненія имъ Князей обладающихъ—надобно прочесть внимательно всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабощенія Ордынцамъ — и вдругъ вообразить Россію надъ врагами своими торжествующую, иго мучителей своихъ свергшую, отечество наше побѣдоносными лаврами увѣнчанное—и младаго Государя, прежнимъ своимъ законодателямъ кроткіе законы предписующаго.

Читатель, ежели, преходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмутится и наконецъ въ сладостный восторгъ не придетъ—не читай мою Россіяду—она не для тебя писана—она для людей, умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну, и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ.

Знаю, что моя Поэма далеко отстоитъ отъ Эпическихъ Поэмъ въ мірѣ извѣстныхъ; знаю, что въ ней есть немалыя погрѣшности, слабости, несовершенства; что многое въ ней подвержено благоразумной критикѣ, но не плевеламъ головъ поврежденныхъ—но кто изъ Писателей избѣжалъ критики? и кто написалъ совершенное твореніе въ мірѣ?

РОССІЯДА,

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ и гордость низложенну;
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ времянъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.
　　О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!
　　Отверзи, вѣчность! мнѣ селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,
Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, нещастный скорбь забудетъ,
Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моей
Вниманье привлеку народовъ и Царей.
Завѣса поднялась!... Сіяютъ предъ очами
Герои, свѣтлыми увѣнчаны лучами.
Отъ нихъ кровавая Казанская луна

Низвергнута во мракъ и славы лишена.
О вы, ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ!
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитеся тѣлесныхъ.

Еще восточную Россіи древней часть
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,
Кипѣли мятежи, расли злодѣйства новы;
Простерся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ;
Летало зло за зломъ, бѣды во слѣдъ бѣдамъ;
Куреній олтари во храмахъ не имѣли,
Умолкло пѣніе, лишь бури тамъ шумѣли;
Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,
И пастырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.
Когда свѣтило дня къ полунощи взирало,
Стенящу, страждущу Россію обрѣтало.
Въ ея объятіяхъ рожденная Казань
Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань;
Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ стоитъ,
Отколѣ на брега шумящей Волги зритъ.
Подъ тѣнію лѣсовъ, межъ пестрыми цвѣтами
Поставленъ Батыемъ ко сѣверу вратами,
Чрезъ кои въ сердце онъ Россіи выбѣгалъ,
Селенья пустошилъ и грады пожигалъ.
Съ вершины видя горъ убійства и пожары,
Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,
Разженны вѣрою къ закону своему,
Казань, поверженна въ Магометанску тму,
Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взирала,
И руки чрезъ поля въ Россію простирала;
Просила помощи и свѣта отъ Князей,
Когда злочестіе простерло мраки въ ней.
Подвигнуты къ странамъ природнымъ сожалѣньемъ,
Народа своего бѣдами и томленьемъ,

На части полночь всю разторгшіе Князья,
Смиряли наглыхъ Ордъ, во браняхъ кровь лія.
Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь раждались,
И жалы отростивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,
Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба въ немъ была не потушенна;
Подъ пепломъ крылся огнь и часто возгаралъ;
Во смутны Россовъ дни онъ силы собиралъ;
Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попранна
Во время юности втораго Іоанна.
Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ
Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ;
Смутился духъ его нещастливымъ походомъ,
Гдѣ онъ начальствовалъ въ войнѣ прошедшимъ годомъ;
Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань,
Крилами мерзлыми отъ нихъ закрывъ Казань;
Онъ мрачной тучею и бурями увился,
Подобенъ грозному страшилищу явился,
Въ глухой степи ревѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,
Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,
И Волжскія струи на тучны двигнувъ бреги,
Подулъ изъ хладныхъ устъ морозы, вихрь и снѣги;
Ихъ пламенная кровь не стала Россовъ грѣть,
Дабы въ наставшій годъ жарчае воскипѣть.
Въ то время юный царь въ столицу уклонился,
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.
О ты, на небесахъ живущій въ тишинѣ!
Прости, великій Царь, мою отважность мнѣ,
Что утро дней твоихъ во тмѣ дерзну представить,
Пресвѣтлый полдень твой громчае буду славить;
Великъ, что бурю ты вкругъ царства укротилъ,
Но больше, что страстямъ душевнымъ воспретилъ.
Увидѣвъ, что Москва оставивъ мечъ уснула,

Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;
Хранящa ненависть недремлющи глаза
Отъ Волги поднялась, какъ страшная гроза;
Орда, нарушивъ миръ, оковы разрывала,
И злобой движима, мутилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
Россію утѣснить, какъ въ прежни времена.
Сей страшный исполинъ въ Россійски грады входитъ;
Убійства, грабежи, насильства производитъ;
Рукою мечь несетъ, другой звучащу цѣпь,
Валятся стѣны вугъ, томится лѣсъ и степь.
Уже велѣніемъ коварныя Сумбеки
Въ Казани полились Россійской крови рѣки;
И, пламенникъ нося, неукротимо зло
Посады въ ярости Московскіе пожгло;
Въ жилища Христіянъ съ кинжаломъ казнь вступила,
И кровь страдальческа на небо возопила;
Тамъ плачь, уныніе, сиротствующихъ стонъ;
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ.
Алчба, прикованна корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла страданіе столицѣ.
О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачатъ,
Тамъ чувства жалости надолго замолчатъ.
Москва, разимая погибелію внѣшной,
Отъ скорбей внутреннихъ явилась безутѣшной.
Сокрылась истина на время отъ Царя,
Лукавство, честь поправъ, на собственность воззря,
Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,
Вошло, и день отъ дня сильнѣе становилось.
Тамъ лесть представилась въ притворной красотѣ,
Котора во своей природной наготѣ
Мрачна какъ нощь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служити имъ ко преткновенью ихъ.

Сія природну желчь преобративъ во сладость,
Въ забавы вовлекла неосторожну младость;
Вельможи, выгодѣ ревнующи своей,
Соединилися къ стыду державы съ ней;
И лесть надежныя подпоры получила,
Отъ Царскаго лица невинность отлучила.
Гонима истина стрѣлами клеветы,
Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
Которы искренно отечество любили;
Соблазны щастія они пренебрегли,
При явной гибели не плакать не могли;
Священнымъ двигнуты и долгомъ и закономъ,
Стенать и сѣтовать дерзали передъ трономъ;
Пороковъ торжество, попранну правду зря,
Отъ лести ограждать осмѣлились Царя.
Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружаютъ,
Ихъ слезы общую напасть изображаютъ,
Потупленны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,
Казалося, туманъ простерли вкругъ вѣнца;
На смутныхъ ихъ челахъ сіяетъ добродѣтель,
Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ владѣтель.
Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщаютъ, воздремалъ!
Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.

Унылъ престольный градъ, Москва главу склонила,
Печаль ея лице, какъ нощь, пріосѣнила;
Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста;
Тоскуютъ вкругъ нее прекрасныя мѣста;
Унынье, растрепавъ власы, по граду ходитъ;
Потупивъ очи внизъ, въ отчаянье приводитъ,
Біетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ;
На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
Въ дубравахъ стонъ и плачъ, печаль въ долинахъ злачныхъ;
Во градѣ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ,
Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,

Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.
Грызомая внутри болѣзнью всеминутной,
Казалася Москва водѣ подобна мутной,
Которая, лишась движенья и прохладъ,
Тускнѣетъ, портится и заваждаетъ ядъ.
Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,
Какъ будто въ Этнѣ огнь внезапно возпаленный,
Лѣсистые холмы, густыя древеса,
Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса.
Народъ возволновалъ!... Тогда при буйствѣ яромъ,
Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ;
По стогнамъ родился, на торжищахъ горитъ,
И заревы Москва плачевныхъ слѣдствій зритъ.
Противу злыхъ вельможъ мятежники возстали,
Которы строгости Царевы подгнѣтали,
Которы душу въ немъ старались возмущать,
Дабы при бурѣ сей Россію расхищать.
Два Князя Глинскіе смятенья жертвой были,
Единаго изъ нихъ мятежники убили;
Другой пропырствами отъ нихъ спастись умѣлъ,
И новой бурею отъ трона возшумѣлъ.
Простерся мщенья мракъ надъ свѣтлымъ Царскимъ домомъ,
Непримирима власть вооружилась громомъ;
Разила тѣхъ мужей, разила тѣ мѣста,
Гдѣ правда отверзать осмѣлилась уста;
Поборники забавъ награду получали,
А вѣрные сыны возплакавъ замолчали.

Россія, прежнюю утративъ красоту,
И видя вкругъ себя раздоръ и пустоту,
Вездѣ уныніе, болѣзнь въ груди столицы,
Набѣгомъ дерзкихъ Ордъ отторжены границы,
Подъ сѣнью роскошей колеблющійся тронъ,
Въ чужомъ владѣніи Двину, Днѣпръ, Волгу, Донъ,
И приближеніе встрѣчая вѣчной ночи,
Возноситъ къ небесамъ заплаканныя очи;

Возноситъ рамена къ небесному Отцу;
Колѣна преклонивъ, прибѣгла ко Творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показавъ Москву окровавленну,
Другою вкругъ нее сліянно море зла;
Взрыдала, и рещи ни слова не могла.

На радужныхъ заряхъ превыше звѣздъ сѣдящій,
Во буряхъ слышимый, въ перунахъ Богъ гремящій,
Предъ коимъ солнечный подобенъ тѣни свѣтъ,
Въ комъ движутся міры, кѣмъ все въ мірахъ живетъ;
Который съ небеси на всѣхъ равно взираетъ,
Прощаетъ, милуетъ, покоитъ и караетъ;
Царь пламени и водъ, познaлъ Россіи гласъ;
И славы чадъ своихъ послѣдній видя часъ,
Дни горести ея въ единый мигъ изчислилъ;
Онъ руку помощи простерти къ ней помыслилъ.
Свѣтлѣе стали вдругъ надъ нею небеса,
Живительная къ ней пустилася роса,
Ея печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россію подкрѣпила.
Одѣла полночь вкругъ румяная заря;
На землю Ангели въ кристальну дверь смотря,
Составили изъ лиръ небесну гармонію,
И пѣли благодать, вѣнчающу Россію.

Тогда единому изъ праведныхъ мужей,
Живущихъ въ лѣпотѣ божественныхъ лучей,
Господнему лицу во славѣ предстоящихъ,
И въ ликѣ Ангеловъ, хвалу Его гласящихъ,
Всевышній рекъ: гряди къ потомку твоему,
Дай видѣть свѣтъ во тмѣ, подай совѣтъ ему;
Въ лицѣ отечества явися Іоанну,
Да узритъ онъ въ тебѣ Россію всю попранну!...

Скоряй, чѣмъ солнца лучь, текущаго въ эѳиръ,
Летящій средь міровъ, какъ вѣющій зефиръ,
Небесный мужъ въ страну полночную низходитъ,

Блистательну черту по воздуху проводитъ;
Закрытый облакомъ, вступаетъ въ Царскій домъ,
Гдѣ смутнымъ Іоаннъ лежалъ объятый сномъ;
Съ пришествіемъ его чертоги озарились;
Весь градъ затрепеталъ, пороки въ мракъ сокрылись.
Является Царю сія святая тѣнь
Во образѣ такомъ, въ какомъ была въ той день,
Въ который въ мірѣ семъ оставивъ зракъ тѣлесный,
Взлетѣла возстенавъ во свѣтлый домъ небесный;
Потупленна глава лежаща на плечахъ,
Печальное лице, померклы свѣтъ въ очахъ,
Мечемъ пронзенна грудь, съ одежды кровь текуща,
Трепещущая тѣнь съ молчаніемъ грядуща,
И спящаго Царя во ужасъ привела,
Приблизилась къ нему и такъ ему рекла:
Ты спишь, безпечный Царь, покоемъ услажденный,
Весельемъ упоенъ, къ побѣдамъ въ свѣтъ рожденный;
Вѣнецъ, отечество, законы позабылъ,
Возненавидѣлъ трудъ, забавы возлюбилъ;
На лонѣ праздности лежитъ твоя корона;
Не видно вѣрныхъ слугъ, ликуетъ лесть у трона.
Ты зришься тигромъ быть, лежащимъ на цвѣтахъ;
А мы, живущіе въ превыспренныхъ мѣстахъ,
Мы въ общей гибели участіе пріемлемъ,
Рабовъ твоихъ слова въ селеньяхъ горнихъ внемлемъ.
Ты властенъ все творить—тебѣ вѣщаетъ лесть;
Ты рабъ отечества—вѣщаютъ долгъ и честь;
Но гласа истины ты въ гордости не внемлешь,
Ты гонишь искренность, безбожну ложь объемлешь.
Мы, Князи сей страны и прадѣды твои,
Мы плачемъ, взоръ склонивъ въ обители сіи,
Для вѣчныхъ радостей на небо восхищенны,
Тобой и въ райскихъ мы селеньяхъ возмущенны;
О Россахъ стонемъ мы, мы стонемъ о тебѣ;
Опомнись! нашу скорбь представь, представь себѣ;

О царствѣ, о себѣ, о славѣ ты помысли,
И избіенныхъ насъ злодѣями изчисли.
Отверзлось небо вдругъ вздремавшаго очамъ,
И видитъ Іоаннъ печальныхъ предковъ тамъ,
Которы кровію своею увѣнчались,
Но въ прежнемъ образѣ очамъ его являлись:
Батыевъ мечь во грудь Олегову вонзенъ;
Георгій, братъ его, лежитъ окровавленъ;
Нещастный Ѳеогностъ оковы тяжкиноситъ,
Отмщенія Ордамъ за смерть и раны проситъ;
Склонивъ главы свои, стонаютъ Князи тѣ,
Которы мучимы въ ихъ были животѣ.
Тамъ видится законъ попранный, униженный,
Ліющій токи слезъ и мракомъ окруженный;
Погасшимъ кажется Князей Россійскихъ родъ;
Вельможи плачущи, въ уныніи народъ;
Тамъ лица блѣдныя въ крови изображенны,
Которы въ жизни ихъ Ордами пораженны;
Онъ видитъ сродниковъ и предковъ зритъ своихъ,
Ихъ муки, ихъ тоску, глубоки раны ихъ.
И тѣнь рекла ему: отшедъ въ мученьѣ многомъ,
Роптая на тебя, сіи стоятъ предъ Богомъ;
Послѣдній убіенъ злодѣйскою рукой
Твой предокъ Александръ, я, бывшій Князь Тверской,
Пришелъ съ верховъ небесъ отъ сна тебя возставить,
Твой разумъ просвѣтить отечество избавить;
Зри язвы ты мои, въ очахъ тоску и мракъ—
Се точный при тебѣ страны Россійской зракъ!
Зри члены ты мои, кровавы, сокрушенны,
И селы побранны и грады разрушенны;
Днесь тотъ же самый мечь, которымъ я раженъ,
И тою же рукой Россіи въ грудь вонзенъ;
Ліется кровь ея!. . Омытый кровью сею,
Забылъ, что Бога ты имѣешь судіею:
Вопль каждаго раба, страданіе и стонъ,

Взлетѣвъ на небеса, текутъ предъ Божій тронъ;
Ты подданнымъ за зло отвѣтствовать не чаешь,
Но Господу за ихъ печали отвѣчаешь.
Вздремавшую въ тебѣ премудрость воскреси,
Отечество, народъ, себя отъ зла спаси;
Будь пастырь, будь герой, тебя твой Богъ возлюбитъ;
Потомство позднее хвалы тебѣ возтрубитъ.
Не мѣшкай! возгреми! рази! такъ Богъ велѣлъ...
Вѣщалъ и далѣе вѣщати не хотѣлъ.
Чертогъ небесными лучами озарился,
Во славѣ Александръ въ домъ Божій водворился.
Смущенный Іоаннъ не зритъ его во мглѣ;
Страхъ въ сердцѣ ощутилъ, печали на челѣ;
Мечта сокрылася, видѣнье отлетѣло,
Но въ Царску мысль свой ликъ глубоко впечатлѣло,
И сна пріятнаго Царю не отдаетъ;
Съ печальнаго одра онъ смутенъ возстаетъ,
Кидаетъ грозныя ко предстоящимъ очи.
Какъ странникъ во степи среди глубокой ночи,
Послыша вкругъ себя шипѣніе зміевъ,
Къ убѣжищу нигдѣ надежды не имѣвъ,
Не знаетъ, гдѣ ступить и гдѣ искать спасенья,
При каждомъ шагѣ онъ боится угрызенья:
Таковъ былъ Іоаннъ, напомнивъ страшный сонъ.
Казалось, мерзку лесть позналъ внезапно онъ;
Страшится онъ льстецовъ, имъ ввѣриться не смѣетъ.
Нещастенъ Царь, когда онъ друга не имѣетъ;
Но въ дѣйство тайное хотѣнье произвесть,
Велѣлъ въ чертогъ къ себѣ Адашева привесть.
Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта,
Казался при дворѣ, какъ нѣкая планета,
Вступающа въ свой путь отъ незнакомыхъ мѣстъ
И рѣдко зримая среди горящихъ звѣздъ.
Придворные его съ досадой угнетали;
Но внутренно его сердцами почитали.

Адашевъ щастія обманы презиралъ,
Мірскія пышности ногами попиралъ;
Лукавству былъ врагомъ, ласкательствомъ гнушался,
Величествомъ души, не саномъ украшался,
Превыше былъ страстей и честностію полнъ.
Какъ камень посредѣ кипящихъ бурныхъ волнъ,
Борея не боясь, стоитъ неколебимо,
И волны о него біяся, идутъ мимо:
Адашевъ тако твердъ среди развратовъ былъ,
Отъ міра удаленъ, отечество любилъ;
Спокойно въ домъ вступилъ, гдѣ грозный жилъ Владѣтель.
Страшится ли чего прямая добродѣтель!
Хранища лесть еще подъ стражей Царскій дворъ,
Увидя правду въ немъ, потупила свой взоръ;
Отчаянна, блѣдна и завистью грызома,
Испытываетъ все, ждетъ солнца, тучь и грома.
Предсталъ почтенный мужъ, и честность купно съ нимъ;
Такъ въ мракѣ иногда бываетъ Ангелъ зримъ!
Въ объятіяхъ своихъ Адашева имѣя,
Со подданнымъ Монархъ бесѣдуетъ краснѣя:
Тебѣ, въ слезахъ онъ рекъ, я сердце отворю;
Ты честенъ, можешь ли не быти другъ Царю?
Каковъ въ пустынѣ былъ, будь вѣренъ передъ трономъ.
Тогда о страшномъ снѣ повѣдавъ съ горькимъ стономъ,
Мой Богъ меня смирилъ, онъ съ важнымъ видомъ рекъ;
Я въ нынѣшней нощи сталъ новый человѣкъ;
Стыжусь, что я благихъ совѣтовъ уклонился...
Восплакалъ Іоаннъ и праведнымъ явился,
Какъ матерь вѣрный сынъ, отечество любя,
Адашевъ чаялъ зрѣть на небесахъ себя;
На лесть взирающій вкругъ трона соплетенну,
Оплакивалъ сей мужъ Россію угнетенну;
Въ восторгѣ рекъ Царю: благословенный сонъ!
Вѣрь, вѣрь мнѣ, Государь, что Богомъ посланъ онъ;
Внемли отечества, внемли невинныхъ стону;

На сердцѣ ты носи, не на главѣ корону.
Что пользы подданнымъ, что есть у нихъ Цари,
Коль страждетъ весь народъ, попранны олтари,
Злодѣйство бодрствуетъ, а правда угнетенна;
Не царь порфирою, порфира имъ почтенна?
Довольно презиралъ ты самъ себя и насъ;
Насталъ теперь твоей и нашей славы часъ!

Глаголамъ истины внимающій Владѣтель
Увидѣлъ съ небеси сходящу добродѣтель:
Какъ Ангелъ, явльшійся Израилю въ ночи,
Имѣла вкругъ главы блистательны лучи;
Се вѣрный другъ тебѣ! Монарху говорила,
И ликъ Адашева сіяньемъ озарила.
Увидѣвъ Царь ея въ его челѣ черты,
И такъ воззвалъ къ нему: будь мой сотрудникъ ты;
Мнѣ нуженъ разумъ твой, совѣтъ, твоя услуга;
Всѣхъ паче благъ Царю искати должно друга.
Вѣщай мнѣ истину, ея намъ грозенъ видъ;
Но видъ сей отъ коронъ и троновъ гонитъ стыдъ;
Гони сей стыдъ, гони, и строгимъ мнѣ совѣтомъ
Яви стези итти премудрости за свѣтомъ!

Адашевъ, чувствуя, коль хитро можетъ лесть
Отъ истины отвлечь, Царя въ обманъ привесть,
Вѣщалъ: отъ нашихъ душъ соблазны да отгонимъ,
Себя отъ здѣшнихъ стѣнъ и праздности уклонимъ;
Небесной мудрости пріобрѣсти руно
Уединеніе научитъ насъ одно;
Премудрость гордости и лести убѣгаетъ,
Мірскую суету она пренебрегаетъ!
Среди развратностей гражданскихъ не живетъ,
Въ пещерахъ и лѣсахъ ее находитъ свѣтъ;
Гдѣ нѣтъ тщеславія, ни льсти, ни думъ смущенныхъ,
Пойдемъ ее искать въ обителяхъ священныхъ,
Отколѣ чистый духъ взлетаетъ къ небесамъ:
О царь мой! избери сію обитель самъ;

Россія силъ еще послѣднихъ не лишенна,
Любовь къ отечеству не вовсе потушенна;
Вели собрать совѣтъ, на истину воззри,
И нечестивости совѣты разори:
Увидишь славу ты парящу предъ собою;
Мы рады кровь пролить, теперь готовы къ бою.
Господь, Россія вся и весь пространный свѣтъ
Ко славѣ Царь тебя отъ праздности зоветъ!

Есть мѣсто на земномъ лицѣ сооруженно,
Сподвижникомъ святыхъ отшельцевъ освященно;
Угодники, оттоль возшедъ на небеса,
Оставили свои нетлѣнны тѣлеса,
Которыя, пріявъ усердное моленье,
Даруютъ миръ, покой, скорбящимъ изцѣленье;
Угодникъ Сергій ту обитель основалъ;
Онъ въ малой хижинѣ великій трудъ скрывалъ;
Небеснымъ житіемъ сіи мѣста прославилъ,
И Богу тамъ олтарь триличному поставилъ;
Увидя стѣны вкругъ и храмовъ красоту,
Возможно городомъ почесть пустыню ту;
Въ обитель Божію сокровища внесенны
Являютъ души къ ней усердіемъ возженны:
Тамъ холмъ потокомъ водъ цѣлебныхъ напоенъ,
Который Сергіемъ изъ камня источенъ:
Развѣсисты древа пригорокъ осѣняютъ [1],
И храмовъ на главы вершины преклоняютъ.
То зданье къ святости за тѣмъ пріобщено,
Что славы древнихъ лѣтъ хранитъ залогъ оно:
Герои кистью тутъ живой изображенны,
Которыми враги Россіи низложенны;
Тамъ видѣнъ Святославъ, сѣдящій на земли,
Ядущій хлѣбъ сухой и въ потѣ и въ пыли;
Онъ зрится будто бы простый межъ ратныхъ воинъ;

---

[1]) Нынѣ сіе мѣсто большою Живоночальныя Троицы церковію застроено.

Но древним предпочтенъ Атридамъ быть достоинъ.
Владиміръ мечь и пальмъ носящъ изображенъ,
Стоитъ трофеями и свѣтомъ окруженъ;
У ногъ его лежитъ повержена химера;
Со славой съединясь его вѣнчаетъ вѣра.
Тамъ лавры Ярославъ имѣетъ на главѣ;
Донской блистаетъ здѣсь; тамъ Невскій на Невѣ;
Тамъ ликъ Великаго представленъ Іоанна,
Цесарской перваго короною вѣнчанна;
Побѣды, торжествы, блистанія вѣнца,
Къ дѣламъ великимъ огнь внушаютъ во сердца;
Для сихъ причинъ въ сей храмъ, ко славѣ предъизбранна,
Адашевъ убѣдилъ склониться Іоанна.

Еще не скрылося въ волнахъ свѣтило дни,
Достигли мирнаго убѣжища они.
Сопутницей своей имѣя добродѣтель,
Какъ будто видѣлъ рай въ обители Владѣтель:
Во славѣ зрится Богъ, присутствующій тамъ!
Съ священнымъ ужасомъ вступилъ въ Господній храмъ;
Онъ вѣдалъ, что душа, на небо вознесенна,
Отъ тѣла своего врачебна и нетлѣнна,
Творила многія и нынѣ чудеса,
И то сказать могла, что кроютъ небеса;
Приходитъ къ Сергію, мольбы ему приноситъ,
Всевышней помощи противъ Казани проситъ,
Вѣщая: Мужъ Святый! ты Дмитрію помогъ
Татарскія Луны сломить кичливый рогъ,
И мнѣ ты помоги, дерзнувъ противъ Казани
Россію оправдать во предлежащей брани;
Мое отечество, о Сергій! и твое...
Возносимъ предъ тебя моленіе сіе!
Молитва въ воздухѣ какъ дымъ не исчезаетъ,
Но будто молнія небесный сводъ пронзаетъ,
На радужныхъ она возносится крылахъ:
Молитву искренну читаетъ Богъ въ сердцахъ;

Она небесный сводъ и звѣзды сквозь преходитъ,
Въ умильность Ангеловъ, геенну въ страхъ приводитъ.
Мольбы его какъ громъ предъ Богомъ раздались.
Проснулася Москва, Ордынцы потряслись!
Въ сію достойную вниманія годину,
Измѣривалъ Творецъ двухъ царствъ земныхъ судьбину:
Россійскій до небесъ возвысился вѣнецъ,
Ордынской гордости означился конецъ;
Но побѣдительнымъ народамъ и державѣ
Препятства предлежать въ гремящей будутъ славѣ.
Разсѣется Орда, угаснетъ ихъ престолъ;
Но Россамъ напередъ устроитъ много золъ.
Тогда Господнее изрекъ опредѣленье
Органъ небесныхъ тайнъ въ священномъ изступленьѣ,
Трепещущъ, Духомъ полнъ, служащій олтарю,
Душъ пастырь возвѣстилъ пророчествы Царю:
О Царь! сплетаются тебѣ вѣнцы лавровы;
Я вижу новый тронъ, короны вижу новы!
Но царства покорить и славу обрѣсти,
Ты долженъ многія страданья пренести.
Гряди, и буди твердъ!... Слова произнеслися,
И гласомъ пѣсненнымъ по сводамъ раздалися.
Въ душѣ Монархъ тогда спокойство ощутилъ,
И паки шествіе ко граду обратилъ.
Адашевъ къ славѣ огнь въ Царѣ усугубляетъ,
Написанныхъ Князей въ предсѣніи являетъ.
Се Рюрикъ, предокъ твой, вѣщаетъ онъ Царю,
Троянску отрасль въ немъ и Августову зрю;
Онъ, силы подкрѣпивъ колеблемой державы,
Потомкамъ начерталъ безсмертной образъ славы.
Се Ольга мудрая, казняща Искорестъ,
Лучи вокругъ главы, въ рукахъ имѣетъ крестъ;
Коль свято царствуетъ полночною страною!
Жена прославилась правленьемъ и войною.
Се праотцы твои! взгляни на нихъ, взгляни:

Ты видишь славу ихъ! колѣна преклони.
Здѣсь кисть ученіе твое изобразуетъ....
И дѣда Царскаго Адашевъ указуетъ,
Который внутрь и внѣ спокоилъ царствъ раздоръ;
Но, кажется, къ Царю суровый мещетъ взоръ,
И внука праздностью на тронѣ укоряетъ.
Краснѣя Іоаннъ на ликъ его взираетъ,
Токъ слезный отъ стыда изъ глазъ его течетъ.
Начнемъ, начнемъ войну! Адашеву речетъ.
И се парящая въ кругахъ эфирныхъ слава
Гласитъ: готовься цвѣсть, Россійская держава!
Благочестивый духъ Царя въ Казань ведетъ;
Престольный градъ его съ гремящимъ плескомъ ждетъ;
Всевышній на него склонилъ свою зѣницу,
И Царь торжественно вступилъ въ свою столицу.
Окрестности ея внезапно процвѣли,
Во срѣтенье ему, казалось, рощи шли;
Суровостью времянъ веселость умерщвленна,
Въ долинахъ и лѣсахъ явилась оживленна;
Какъ будто бы струи прешедый чермныхъ водъ,
Ликуетъ на холмахъ толпящійся народъ;
Подъемлетъ высоко Москва верхи златые,
И храмы пѣніемъ наполнились святые;
Любовью видитъ Царь возженныя сердца,
Зритъ въ подданныхъ дѣтей, они въ Царѣ отца;
На лицахъ радости, въ очахъ увеселенье,
И духомъ сладкое вкушаетъ умиленье.
Коль Царь всевышню власть нечестіемъ гнѣвитъ,
Натура вся тогда пріемлетъ смутный видъ;
Но если подъ вѣнцемъ сіяетъ добродѣтель,
Ликуетъ весь народъ, натура и Владѣтель!
Казалось, Іоаннъ вновь царство пріобрѣлъ;
Избранной Думѣ быть въ чертоги повелѣлъ [1]);

[1]) Избранная Дума имяновалась въ то время вышнее правительство, что нынѣ Сенатъ.

Донынѣ стольный градъ, стенящій, утружденный,
Явился будто бы осады свобожденный.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О вы, щастливые грядущихъ лѣтъ пѣвцы!
Завидны ваши мнѣ Парнасскіе вѣнцы:
Вы ихъ получите, воспѣвъ Екатерину.
Мнѣ Музы не сію назначили судьбину:
Велятъ ко временамъ минувшимъ прелетѣть,
Дивиться въ мысляхъ Ей, а Іоанна пѣть.
Но древнія дѣла имѣя предъ очами,
Ея премудрости одушевлюсь лучами.
Изгнавъ изъ Царскаго жилища Іоаннъ
Развраты, клевету, коварство, лесть, обманъ,
Оставя праздну жизнь въ златомъ одрѣ лежащу,
И маковы цвѣты и гроздіе держащу;
Отвергнувъ отъ очей соблазновъ темноту,
Что истины святой скрывала красоту;
Изъ грознаго Царя, какъ агнецъ, ставъ незлобенъ,
Былъ солнцу Іоаннъ восточному подобенъ,
Которое, когда свое лице явитъ,
Сіяніемъ лучей вселенную живитъ.
Льстецы, что слабости Монарши умножали,
Какъ темны облака домъ Царскій окружали;
Подобно солнечный вселенной льстящій зракъ
Сгущенныхъ тучь отъ глазъ скрываетъ часто мракъ,
Когда поверхность ихъ лучами озлащенна,
Отъ грома ихъ земля бываетъ устрашенна;
Но нынѣ, смутныя веселости разгнавъ,
Всю важность ощутивъ Владѣтелевыхъ правъ,
И возвративъ себя народу и коронѣ,
Явился Іоаннъ, какъ дневный свѣтъ на тронѣ;
Сердца воззрѣніемъ безмрачнымъ восхищалъ,
Со умиленіемъ Боярамъ онъ вѣщалъ:

О вы, которые державу мнѣ вручили [1]),
И царствовать меня во младости учили!
Мнѣ мнится, моего правленія заря
Не кажетъ днесь во мнѣ достойнаго Царя;
Мечтается въ умѣ моихъ мнѣ предковъ слава;
Я вижу подвиги младаго Святослава;
Онъ зрится въ полѣ мнѣ между шумящихъ стрѣлъ,
Парящъ во слѣдъ врагамъ Россійскимъ какъ орелъ.
Ревнуетъ духъ во мнѣ Владиміру святому;
Завидую изъ рукъ его звучащу грому,
Который онъ на Тавръ, на Халкидонъ металъ,
И солнцемъ наконецъ своей державы сталъ;
Отдавъ покой и миръ врагамъ своимъ недавнымъ,
Россію просвѣтилъ закономъ православнымъ.
Предсталъ моимъ очамъ Великій Мономахъ,
Который наводилъ на Цареградцевъ страхъ,
И гордость обуздавъ Монарховъ ихъ надменныхъ,
Къ ногамъ своимъ Царей увидѣлъ преклоненныхъ:
Смиряяся Комнинъ, въ знакъ мира, наконецъ,
Ему приноситъ въ даръ порфиру и вѣнецъ.
Я сей вѣнецъ ношу, державу ту имѣю,
Но предковъ шествовать стезями не умѣю.
Недавно возгремѣлъ побѣдами мой дѣдъ,
Отечество свое отъ многихъ спасшій бѣдъ;
Россія вознесла главу при немъ высоко,
Потупилося ордъ враждующее око:
Потомокъ я и сынъ Монарховъ таковыхъ,
Имѣя ту же власть, нейду слѣдами ихъ.
Злодѣями со всѣхъ сторонъ мы угнетенны,
И столько презрѣнны, сколь были мы почтенны.
На что народамъ Царь, Вельможи имъ на что,
Когда ихъ защищать не думаетъ никто?

[1]) Содержаніе сей рѣчи почерпнуто изъ подлинной, говоренной Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ при тогдашнемъ случаѣ.

Вельможи и цари отечества ограда!
Мы спимъ, какъ пастыри безпечные у стада;
Не Крымъ и не Казань губители его,
Мы первые враги народа своего.
О Россы! ваша честь и слава умерщвленна,
И есть ли въ свѣтѣ мы, забыла вся вселенна.
Надъ самой бездной мы злощастія стоимъ,
Мы гибнемъ! но спасать Россію не хотимъ!
Казань, которая Россію ненавидитъ,
Теперь со трепетомъ Свіяжски стѣны видитъ;
Тамъ другъ отечества, тамъ вѣрный Царь Алей
Разсѣянныхъ Татаръ погналъ во градъ съ полей;
Въ единое гнѣздо злодѣи наши скрылись,
Широкіе пути намъ къ славѣ отворились;
Не наши выгоды хощу вамъ описать,
Хощу совѣта, какъ отечество спасать?
Отважиться ли намъ съ Ордами къ трудной брани,
Иль въ страхѣ погребстись и имъ готовить дани?
И страхъ отечества, а вы его сыны,
И должны ваши быть совѣты мнѣ даны....
Такое Іоаннъ представилъ искушенье
Вельможамъ, собраннымъ на твердое рѣшенье;
Но каждый взоръ изъ нихъ другъ на друга кидалъ,
И младшій старшаго къ совѣту ожидалъ.
Тогда отвѣтъ простеръ сѣдиной умащенный,
Носящъ чинъ Ангельскій и санъ первосвященный,
Небеснымъ житіемъ извѣстный Даніилъ:
О Царь! ты кровь мою къ отмщенью вспламенилъ,
И бѣдство общее толь живо мнѣ представилъ,
Что не любить въ сей разъ враговъ меня заставилъ;
Но правила мои и санъ претитъ мой мнѣ
Другова поощрять и мыслить о войнѣ.
Когда бы дѣйствіе слова мои имѣли,
Нигдѣбъ оружія во свѣтѣ не гремѣли;
Однако есть враги, и бранямъ должно быть!

Ихъ можно дозволять, но брани грѣхъ любить;
Не кровію алкать Монарха устремляю,
Но вѣру защищать тебя благословляю.
Казалось, съ небеси тѣ слышались слова,
И преклонилася вѣнчанная глава.
Сіяли радости въ очахъ у Іоанна;
Но слышенъ тихій гласъ Боярина избранна,
Который зрѣлымъ былъ разсудкомъ озаренъ,
Власами бѣлыми, какъ снѣгомъ, покровенъ;
Кубенскій Князь то былъ, столѣтія достигшій,
Заслуги многія отечеству чинившій,
Дрожащу руку онъ прижавъ ко персямъ рекъ:
Сѣдины на главѣ моей древній кажутъ вѣкъ,
И щастіе уже не льститъ мнѣ никакое,
Я только жизнь мою хочу скончать въ покоѣ;
Не сродника во мнѣ почти, о Государь!
Но старцевыхъ рѣчей послушай, юный Царь:
Не полагаяся на память усыпленну,
Взгляни на грудь мою, во браняхъ изъязвленну;
Докажетъ подвиги мои тебѣ она,
И сколько мнѣ должна извѣстна быть война.
Подъ сѣнью тишины цвѣтетъ держава краше;
Миръ сладкій, не война вѣнчаетъ щастье наше.
Въ любви къ отечеству я самъ и твердъ и гордъ;
Но слабы стали мы противу сильныхъ Ордъ.
Димитрій, предокъ твой, въ чувствительномъ уронѣ
Мамая сокрушилъ и съ воинствомъ при Донѣ;
Но долго ли покой въ Россіи процвѣталъ?
Свирѣпый Тахтамышъ, какъ бурный вихрь, возсталъ,
И въ сердце нашего отечества вломился,
Россійской кровію полночный край омылся.
Судьбы державы всей на случай не взлагай,
Людей, о Государь! не грады сберегай.
Для славы воевать, слаба сія причина;
А царство безъ гражданъ пустыня лишь едина.

Спокоишь смутный духъ, моимъ словамъ внемли:
Коль любишь царствовать обширностью земли—
Твои границы Днѣпръ съ полудня орошаетъ,
Россія Волжскія струи доднесь вкушаетъ;
Тамъ бурный Волховъ зришь, тамъ кроткую Оку,—
Ты Царь обширныхъ странъ! я смѣло изреку:
Взведи съ престола ты твои повсюду очи,
Владѣтель цѣлыя явишься полуночи;
Народъ въ сравненіе обширности возьми,
Мы бѣдны не землей, но бѣдны мы людьми.
Съ кѣмъ хочешь въ брань итти? Отцы у насъ побиты,
Младенцы бѣдствуютъ правленіемъ забыты;
Старайся въ мужество ихъ младость привести,
И юнымъ симъ птенцамъ дай время возрасти;
Тогда со стадомъ симъ къ побѣдамъ устремляйся.
Готовъ ко бранямъ будь, но алчнымъ не являйся.
То слово съ жадностью Князь Глинскій подхватилъ,
И взоры на себя всей Думы обратилъ.
Сей Князь, коварный Князь, Вельможамъ былъ ужасенъ;
Злокозненъ во враждѣ, и въ дружествѣ опасенъ.
Въ той часъ во мрачности таяща острый взоръ,
Вгнѣзденна хитрость тамъ, гдѣ Царскій пышный Дворъ,
Во облакѣ густомъ надъ Думою носилась,
Коснулась Глинскому, и въ мысль его вселилась;
Разсыпавъ вкругъ его туманистую мглу,
Простерлась по его нахмурениу челу;
Во нравахъ былъ всегда онъ сходенъ мрачной ночи;
Возведши впалыя на Іоанна очи,
Онъ тако рекъ возставъ: блюди твой Царскій санъ,
Тебѣ для выгодъ онъ твоихъ и нашихъ данъ.
Тебѣ ли сѣтовать, тебѣ ли, Царь, крушиться,
И сладкой тишины для подданныхъ лишиться?
Ты Богъ нашъ! Еслибъ мы могли и нищи стать,
То намъ ли на тебя отважиться роптать?
Притомъ на что Казань, на что война и грады?

Пріемлемъ безъ того изъ рукъ твоихъ награды;
Блаженство во твоемъ владѣніи цвѣтетъ;
Любителямъ войны и цѣлый тѣсенъ свѣтъ!
Къ тому достойны ли любви народы оны,
Которы бунтовать дерзнутъ противъ короны?
Свидѣтелемъ тому бунтующій сей градъ;
Коль горько пострадалъ за вѣрность здѣсь мой братъ!

Умолкъ, и сладостью притворной обольщенны,
Развратные сыны казались восхищенны;
Ихъ очи Глинскаго одобрили совѣтъ;
Ни чей не страшенъ сталъ ласкателямъ отвѣтъ;
На собственну корысть въ умѣ они взираютъ,
Но пользу общую ногами попираютъ.

Вдругъ будто въ пеплѣ огнь, скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Князь Курбскій съ мѣста всталъ, какъ нѣкій ярый левъ;
Власы вздымалися, глаза его блистали,
Его намѣренье безъ словъ въ лицѣ читали.
На Глинскаго онъ, взоръ строптивый обративъ,
Вѣщалъ: ты знатенъ, Князь, но ты несправедливъ!
Цвѣты, которые разсыпаны тобою,
Ужасную змію скрываютъ подъ собою;
Ты мщеніемъ однимъ за сродника горя,
Отца у подданныхъ, отъемлешь ихъ Царя.
Что Глинскій плаваетъ въ довольствѣ и покоѣ,
Россію щастіе не сохранитъ такое.
О царь мой! властенъ ты мою изчерпать кровь,
Однако въ ней почти къ отечеству любовь;
Позволь мнѣ говорить: оставь богатству нѣги,
Вели ты намъ прейти пески, и зной, и снѣги;
Мы рады съ цѣлою вселенной воевать,
Имѣніе и женъ готовы забывать,
Готовы защищать отечество любезно;
Не робкими намъ быть, но храбрыми полезно.
Орды ужасны намъ; ужасны будемъ имъ,
Ужасны, ежели мы лѣность побѣдимъ;

Отмстимъ за прадѣдовъ, за сродниковъ нещастныхъ,
За насъ самихъ отмстимъ Ордамъ до днесь подвластныхъ;
Лишь только повели,—за Днѣпръ и за Казань,
Въ сердцахъ мы понесемъ войну, тревогу, брань!
Но если праздностью себя мы обезславимъ,
И нашихъ силъ противъ Ордынскихъ не поставимъ,
Пойду отсель на край вселенной обитать;
Любви къ отечеству мнѣ нечѣмъ здѣсь питать!
Подавленна она и сокрушенна лестью;
Чины пріобрѣтать единой должно честью,
Служить отечеству трудами и мечемъ;
О чести я пекусь, а больше ни о чемъ....
Какъ море бурями отвсюду возмущенно,
Не вдругъ при тишинѣ бываетъ укрощенно:
Таковъ и Курбскій былъ; бесѣдовать престалъ;
Но стонъ произносилъ и весь онъ трепеталъ.
Въ то время Іоаннъ умильными очами
Далъ знакъ, что Курбскаго доволенъ былъ рѣчами:
Пріятный Царскій взоръ щитая за отвѣтъ,
Придворные и сей одобрили совѣтъ.
Испорченный давно придворныхъ почитаньемъ,
Схватясь за мечь рукой, Князь Глинскій всталъ съ роптаньемъ.

Но тутъ присутствуя, какъ тихая весна,
Адашевъ ихъ расторгъ, какъ облаки луна,
И рекъ: какой намъ стыдъ! врагамъ какая слава!
Отъ нашихъ неустройствъ колеблется держава.
Теперь ли внутренни раздоры начинать,
Когда пришли часы отечество спасать?
Мужайся, Царь, ступай тебѣ отверстымъ слѣдомъ
Къ спасенью общему отцемъ твоимъ и дѣдомъ;
И терны оные пожни твоей рукой,
Которые до днесь смущаютъ нашъ покой.
А вы, правленія почтенныя подпоры,
Вельможи! прежніе забудьте днесь раздоры.
Се! намъ отечество стеная предстоитъ;

Оно друзьями намъ въ совѣтахъ быть велитъ;
Оно рыдаючи сынамъ своимъ вѣщаетъ:
Тотъ врагъ мой, за мои кто слезы не отмщаетъ;
Взгляните, говоритъ, на горы, на поля,
Тамъ кровью Россіянъ увлаженна земля;
Тамъ ваши сродники и дѣти избіенны
Выходятъ изъ гробовъ на васъ ожесточенны;
Отмстите вы за насъ, отмстите! вопіютъ.
Не мстимъ, и нашу кровь до днесь враги ліютъ.
Вельможи! какъ свою державу успокоимъ,
Единодушія коль въ Думѣ не устроимъ?
Презрѣнна зависть насъ снѣдаетъ и дѣлитъ,
А честь о тишинѣ пещися намъ велитъ.
Соединимъ сердца, раздоры позабудемъ,
Тогда почтенными людьми мы прямо будемъ;
Насъ Царь, отечество къ спасенію зоветъ.
О други! труденъ ли на сей вопросъ отвѣтъ?
Тогда Геройства духъ, во свѣтломъ видѣ зримый,
Явился вкругъ всего собранія носимый;
Спокойство сладкое на лица изливалъ,
Жаръ бодрости въ сердцахъ Боярскихъ запылалъ,
И рѣчь сію уста Хилкова вострубили:
О братія! онъ рекъ, иль бѣдство вы забыли,
Кипящее вездѣ, какъ токи бурныхъ водъ?
Князья за скипетры, за нихъ страдалъ народъ,
И буря бранная въ отечествѣ шумѣла;
Она близъ трехъ вѣковъ какъ громъ вездѣ гремѣла;
Въ сіи постыдныя Россіи времяна,
Погасли Княжески священны имяна;
Чужіе къ намъ пришли обычаи и нравы,
Изгладились слѣды Россійской древней славы.
Иль грозныхъ дней опять дождаться мы хотимъ?
Что мы гнѣздилища враговъ не истребимъ?
Россіяне! изъ сей, изъ гордой сей Казани,
Грозятъ набѣги намъ, раздоры, смуты, брани;

Когда отечество погибло не совсѣмъ,
Слѣпому щастію обязаны мы тѣмъ;
Но если гидры сей глава не сокрушится,
Россія имяни со времянемъ лишится.
Вельможи! презритъ насъ унывшихъ цѣлый свѣтъ;
Потомкамъ плачущимъ мы должны дать отвѣтъ.
Но царству кто изъ насъ не хощетъ обороны,
Тотъ врагъ отечества, врагъ вѣры, врагъ короны,
И долженъ общее презрѣніе нести.
Князь Глинскій не умѣлъ терпѣнья соблюсти:
Садился, возставалъ, въ лицѣ перемѣнялся,
И немощь возмечтавъ, изъ Думы уклонялся.
Но Царь, глаза свои возведши къ небесамъ,
Вѣщалъ: хощу итти, хощу на орды самъ.
Онъ вѣдалъ мягкое Вельможей многихъ свойство,
И любящихъ Двора роскошное спокойство,
Въ которое своимъ примѣромъ ихъ вовлекъ;
Къ терпѣнью и трудамъ привлечь ихъ, тако рекъ:
Вы узрите меня въ войнѣ примѣръ дающа,
Вкушающаго хлѣбъ и въ нуждѣ воду пьюща;
Я твердость понесу одну противъ враговъ;
Мнѣ будетъ одръ—земля, а небо—мой покровъ;
Труды для подданныхъ мнѣ будутъ услажденьемъ,
Начну я собственнымъ побѣды побѣжденьемъ;
Коль роскошь узрите когда въ шатрѣ моемъ,
То въ нѣгахъ утопать позволю войскамъ всѣмъ:
И требую отъ васъ, когда вы мнѣ послушны,
Пребудьте въ подвигахъ со мной единодушны,
Устройте къ общему спасенію умы,
Да Россы будучи, и братья будемъ мы.
Слова сіи сердецъ уже не премѣнили,
Но пущимъ жаромъ ихъ къ войнѣ воспламенили,
И шумъ внимаемъ былъ, какъ звукъ военныхъ лиръ;
Казалось, не на брань готовятся, на пиръ.
Но слово, кое Царь и въ таинствѣ вѣщаетъ,

Ни храмина въ себѣ, ни градъ не умѣщаетъ:
О скрытыхъ узнавать пекущася дѣлахъ,
Нескромность Царску мысль выноситъ на крылахъ;
Сія позорна страсть, принявъ лице и тѣло,
По Царскимъ комнатамъ, по стогнамъ ходитъ смѣло,
Касается она Царицынымъ ушамъ,
Вѣщая: Іоаннъ идетъ къ Казани самъ!
Князь Глинскій, правдою сраженъ, еще лукавилъ,
Въ ужасныхъ видахъ ей походъ Царевъ представилъ;
Какъ буря тихій день, въ ней сердце возмущалъ,
И смерть Монаршую супругѣ предвѣщалъ.
Когда спокойствомъ царь и славой услаждался,
Единою совѣтъ душею оживлялся;
Послушность ихъ была сходна водѣ рѣчной,
Текущей по ея стремленью съ быстриной.
Вдругъ видятъ плачущу Царицу къ нимъ входящу,
Младенца своего въ объятіяхъ держащу;
Казалося, отъ глазъ ея скрывался свѣтъ,
Или сама печаль въ лицѣ ея грядетъ,
Тоски она несла въ чертахъ изображенны,
И руки хладныя ко персямъ приложенны.
Толь смутной иногда является луна,
Когда туманами объемлется она,
Съ печальной томностью лице къ землѣ склоняетъ,
И видъ блистательный на блѣдный премѣняетъ.
Пришла, и на Царя взглянувъ, взрыдала вдругъ,
Скрѣпилась и рекла: ты ѣдешь, мой супругъ!
Ты жизнь твою цѣной великою не ставишь;
Но вспомни, что меня отчаянну оставишь!
Когда не тронешься любовію моей,
Ужель не умягчитъ тебя младенецъ сей?
У ногъ твоихъ лежитъ онъ съ матерью нещастной,
Уже лишенной чувствъ, уже теперь безгласной!
Смотри, онъ силится въ слезахъ къ тебѣ воззрѣть,
Онъ хочетъ вымолвить: не дай мнѣ умереть.

Читай въ очахъ его нѣмые разговоры;
О чемъ языкъ молчитъ, о томъ разскажутъ взоры;
Вѣщаетъ онъ: спаси меня отъ сиротства,
И мать нещастную отъ слезнаго вдовства.
О Царь мой! о супругъ! имѣй ты жалость съ нами,
Не отдѣлись отъ насъ обширными странами,
Военнымъ бѣдствіямъ не подвергай себя;
Иль храбрыхъ въ царствѣ нѣтъ вельможей у тебя?
На что отваживать тебѣ не принужденно,
Для Россовъ здравіе твое неоцѣненно?
Храни его для всѣхъ, для сына, для меня!
Останься! я молю, у ногъ твоихъ стеня.
Когда же лютый сей походъ ужъ положенъ,
И въ брань итти отказъ Монарху невозможенъ,
Такъ пусть единою мы правимся судьбой:
И сына, и меня возьми, мой Царь, съ тобой!
Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже;
Я камни и пески почту за брачно ложе;
Возьми съ собою насъ!... Какъ кедръ съ различныхъ странъ
Колеблемъ вѣтрами, былъ движимъ Іоаннъ:
Но въ мысляхъ пребылъ твердъ.... Царю во умиленье
Представилось у всѣхъ на лицахъ сожалѣнье:
Слезъ токи у Бояръ рѣками потекли,
Останься, Государь! Царю они рекли.

Усердьемъ тронутый и нѣжными слезами,
Заплакаными самъ воззрѣлъ къ нимъ Царь глазами;
Супругу вѣрную поднявъ облобызалъ;
Вельможамъ наконецъ такой отвѣтъ сказалъ:
На что мнѣ быть Царемъ, коль трудъ за бремя ставить,
И царствомъ самому отъ праздности не править?
Чужими на поляхъ руками воевать,
И разумомъ чужимъ законы подавать;
Коль титломъ мнѣ однимъ Монарха веселиться,
То власть моя и тронъ со всѣми раздѣлится;
Я стану имянемъ единымъ обладать,

Потомъ отъ подданныхъ законовъ ожидать;
Какъ плѣнникъ буду я, прикованный ко трону,
Вожди другимъ вручивъ, къ стыду носить корону.
На что же мнѣ вѣнецъ?... Возлюбленна моя!
О ты, которую чту не меньше жизни я!
Къ тебѣ я узами сердечными привязанъ;
Но прежде былъ служить отечеству обязанъ,
И только сталъ во свѣтъ наслѣдникомъ рожденъ,
По званію сему ужъ былъ предупрежденъ—
Въ народномъ щастіи мое блаженство числить,
И собственность забывъ, о благѣ общемъ мыслить;
Душевны слабости и нѣги отметать,
Во подданныхъ друзей и ближнихъ почитать:
Вотъ Должность Царская... О вѣрная супруга,
Мой первый есть законъ—отечеству услуга;
Не отторгай меня отъ бремени сего,
Которо свято есть для сердца моего;
Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду,
Супругъ и Царь тогда достойный я не буду.
Скончавшу таковы Монарху словеса,
Казалось, новый свѣтъ излили небеса;
Царица лишь одна, объемлющая сына,
Какъ солнце зрѣлася въ затмѣніи едина.
Когда отъ слезъ Монархъ Царицу ублажалъ,
Свіяжскій вдругъ гонецъ въ собраніе вбѣжалъ;
Онъ ужасъ на челѣ и видъ имѣлъ смущенный,
И такъ отвѣтствовалъ Монархомъ вопрошенный:
Измѣна, Государь, измѣна въ царствѣ есть!
Безбожный Царь Алей, забывъ законъ и честь,
Стезями тайными отъ насъ въ ночи сокрылся,
Съ Сумбекою Алей въ Казанѣ затворился;
Боящихся Небесъ я присланъ отъ Бояръ
Сей новый возвѣстить отечеству ударъ.
Имѣя Іоаннъ своимъ Алея другомъ,
Казался быть раженъ унынія недугомъ,

И рекъ въ смущеніи, не умѣряя словъ:
Се нынѣшнихъ друзья испорченныхъ вѣковъ!
Несытая корысть ихъ узы разрушаетъ,
И прелесть женская горячность потушаетъ!
Но Адску злобу мы у нашихъ узримъ ногъ;
Намъ храбрость будетъ вождь, подпора наша Богъ!
Велите возвѣстить слова мои народу,
И двигнемъ силы всѣ къ поспѣшному походу;
Коломна цѣлію да будетъ всѣмъ полкамъ,
Куда собраться имъ, куда собраться намъ;
Оттолѣ потечемъ, устроя силы къ брани,
Подъ сѣнію Орла Россійскаго къ Казани.
Хоть весь на насъ востокъ вооруженный зримъ,
Но съ вами въ брань идущъ я есмь непобѣдимъ!
Царица нѣжная отъ трона удалилась,
И въ сердцѣ у нее надежда поселилась.
Едва лишь возгремѣлъ во градѣ трубный гласъ,
Духъ брани по сердцамъ простерся въ тотъ же часъ;
И храбрость на стѣнахъ вздремавшая проснулась,
На щитъ, на копіе, на мечъ свой оглянулась:
Я вижу въ прахѣ васъ, орудіямъ рекла,
И пыль съ себя стряхнувъ, по стогнамъ потекла.
Гдѣ праздность роскоши въ объятіяхъ гнѣздилась,
Тамъ грозная война какъ огнь воспламенилась;
Зажженный пламенникъ несетъ своей рукой,
Летятъ изъ градскихъ стѣнъ утѣхи и покой,
Межъ кроткихъ поселянъ убѣжище находятъ;
Граждане шумъ одинъ и ужасъ производятъ.
Уже орудія звучатъ вокругъ знаменъ,
Отмщенье вырваться готовится изъ стѣнъ;
Брони его блестятъ; прямые Царски други
Съ охотой жизнь несутъ отечеству въ услуги;
Въ заботѣ радостной ликуютъ домы ихъ,
Нахмуренна печаль въ слезахъ сидитъ у злыхъ.
О вѣчность! обрати теченіе природы,

И живо мнѣ представь исчезнувые годы.
Се вѣчность, возмутивъ священну тишину,
Мнѣ кажетъ ратниковъ грядущихъ на войну!
Держащій булаву и щитъ златый руками,
Князь Пронскій зрится мнѣ предъ конными полками;
Густыми перьями покрытъ его шеломъ,
И мнится, издаютъ его доспѣхи громъ.
Не угроженіемъ, не строгимъ разговоромъ,
Но, мнится, правитъ Князь полки единымъ взоромъ,
Изъ юношей сія дружина состоитъ,
Которыхъ родъ во всей Россіи знаменитъ.
Блестящій мечъ нося, Князь Палецкій выходитъ,
Съ пищалями стрѣльцовъ и съ копьями выводитъ;
Вдали являются они какъ лѣсъ густой,
И молніи родятъ оружій чистотой;
Великое они покрыли ратью поле,
Но сильны не числомъ, а храбростію болѣ.
Но что восхитило вниманіе и взоръ?
Я вижу пламенныхъ Опричниковъ соборъ [1])!
Се войска цѣлаго подпора и надежда,
Сіяетъ, будто огнь, златая ихъ одежда.
Какъ въ храмѣ Божіемъ является олтарь,
Такъ зрится мнѣ грядущъ въ срединѣ оныхъ Царь;
На шлемѣ у него орла изображенна,
Царя вельможами я вижу окруженна;
Гдѣ онъ присутствуетъ, и слава зрится тутъ;
Седьмь юношей вокругъ оружія несутъ;
Иной идетъ съ копьемъ, иной съ большимъ колчаномъ [2]),
Съ великимъ сайдакомъ, съ мечемъ, съ щитомъ, съ тимпаномъ,
Пернаты видятся чеканы вкругъ его.

---

[1]) Опричниками назывались лучшіе воины, составлявшіе гвардію Царскую.

[2]) Сіи вооруженія во время похода обыкновенно вкругъ Царя носимы были его Рындами. Рынды были придворные дворяне.

Въ Монархѣ Бога я представилъ самого,
Когда онъ грозные съ небесъ низводитъ взгляды,
Имѣя вкругъ себя перуны, вихри, грады,
Блистаютъ огненны по воздуху лучи,
Какъ звѣзды, съ небеси падущія въ ночи,
Дрожитъ вселенная, міръ ужасъ ощущаетъ!
Богъ мститъ, но стрѣлъ еще громовыхъ не пущаетъ.
Мнѣ Царь представился въ величествѣ такомъ,
Біющій медленно во звучный накръ жезломъ;
Онъ множитъ въ ратникахъ отважность и вниманье,
Которы громъ несутъ Казанцовъ на попранье.
За нимъ избранные полки съ мечами шли:
Возстала пыль, но свѣтъ отъ нихъ сіялъ въ пыли.
Украшенъ сѣдиной, въ служеніи священномъ,
Мнѣ зрится Даніилъ на мѣстѣ возвышенномъ;
Грядуще воинство изъ градскихъ вратъ чредой
При пѣніи кропитъ священною водой.
Мой слухъ стенанія съ военнымъ шумомъ внемлетъ;
Братъ брата, сынъ отца прощаяся объемлетъ.
Тамъ ратникъ зрится мнѣ покрытый сѣдиной,
Трудами изнуренъ, болѣзнями, войной,
Съ сердечной ревностью на воинство взираетъ,
И руки томныя на небо простираетъ;
Открылася его израненная грудь,
О Боже! онъ вскричалъ, благослови ихъ путь!
Съ высокой храмины взирающій со стономъ,
Но въ духѣ подкрѣпленъ святымъ своимъ закономъ,
Родитель сына зря подъ шлемомъ, вопіетъ:
Я, можетъ быть, съ тобой въ послѣдній вижу свѣтъ!
Но если жизнь свою ты въ полѣ и оставишь,
Коль многихъ ты сыновъ отъ пагубы избавишь!
Небесный обрѣти или земной вѣнецъ;
А если я умру, то Царь тебѣ отецъ.
Тамъ смотрятъ матери на чадъ во умиленьѣ—
Но все умолкло вдругъ, зрю новое явленье!

Простерши взоръ къ Царю чертоговъ съ высоты,
Царица нѣжная, въ слезахъ мнѣ зришься ты!
Какъ будто бы къ себѣ Царя обратно проситъ,
Младенца своего на раменахъ возноситъ;
Растрепанны власы, взоръ томный, блѣдный видъ
Поколебалъ Царя!... Но стонъ въ груди былъ скрытъ;
Слезъ капли отеревъ, взглянувъ на мечь, на войски,
И чувства на лицѣ изобразилъ геройски:
Еще мнѣ видится съ небесъ простерта длань,
Вѣнчающа полки, грядущіе на брань.
Но пусть къ Ордамъ несетъ Россійскій Марсъ перуны,
Хощу перемѣнить на звучной лирѣ струны;
Доколь кровавыхъ мы не зримъ еще полей,
Воззримъ, что дѣлаютъ Сумбека и Алей.
О Музы! лиру мнѣ гремящу перестройте,
И нѣжности любви при звукахъ бранныхъ пойте;
Дабы за вами въ слѣдъ мой духъ быстрѣй парилъ,
Внушите пламень вашъ, прибавьте мыслямъ крилъ;
Еще отдалены побѣдоносны брани,
Вѣщайте трепетъ, лесть и хитрости Казани!

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Уже блюстители Казанскія измѣны,
Восходятъ высоко Свіяжски горды стѣны;
Сумбекѣ городъ сей былъ тучей громовой,
Висящей надъ ея престоломъ и главой,
И Волга, зря его, свои помчала волны,
Россійской славою, Татарскимъ страхомъ полны;
Ужасну вѣсть Ордамъ о градѣ принесла;
Въ Казани смутная опасность возрасла;
Надежда отъ сердецъ кичливыхъ удалилась,
И матерь безпокойствъ, въ нихъ робость поселилась:
У дня отъемлетъ свѣтъ, спокойство у ночей,
Имъ страшно солнечныхъ сіяніе лучей;

При ясномъ небѣ имъ надъ градомъ слышны громы;
Въ дыму и въ пламени имъ кажутся ихъ домы:
Обвитый въ черную одежду общій страхъ
Казанцамъ видится на стогнахъ и стѣнахъ:
Кровавый мечь въ рукѣ онъ зрится имъ носящимъ,
Луну дрожащу ссѣчь съ ихъ капищей хотящимъ;
Имъ часто слышится, въ полночный тихій часъ,
Поющихъ Христіанъ благочестивый гласъ;
Священный зрится крестъ, рушитель ихъ покою,
Начертанъ въ воздухѣ невидимой рукою.
Народамъ такъ грозитъ вселенныя Творецъ,
Когда державѣ ихъ готовитъ Онъ конецъ.
Какъ будто жители Енопскія Додоны,
Отъ коихъ древнія родились Мирмидоны,
Разсѣянна Орда, послышавъ грозну брань,
Изъ дальнихъ самыхъ мѣстъ подвиглася въ Казань.
Уже обильные луга опустошили,
Которыхъ Россіянъ ихъ праотцы лишили.
Подъ сѣнь Казанскую народы притекли,
Которы святости кумировъ предпочли;
Отъ бурныя Суры, отъ Камы быстротечной
Семейства движутся Орды безчеловѣчной.
Поля оставили и Волжскій токъ рѣки,
Языческихъ боговъ носящи Остяки,
Ихъ нѣкій страхъ съ луговъ подъ градски стѣны гонитъ;
Увидя ихъ Казань, главу на перси клонитъ!
Бойницы множитъ вкругъ, огромность стѣнъ крѣпитъ;
Но ими окруженъ, народъ не сладко спитъ:
Онъ слышитъ стукъ мечей и трубны въ полѣ звуки,
Возноситъ къ небесамъ трепещущія руки;
Но Богъ, развратныя сердца познавый въ нихъ,
Ликъ свѣтлый отвратилъ, отринувъ просьбы ихъ,
И мраки въ воздухѣ ихъ вопли препинали!
Упала тьма на градъ, тамъ стѣны возстенали!
Казалось, небеса паденіемъ грозятъ;

Казанцы темну грудь въ отчаяньѣ разятъ.
Но гордость тяжкому стенанію не внемлетъ,
Изъ моря общихъ золъ главу она подъемлетъ,
И попирающа ногой своей народъ,
Съ его унынія пожати хощетъ плодъ:
Вѣщаютъ рѣки брань, поля ее вѣщаютъ;
Но духа гордыя Сумбеки не смущаютъ.
Въ то время Фурія, паляща смертныхъ кровь,
Рожденная во тьмѣ развратная любовь,
Которая крутитъ и мучитъ человѣковъ,
Слывуща нѣкогда Кипридою у Грековъ;
Не та, которая вселенной въ юныхъ дняхъ,
Отъ пѣны сребряной родилася во волнахъ,
Сія вещей союзъ во свѣтѣ составляетъ;
Другая рѣшитъ все, все портитъ, растравляетъ.
Такою былъ Ираклъ къ Омфалѣ распаленъ,
Такой Пелеевъ сынъ подъ Троей ослѣпленъ;
На Ниловыхъ брегахъ была такая зрима,
Когда вздыхалъ на нихъ преобразитель Рима;
Въ очахъ ея покой, въ душѣ ея война,
И токмо вздохами питается она,
Тоской, мученьями и плачемъ веселится.
Развратныхъ ищетъ душъ, алкая въ нихъ вселиться.
Пришедша посѣтить восточную страну,
На тронѣ зритъ она прекрасную жену;
Ея стенанію, ея желаньямъ внемлетъ,
И пламенникъ она и крылія пріемлетъ,
Сумбекѣ предстоитъ, раждаетъ огнь въ крови,
Вѣщая: тягостны короны безъ любви,
Противна безъ нея блестящая порфира,
И скучны безъ любви блаженствы здѣшня міра;
Дай мѣсто въ сердцѣ мнѣ, будь жрицею моей,
И не страшись войны, коварствъ, ни мятежей.
Мечтами лестными Сумбеку услаждаетъ,
И сладкій ядъ свой пить Царицу убѣждаетъ;

Она какъ плѣнница за ней стремится въ слѣдъ,
Закрывъ свои глаза, идетъ въ пучину бѣдъ.
Сумбекѣ на яву, Сумбекѣ въ сновидѣньѣ
Столицы и вѣнца является паденье,
Ей вопли слышатся, ей тѣни предстоятъ:
Лишишься царства ты! и день и нощь твердятъ.
Ея трепещетъ тронъ, и нѣкій духъ незримый
Отъ юности ея на Камѣ ею чтимый,
Сей духъ, Перуновымъ разрушенный огнемъ,
Сумбекѣ видится и нощію и днемъ;
Онъ перси молніей являетъ опаленны,
Кровавое чело и члены раздробленны.
Жестокая любовь! колико ты сильна!
Ни страха, ни угрозъ не чувствуетъ она.
Сумбека собственну напасть пренебрегаетъ,
Не къ браннымъ помысламъ, къ любовнымъ прибѣгаетъ,
Къ сему орудію коварствующихъ женъ;
О! кто не знаетъ ихъ, тотъ подлинно блаженъ!
Она казалась быть Ордынцами владѣя,
Киприда красотой, а хитростью Цирцея,
Для выгодъ собственныхъ любила Царскій санъ;
Смущали душу въ ней, не брани, Князь Османъ [1]),
Прекрасный юноша, но гордый и коварный,
Любовью тающій, въ любви неблагодарный;
Османъ, Таврискій Князь, былъ нравами таковъ,
Какъ лютая змія, лежаща межъ цвѣтовъ:
Приближиться къ себѣ прохожихъ допущаетъ,
Но жало устремивъ, свирѣпость насыщаетъ.
Сумбекѣ агнца онъ въ лицѣ своемъ явилъ,
И сердце страстью въ ней какъ жаломъ уязвилъ.
Царица пламенной любовію возженна,
Жестокимъ Княземъ симъ была пренебреженна,
Познала, что уже обманута она,

---

[1]) Подлинное его имя Уланъ Кащакъ.

Невѣренъ ей Османъ, она ему вѣрна;
Эмира взоръ его и сердце отвратила,
Которую какъ дщерь Сумбека возрастила.
Часы отсутствія, въ свиданьѣ мрачный взглядъ,
Во грудь Царицыну вливали смертный ядъ;
Утѣхи, коими до днесь она питалась,
Изъ сердца вонъ ушли, надежда въ немъ осталась,
Надежда! слабый другъ нещастливыхъ людей,
Единой тѣнью льститъ послушницѣ своей.
Когда умножилась народныхъ скорбей сила,
И робость вкругъ нея спокойство погасила;
Когда Казань власы въ отчаяньѣ рвала,
Она въ чертогъ къ себѣ Сеита призвала.
Сей извергъ первый былъ чиновникъ ихъ закона;
Хотѣла удалить его она отъ трона;
Ему противенъ былъ и страшенъ Князь Османъ;
Адъ былъ въ душѣ его, въ устахъ кипѣлъ обманъ;
На кровь Османову гортань его зіяла;
Сему вступившему Сумбека вопіяла:
  Мы гибнемъ всѣ теперь! се близокъ грозный день,
Который вѣчную сулитъ Казани тѣнь!
Прибѣгнуть надлежитъ боговъ моихъ ко храму:
Иди, почтенный мужъ, иди теперь на Каму,
Богатства въ даръ богамъ и жертвы понеси,
Живущихъ тамъ духовъ отвѣта испроси,
На насъ ли громъ они, или на Россовъ клонятъ?
Вручатъ ли имъ Казань, иль насъ отсель изгонятъ:
Когда цвѣтущіе вела я тамо дни,
Отвѣты ясные давали мнѣ они;
Противу Христіанъ питающей злодѣйство
Мнѣ страшное открыли чародѣйство;
Могла я приказать свѣтиламъ течь назадъ;
Но царствуя Ордой, забыла грозный адъ;
Внушенія боговъ притомъ не забывала:
Я кровь Россійскую рѣками проливала.

За жертвы таковы награды я хощу:
Народу, сыну я спасенія ищу;
И если помнишь ты и любишь Сафгирея,
Спѣши, вниманіе къ его вдовѣ имѣя,
Спѣши для царства ты, для вѣры, для себя!
Коль сила есть въ богахъ, послушаютъ тебя....
Сеитъ съ молчаніемъ отъ трона удалился,
На многи дни въ степяхъ походъ его продлился.
Сумбека, преуспѣвъ Сеита отдалить,
Намѣрилась престолъ съ Османомъ раздѣлить.
  Но Богъ намѣренья людскія разрушаетъ,
И гордость какъ тростникъ дхновеньемъ сокрушаетъ,
Зритъ наши Онъ сердца съ небесной высоты,
Людскіе помыслы развѣетъ какъ мечты.
  Увидя жителей отчаянныхъ Казани,
Взносящихъ къ небесамъ трепещущія длани;
Престольный видя градъ уныньемъ пораженъ,
Внимающа дѣвицъ рыданіе и женъ,
Сумбека собственну тревогу въ сердцѣ скрыла,
Народъ созвавъ, лице и голосъ притворила.
  О мужи храбрые! она вѣщаетъ имъ,
Отъ коихъ трепеталъ и Грецiя и Римъ,
Которы имянемъ Чингиса и Аттилы,
Явили страшными свои народамъ силы;
Которыхъ мужествомъ исполненъ цѣлый свѣтъ;
Вы, коихъ Скиѳами вселенная зоветъ!
Скажите мнѣ, сеголь колѣна вы потомки,
Которы славою во всей вселенной громки?
Гдѣ нынѣ время то, какъ ваши праотцы
Давали Княжески по выбору вѣнцы?
Какъ полночь робкая, въ Казань простерши длани,
Намъ вѣрностью клялась и приносила дани!
Довольно было намъ содѣлать знакъ рукой,
Чтобъ градамъ ихъ пылать и рушить ихъ покой,
Возжечь въ народѣ семъ войну междоусобну,

Родства оковы рвать и зависть сѣять злобу.
Еще на тѣхъ горахъ стоитъ нашъ гордый градъ,
На коихъ страшенъ былъ его Россіи взглядъ;
Еще ты Волжская струя не уменьшилась,
А прежней лѣпоты Казань уже лишилась;
Взведемъ ли очи мы на сѣверъ съ нашихъ горъ,
Тамъ нашей власти вкругъ уже не кажетъ взоръ;
Но что я говорю о даняхъ и о славѣ?
Законы ихъ Цари даютъ моей державѣ!
И щастье учинивъ упрямый оборотъ,
Поработаетъ ихъ закону мой народъ;
Свіяжскъ рождается, коль дивныя премѣны!
Уже къ намъ движутся Россійски съ громомъ стѣны.
Но кто сіи враги, которы намъ грозятъ,
Которы ужасомъ сердца у васъ разятъ?
То наши данники, то слабые народы,
Которыхъ жизни мы лишали и свободы.
О! ежели сіи враги ужасны вамъ,
Возьмите посохи, ступайте ко стадамъ;
Не шлемами главы, украсьте ихъ вѣнцами,
Женоподобными гордитесь вы сердцами;
И въ роскошахъ уснувъ на гордыхъ сихъ брегахъ,
Гдѣ прежде обиталъ духъ бодрости и страхъ,
Забудьте предковъ вы отечество, забудьте,
Или проснитеся и паки Скиѳы будьте.
Надежды въ браняхъ вамъ когда не подаетъ
Во мнѣ мой слабый полъ, сыновнихъ юность лѣтъ,
Что дѣлать? Я должна супруга вамъ представить,
Который бы умѣлъ Ордынскимъ царствомъ править;
Подъ видомъ бодрости Сумбека скрыла страсть;
Уничижаяся, усилить чаетъ власть,
И виды льстивые дающая обману,
Не къ благу общему, склоняетъ мысль къ Осману.

Но вдругъ въ окружности, сбирался гдѣ народъ,
Изшедый нѣкій мужъ является изъ водъ;

Предсталъ онъ весь покрытъ и тиной и травою,
Потоки мутные отряхивалъ главою,
Очами грозными Казанцовъ возмущалъ;
Увы, Казань! увы! стеная онъ вѣщалъ,
Не жить Ордынцамъ здѣсь!... Смущенные рѣчами
Казанцы бросились къ видѣнію съ мечами.
Но посланъ тартаромъ, иль волею небесъ,
Сей мужъ невидимъ сталъ, и яко дымъ изчезъ.
Боязнь, которая ихъ чувства убивала,
То знаменіе имъ въ погибель толковала.
Пророчествомъ сіе явленіе почли;
До самыхъ облаковъ стенанья вознесли;
Свое производя изъ вида примѣчанье,
Во смутномъ весь народъ является молчаньѣ;
На лицахъ кажется, на смутныхъ ихъ очахъ
Тоска, отчаянье, уныніе и страхъ.
И се! предсталъ очамъ Казанскихъ золъ рачитель:
Сеитъ, закона ихъ начальникъ и учитель;
Какъ будто страшною мечтою пораженъ,
Или кровавыми мечами окруженъ,
Или встрѣчающій мракъ вѣчный адской ночи,
Имѣлъ онъ блѣдный видъ, недвижимыя очи;
Въ трепещущихъ устахъ языкъ его дрожалъ,
Какъ страшнымъ львомъ гонимъ въ собраніе вбѣжалъ.
Пріобрѣтающи вельможи раны къ ранамъ,
Казались каменнымъ подобны истуканамъ.
Собравъ разсѣянныхъ своихъ остатокъ силъ,
И руки вознося, сей старецъ возгласилъ:
О братія мои и други! горе! горе!
Иль молніями насъ постигнетъ небо вскорѣ;
Или, уста свои разторгнувъ, страшный адъ
Поглотитъ насъ самихъ и сей престольный градъ;
Сквозь мраки вѣчности я вижу руку мстящу,
Огонь, войну и смерть на насъ послать хотящу;
Я слышу день и нощь, смутясь вѣщаетъ онъ,

Я слышу въ воздухѣ, подземный слышу стонъ!
Ходилъ недавно я спокоить духъ смущенный
На Камскіе брега, во градъ опустошенный,
Опредѣленіе проникнуты небесъ:
Тамъ агнца чернаго на жертву я принесъ,
И вопросилъ духовъ, во градѣ семь живущихъ,
Въ сомнительныхъ дѣлахъ отвѣты подающихъ;
Заросъ въ пещеру путь къ нимъ терномъ и травой;
Отвѣта долго ждавъ, я вдругъ услышалъ вой,
Отчаянье и стонъ, во храмѣ нами чтимомъ;
И вдругъ покрылась вся поверхность чернымъ дымомъ;
Увидѣлъ я изъ ней летящую змію,
Въ громахъ вѣщающу погибель мнѣ сію:
Напрасно чтутъ меня и славятъ человѣки,
И вы погибнете, и я погибъ на вѣки!
Змій пламенной стрѣлой ко западу упалъ,
Внимающій ему окамененъ я сталъ.
О други! сиры ставъ въ опасностяхъ безмѣрныхъ,
Пойдемъ и призовемъ Срацинъ единовѣрныхъ:
Они на вопли женъ, на слезы притекутъ,
И нашу зыблему державу подопрутъ....
Вѣщая тѣ слова, онъ ризу раздираетъ,
Возкрикнувъ: тако Богъ насъ въ гнѣвѣ покараетъ!
Ко суевѣрію сей склонный человѣкъ,
Но хитрый въ вымыслахъ, Сумбекѣ въ страхѣ рекъ:
Имѣя смутну мысль и душу возмущенну,
Когда приближился я къ лѣсу освященну,
Гдѣ солнца не видать, ни свѣтлыя зари,
Гдѣ наши древніе покоятся Цари,
Увидѣлъ предъ собой я блѣдну тѣнь дрожащу,
И мнѣ сіи слова съ стенаніемъ гласящу:
О старче! поспѣшай, Сумбекѣ объяви,
Да сладостной она противится любви.
Хощу, да изберетъ себѣ она въ супруга,
Престола Царскаго и пользы общей друга;

Тогда вашъ градъ пророкъ къ спокойству призоветъ!
Подобно какъ Борей въ пучинѣ зареветъ,
У плавателей страхъ искусство ихъ отъемлетъ,
Разсудку здравому никто уже не внемлетъ:
Такъ стекшійся народъ мутился въ оный часъ;
Пронзаетъ облака смѣшенный нѣкій гласъ;
Но гордость при такихъ волненіяхъ не дремлетъ,
Притворство видъ любви къ отечеству пріемлетъ;
Вельможи гордые на тронъ завистно зрятъ,
Народъ склонить къ себѣ желаніемъ горятъ.
Казанскій Князь Сагрунъ [1]) заслуги изчисляетъ,
Которыми права къ державѣ подкрѣпляетъ,
Чего намъ ждать? онъ въ грудь біющій говоритъ;
Погибли мы, когда Москва насъ покоритъ!
Мы будемъ изъ своихъ селеній извлеченны,
И горъ во внутренность на вѣки заключенны;
Отниметъ свѣтъ у насъ блестящій тотъ металлъ,
Который у враговъ Казани богомъ сталъ.
Нѣтъ мира намъ съ Москвой! коль градъ спасти хотите,
Другова, иль меня на царство изберите....
Сеитъ со Княземъ симъ единомышленъ былъ,
Въ немъ нравы онъ, своимъ подобные, любилъ;
Тебѣ принадлежитъ, онъ рекъ, съ Сумбекой царство;
Ты знаешь, какъ спасать отъ Россовъ государство;
Но злобу посрамить и гордость ихъ попрать,
Алея предлагалъ Гирей Царемъ избрать;
Уже Алей, онъ рекъ, два раза нами правилъ,
Но видя нашу лесть, Казанскій тронъ оставилъ;
Взовемъ къ нему еще, корону поднесемъ:
Чрезъ то Свіяжскъ падетъ, чрезъ то себя спасемъ.
Когда сомнѣніемъ Сумбека колебалась,
И сердцемъ къ нѣжностямъ любовнымъ преклонялась,
Является вдали, какъ новый Энкеладъ,

[1]) Подлинное его имя Чапкумъ.

Который будто бы возсталъ, пресиливъ адъ;
То Князь былъ Асталонъ: онъ шелъ горѣ подобенъ;
Сей витязь цѣлый полкъ единъ попрать удобенъ,
Отваженъ, лютъ, свирѣпъ сей врагъ Россіянъ былъ,
Во браняхъ, какъ тростникъ, соперниковъ рубилъ;
Пошелъ въ средину онъ, покрытъ броней златою,
И палицей народъ раздвинувъ предъ собою,
Какъ гласомъ многихъ трубъ, вѣщалъ Казанцамъ онъ:
Се въ помощь къ вамъ пришелъ безстрашный Асталонъ!
Я слова украшать цвѣтами не умѣю,
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю.
При сихъ словахъ съ земли онъ камень подхватилъ,
Который множествомъ поднять не можно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою;
Кто силой одаренъ, вѣщаетъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко;
Вотъ опытъ силъ моихъ,—онъ рекъ, шумящь бронями;—
Закроетесь моей вы грудью, не стѣнами,
Готовъ я гнать одинъ Россійскіе полки;
Но требую во мзду Царицыной руки,
Въ награду не хощу всего Казанска злата,
Сумбека за труды едина мнѣ заплата;
Когда не примете желанья моего,
Поспѣшно выду вонъ изъ города сего;
И все собраніе окинулъ страшнымъ окомъ.
Народъ казался быть въ молчаніи глубокомъ;
Но имъ спокойства въ немъ представилась заря;
Уже хотѣли всѣ признати въ немъ Царя;
Какъ многихъ шумъ древесъ, такъ рѣчи слышны были,
И съ Княземъ въ бракъ вступить Сумбекѣ присудили.
Какой погибельный Сумбекѣ приговоръ!
Она потупила въ слезахъ прекрасный взоръ.
Такъ плѣнникъ, чающій пріятныя свободы,
И льстящійся прожить съ весельемъ многи годы,

Со страхомъ видитъ цѣпь несомую къ нему,
Предвозвѣщающу всегдашній плѣнъ ему.
Сумбека гдѣ себя Царицей почитала,
Сумбека въ царствѣ томъ невольницею стала;
Рабы противъ ея свободы возстаютъ,
И сердца раздѣлить съ Османомъ не даютъ.
Томленна горестью, въ печали углубленна,
Любезный зракъ нося въ груди Царица плѣнна,
Вѣщаетъ къ подданнымъ, смущаясь и стеня:
Вы въ жертву лютостямъ приносите меня!
Такъ вы Царя сего, котораго любили,
Неблагодарные! въ лицѣ моемъ забыли;
Но быть моихъ рабовъ рабою не хощу,
И прежде землю я и небо возмущу,
Подамъ лунѣ самой и солнцу я уставы,
Чѣмъ вы похитите и власть мою и правы.
Въ лицѣ съ ея стыдомъ изображался гнѣвъ.
Таковъ является свирѣпъ и грозенъ левъ,
Когда отрѣзавъ путь ему къ лѣсамъ и къ полю,
Безстрашные ловцы влекутъ его въ неволю.
Въ народѣ возстаетъ необычайный шумъ;
Сумбекинъ движимъ былъ какъ будто море умъ;
Любовь огни свои въ Сумбекѣ разжигаетъ.
Тяжелу цѣпь она на гордость налагаетъ;
Предтечу слабости стонъ тяжкій извлекла.
Сумбека страстію смягченная рекла:
Увы! мнѣ дорого отечество любезно,
Царя назначить вамъ и мнѣ, и вамъ полезно;
Но паче утвердить согласіе мое,
Потребна склонность мнѣ и время на сіе:...
Позвольте мнѣ моей послѣдней волей льститься!
При сихъ словахъ токъ слезъ изъ глазъ ея катится.
Вѣщала, и народъ къ послушности склонить,
Хотѣла не любовь, но время отмѣнить.
Но вдругъ нечтущаго ни правилъ, ни законовъ,

Гремящій голосъ былъ услышанъ Асталоновъ:
Сумбеки хитростью, вѣщалъ, ожесточенъ,
Я долго не привыкъ быть въ стѣны заключенъ;
Доколь рога луны въ кругъ полный не сомкнутся,
Стопы мои бреговъ Казанскихъ не коснутся;
Но я клянусь мечемъ, и клятву сдѣлавъ льщусь,
Что презрѣннымъ отсель тогда не возвращусь;
А если кто иной твою получитъ руку,
Погибнетъ! палицу я ставлю вамъ въ поруку.
И палицу сію взложивъ на рамена,
Онъ съ шумомъ уходилъ, какъ бурная волна.
Какъ съ корнемъ древеса, верхи съ домовъ срывая,
Надъ градомъ туча вдругъ восходитъ громовая,
Куда свирѣпый вихрь подняться ей претитъ,
Уставя грудь Борей на градъ ее стремитъ;
Подобно Асталонъ, при новомъ приближеньѣ,
Наполнилъ ужасомъ Казанцовъ вображенье,
Къ паденью чаютъ зрѣть склоняющійся градъ,
Коль въ бракъ не вступитъ онъ, пришедъ въ Казань назадъ.
Сумбека истребить печали удрученье,
Пріемлетъ на себя о бракѣ попеченье;
Вы знаете, она Казанцамъ говоритъ,
Что сердца моего боязнь не покоритъ;
Угрозамъ гордаго пришельца я не внемлю;
Коль нужно, возмущу и небо я и землю!
Мнѣ сила полная надъ тартаромъ дана,
Не устрашитъ меня Россійская война.
О! если адъ меня, Казанцы, не обманетъ,
Земля дрожать начнетъ, и громъ предъ нами грянетъ;
За слезы я мои, за ваши отомщу,
Спокойтесь! вамъ Царя достойнаго сыщу.
Но страхъ съ полночныхъ странъ, угрозы Асталона,
Сумбекины слова, ея престолъ, корона,
Ввергаютъ въ бурныя сомнѣнія народъ;
Народъ колеблется, какъ вѣтромъ токи водъ.

Въ любовныхъ помыслахъ, какъ въ тьмѣ ночной сокрыта,
Сумбека свой народъ послала предъ Сеита;
Моля, да будетъ онъ покровомъ въ бѣдствахъ имъ,
Отправила его съ прошеньемъ рабскимъ въ Крымъ.

Царица между тѣмъ въ зелену рощу входитъ,
На миртовы древа печальный взоръ возводитъ;
Цитериныхъ она встрѣчая тамо птицъ,
Лобзающихся зритъ на вѣтвяхъ голубицъ;
Тамъ нѣжныхъ горлицъ зритъ во вѣки неразлучныхъ,
Взаимнымъ пламенемъ любви благополучныхъ;
Румяностью зарѣ подобные цвѣты,
Какъ стѣны видимы тамъ розовы кусты;
Все тамо нѣжится, вздыхаетъ, таетъ, любитъ,
Тоску Сумбекину то зрѣлище сугубитъ;
Казалось, межъ древесъ играя съ мракомъ свѣтъ
Къ любовнымъ нѣжностямъ входящаго зоветъ.
Но будто рокъ ея Сумбекѣ возвѣстили,
Сокрылись прелести, которы взорамъ льстили;
Вздыхаетъ и сдержать она не можетъ слезъ.
Увидѣла она Османа межъ древесъ;
Имѣлъ въ рукахъ своихъ Османъ златую лиру,
И тихимъ голосомъ произносилъ Эмпру.
Любовной пѣсни слогъ и нѣжной лиры звонъ,
Извлекъ у страждущей Сумбеки тяжкій стонъ;
Пронзая вѣтви стонъ, листы привелъ въ движенье,
И сладкое смутилъ въ Османѣ воображенье;
Сумбеку нѣжности къ невѣрному влекли;
Но видитъ слезный взоръ и смутный видъ вдали,
Который предвѣщалъ Царицѣ участь слезну?
Уже изъ града скрылъ Османъ свою любезну.
Еще въ незнающей погибели такой,
Надеждой подкрѣпленъ Сумбекинъ былъ покой;
Она въ очахъ его любви искавъ, вѣщаетъ:
Сумбека нѣжная вины твои прощаетъ,
Забвенью предаю потоки слезъ моихъ,

Которыя лились отъ строгостей твоихъ;
Пускай надеждою пустою обольщенны,
Мной будутъ всѣ Цари Ордынскіе прельщенны;
Единаго тебя съ горячностью любя,
И сердце и престолъ имѣю для тебя;
Намѣренью препятствъ ни малыхъ не встрѣчаемъ,
Пойдемъ передъ олтарь, и нѣжность увѣнчаемъ!
Какъ будто устрашенъ упадшимъ камнемъ съ горъ,
Безсовѣстный Османъ потупилъ смутный взоръ,
Въ которомъ темнота казалась мрачной ночи,
Достойнымъ прелести такія видѣть очи!
Мучительный въ его груди спирался стонъ;
Но глазъ не возводя, сказалъ Царицѣ онъ:
Я жизнь могу вкушать пріятну безъ короны,
Безъ той всегдашнія спокойствію препоны;
Изъ подданныхъ меня ты хочешь возвести
На тронъ, основанный на мятежахъ и лести;
За щедрости твои уже народъ твой злится,
Что будетъ, коль престолъ со мною раздѣлится?
Моей судьбинѣ злой подвергну и тебя;
Гони меня отсель, но ахъ! спасай себя!
Когда сіи слова изъ устъ его летѣли,
Вдругъ миртовы древа по рощѣ зашумѣли;
Пужливы горлицы скрывались по кустамъ,
И крыльями онѣ затрепетали тамъ.
Не Прогнина сестра то ястреба пужалась,
Не туча съ градомъ то и съ громомъ приближалась,
Страшнѣе молніи къ Сумбекѣ вѣсть неслась,
И стужа у нея по сердцу пролилась.
Бѣгущи дѣвы къ ней Сумбекинъ духъ смущаютъ;
Эмиринъ ей побѣгъ изъ града возвѣщаютъ:
Со множествомъ она Османовыхъ богатствъ,
Подъ Княжьимъ имянемъ не видяща препятствъ,
Къ Таврійской шествіе направила границѣ.
Громовый сей ударъ приноситъ смерть Царицѣ,

Какъ будто зря главу Горгонину [1]), она
Движенія была надолго лишена;
Наполнилъ сердце мразъ, горѣлъ гдѣ прежде пламень;
Преобращалася Аглавра тако въ камень;
Скипѣлася у ней и застудилась кровь.
О коль мучительна презрѣнная любовь!
Трепещущій Османъ стыдится и блѣднѣетъ;
Сумбека силъ еще и плакать не имѣетъ!
Но духа укротивъ тревогу своего,
Се корень, вопіетъ, привѣтства твоего!
Увы! не нѣжна мать тебя носила въ чревѣ;
Ты львицею рожденъ, изверженъ адомъ въ гнѣвѣ,
Не здѣшнихъ мысленныхъ ты хочешь скрыться бѣдъ.
Бѣжишь ты отъ любви другой любви во слѣдъ;
Но сердце я мое на все теперь отважу:
Возьмите, вопіетъ, измѣнника подъ стражу!
    Какъ будто ей бѣдой сія грозила рѣчь,
Изъ глазъ ея рѣкой пустились слезы течь;
Бѣжитъ въ чертогъ къ себѣ, собою не владѣя,
Растрепанны власы и блѣдный видъ имѣя;
За ней послѣдуютъ тоска, печаль и стонъ,
Забвенъ любезный сынъ, забвенъ вѣнецъ и тронъ,
Лежитъ поверженна къ ногамъ ея порфира,
И въ мысляхъ царства нѣтъ, едина въ нихъ Эмира!
Какъ львица злобствуетъ, въ груди стрѣлу имѣвъ,
Сумбекинъ такъ на всѣхъ простерся первый гнѣвъ;
Въ болѣзнь сердечная преобратилась рана;
Встаетъ, велитъ отъ узъ освободить Османа;
Но вспомнивъ, что уже Эмиры въ градѣ нѣтъ,
О духи адскіе! въ свирѣпствѣ вопіетъ,
Свое покорство мнѣ и силу вы явите,
Измѣнницу въ ея пути остановите,

---

[1]) Горгоны—страшныя существа, съ окаменяющимъ взоромъ, съ змѣями вм. волосъ, жившія, по Гезіоду, на западномъ предѣлѣ земли.

Представьте вы ее на муки въ сей мнѣ часъ!...
Вѣщаетъ; но ея невнятенъ аду гласъ;
Тогда къ подѣйствію надъ тартаромъ потребны
Произнесла она еще слова волшебны:
Змію въ котлѣ варитъ, Кавказскій корень третъ;
Дрожащею рукой извитый прутъ беретъ,
И пламеннымъ главу убрусомъ обвиваетъ;
Луну съ небесъ, духовъ изъ ада призываетъ;
Но адскій Князь отъ ней сокрылъ печальный зракъ;
Сумбека видитъ вкругъ единый только мракъ:
Искусствомъ чародѣйствъ черты изображенны,
Теряютъ силу ихъ, или пренебреженны:
Молчащій адъ предъ ней самой наноситъ страхъ;
Тоска въ ея душѣ, отчаянье въ очахъ,
Безмѣрна грусть ея и гнѣвъ ея безмѣренъ;
Вскричала: мрачный адъ! и ты мнѣ сталъ не вѣренъ!
Или ты, злобы Царь! безчувственъ сталъ и нѣмъ?
Нѣтъ! тартаръ не исчезъ, онъ въ сердцѣ весь моемъ!
Я мщенья моего безъ дѣйства не оставлю;
Въ любви безсильна ставъ, враждой себя прославлю!...
Медея такова казалася страшна,
Когда Язону мстить стремилася она.
Но око Божіе на полночь обращенно,
И чернокнижія свирѣпствомъ возмущенно,
На сей велѣло разъ геенѣ замолчать,
Ко дверямъ приложивъ ужасную печать.
Священный крестъ сія печать изображала;
Гнетомая крестомъ, геенна задрожала:
Сіяніемъ своимъ небесный оный знакъ
Въ подземной пропасти сугубитъ вѣчный мракъ,
И козни бѣдственныхъ замкнулись чарованій;
Не видно ихъ торжествъ, не видно пированій,
Въ срединѣ тартара свободы лишены,
Въ оковахъ пламенныхъ лежать заключены.
Такъ басни о сынахъ Эоловыхъ толкуютъ,

Которы въ сердцѣ горъ заключены бунтуютъ;
Тамъ слышенъ шумъ отъ нихъ, бореніе и стонъ,
Колебля гору всю, не могутъ выйти вонъ.
Спокойство потерявъ, сѣдящая на тронѣ
Сумбека страждущей подобилась Дидонѣ;
Лежаща на одрѣ потоки слезъ ліетъ,
Почто любила я? страдая вопіетъ.
Познавъ, что адъ молчитъ, что ей любовь не внемлетъ,
Сумбека ядъ принять въ безумствѣ предпріемлетъ,
И хощетъ прекратить болѣзнь въ единый разъ;
Но нѣкій внутренній и тихій слышитъ гласъ:
Оставь, вѣщаетъ онъ, оставь печаль и злобу,
Иди, нещастная, къ супружескому гробу:
Услышитъ отъ него спасительный отвѣтъ;
Иди и упреждай, Сумбека, дневный свѣтъ!
Богъ чуднымъ промысломъ спасаетъ человѣка!
Движенью тайному покорствуетъ Сумбека!
Тоска исчезла вдругъ; воскресла твердость въ ней;
Исполнить хочетъ то, что гласъ внушаетъ ей;
На время зажила ея сердечна рана;
Коль вѣрить льзя тому, забыла и Османа.
Когда покровы нощь раскинетъ надъ землей,
И пахари воловъ погонятъ съ ихъ полей,
Умыслила она, неколебима страхомъ,
Итти бесѣдовать за градъ съ супружнимъ прахомъ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Подъ тѣнью горъ крутыхъ Казанскихъ виденъ лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивные являющи призраки;
Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,

Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда осыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень,
Кустарники дрожатъ, о камень бьется камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ;
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополи мастисты,
Повсюду слышатся взыванія и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ,
Онъ шумомъ ужасу дубравѣ придаетъ;
Непостижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ:
Лѣсъ воетъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.
Вѣщаютъ, что духовъ въ печально царство то
Безъ казни отъ Небесъ не смѣлъ вступать никто;
Издревле для прохладъ природою основанъ,
Но послѣ оный лѣсъ волхвами очарованъ.
Среди дубравы сей обширно мѣсто есть,
На коемъ ложное вниманіе и лесть,
Надъ тлѣнной жертвою они земной утробы,
Возставили Царямъ Казанскимъ горды гробы,
Которыхъ грозная не отдала война,
Тѣхъ память и безъ нихъ гробницей почтена.
О коль такая честь тщетна для человѣка!
Въ сей лѣсъ печальная должна итти Сумбека;
Не можетъ удержать сію Царицу страхъ:
Ей нуженъ въ крайности супружнинъ тлѣнъ и прахъ;
Отчаянна любовь надеждѣ тщетной внемлетъ,
И путь назначенный Царица предпріемлетъ.
Ужъ первый утра часъ на небѣ возсіялъ,
Авроринъ блѣдный путь цвѣтами усыпалъ;
Сумбека не страшась ни нощи, ни злодѣя,
Надежду въ сердцѣ взявъ, и страстію владѣя,
Судьбу свою отдавъ на произволъ Небесъ,
Отважна и бодра вступаетъ въ мрачный лѣсъ.

Рабыни вѣрныя за нею въ слѣдъ текущи,
Унынiе и страхъ въ сердцахъ своихъ несущи,
Вступить во мрачный лѣсъ съ Сумбекой не могли;
Трепещущи кругомъ на холмахъ возлегли.
Волшебство нѣкое, или прекрасны взоры
Вiющихся змiевъ въ подземны гонятъ норы;
Сумбекинъ будто бы почувствуя приходъ,
Умолкъ звѣриный ревъ и шумъ бурливыхъ водъ,
Мечтанiя отъ ней и страхи удалились.
Казалось, древеса предъ нею разступились;
И вихри пламенны престали въ вѣтви дуть;
Все кроется отъ ней, и все даетъ ей путь.
Уже въ печальную она долину входитъ,
На гробы Царскiе смущенный взоръ возводитъ.
Унылость у гробницъ, потокомъ слезъ лiясь,
Сѣдяща зрится тамъ на гробъ облокотясь;
Тоска свою главу на грудь печальну клонитъ
И въ томномъ шествiи повсеминутно стонетъ,
Раскаянiе грудь свою разяще тамъ,
Терзающе власы является очамъ;
Тамъ пышность на себя съ отчаяньемъ взираетъ,
И мнится, каждый часъ съ Царями умираетъ;
Къ лежащей гордости свирѣпый змiй ползетъ,
И внутренну ея терзаетъ и грызетъ;
Тамъ рвется узами окованна кичливость;
Подъ камнями лежитъ стеня несправедливость;
Всечасно видимы тамъ всѣ пороки тѣ,
Которые Цари творили въ животѣ:
Неправедна война, забвенье вѣрной службы,
Презрѣнье къ сиротамъ и нарушенье дружбы;
Тамъ горесть мучитъ ихъ, тоска, и зной, и хладъ.
Во образѣ такомъ изображаютъ адъ,
Въ который мстящими включенны Небесами....
Печальный твой покровъ, о Муза! опусти;
Гробницы Царскiя и жизнь ихъ возвѣсти.

Тамъ видѣнъ черный гробъ свирѣпаго Батыя,
Которымъ вольности лишилася Россія.
Онъ полночь съ пламенемъ и западъ пробѣгалъ,
Рѣками кровь точилъ и грады пожигалъ;
Богемію держалъ и Польшу подъ пятою;
Сей варваръ былъ почтенъ какъ Богъ Ордой златою.
Москва, лишенная цвѣтущей красоты!
Преобратилась въ прахъ его набѣгомъ ты!
Подъ пепломъ зрѣлися твои прекрасны домы;
Дѣвицы были въ плѣнъ изъ стѣнъ твоихъ влекомы;
Позорной смертію кончали старцы вѣкъ;
По улицамъ ручей невинной крови текъ
Дать сердцу твоему послѣдніе удары,
Оставилъ твой злодѣй тебѣ одни пожары.
Какъ бурный вихрь, прешедъ Россію всю, Батый
Коснулся и тебя, о Кіевъ! градъ святый:
Господни храмы тамъ сокровищей лишились,
Надолго красныя мѣста опустошились;
Гдѣ крестъ Пророческій Андреемъ водруженъ,
Тамъ видъ, плачевный видъ, развалинъ положенъ;
И вмѣсто пѣнія отшельцовъ сладкогласныхъ,
Сталъ вѣтровъ слышенъ шумъ и ревъ звѣрей ужасныхъ.
Сіи нещастія, погибель и бѣды
Бунтующихъ Князей родились отъ вражды,
Когда за скипетры другъ съ другомъ воевали
И хищною рукой вѣнцы съ чела срывали.
О Муза! какъ сіи напасти возглашу?
Я токи слезъ лію, когда о нихъ пишу.
Сынъ всталъ противъ отца, отецъ противу сына,
И славой сдѣлалась пронырливость едина;
Не уважаючи въ Россіи общихъ золъ,
Стремился похищать у брата братъ престолъ.
Россія надъ главой узрѣла вѣчны тѣни,
И раздробленна вся поверглась на колѣни;
Въ ней жало зависти кровавый тронъ вертѣлъ;

Батый на зыблему Россію налетѣлъ;
Такъ юныхъ двухъ тельцовъ, гдѣ гладный волкъ встрѣчаетъ,
За паству бьющихся, ихъ во добычу получаетъ.
Толикихъ золъ Батый причиной Россамъ былъ;
Онъ кровью ихъ Князей престолы ихъ омылъ:
Но чтожъ осталося отъ сей причины страха?
Единый мрачный гробъ и горсть истлѣвша праха;
Кто прежде гордостью касался Небесамъ,
Того остатки вихрь разноситъ по лѣсамъ;
Льстецы прибѣжища ко праху не имѣютъ;
Лишь спятъ на немъ зміи, и только вѣтры вѣютъ.
О вы, которымъ весь пространный тѣсенъ свѣтъ,
Которыхъ слава въ брань кровавую зоветъ!
На прахъ, на тлѣнный прахъ Батыевъ вы взгляните
И гордости тщету съ своею соравните.
Не кровью купленный прославитъ васъ вѣнецъ,
Но славитъ васъ любовь подвластныхъ вамъ сердецъ.
Изъ твердыхъ камней тамъ составлена гробница,
Подъ нею погребенъ несытый кровопійца,
Сартакъ, Батыевъ сынъ. Онъ, слѣдуя отцу,
Коснулся Суздальскихъ владѣтелей вѣнцу,
И робость сѣя въ нихъ, противу общихъ правилъ,
Своихъ начальниковъ по всей Россіи ставилъ.
Тамъ въ тлѣнномъ гробѣ спитъ Баркай, Батыевъ братъ,
Чинившій горести Россіи многократъ.
Онъ, чувствуя въ войнѣ свое изнеможенье,
Россіянъ принуждалъ себѣ на вспоможенье;
Но днесь на небесахъ носящъ вѣнецъ златый,
Отважный Александръ, Князь храбрый и святый,
До самой крайности ихъ власть не допуская,
Татаръ не защищать, склонить умѣлъ Баркая.
Тамъ врановъ слышенъ крикъ, производящій страхъ,
Крылами вѣющихъ Менгу-Темировъ прахъ;
Отмщается ему сія по смерти рана,
Которой онъ пресѣкъ дни храбраго Романа.

Цари! мученья вамъ сулятся таковы,
Подъ видомъ дружества гдѣ зло чините вы.
Тамъ видится Узбекъ, лишенный вѣчно свѣта;
Онъ первый принялъ тьму и басни Махомета;
Россію угнеталъ сей Князь во весь свой вѣкъ,
Онъ имянемъ своимъ Ордынскій родъ нарекъ.
Такъ дремлетъ блѣдный страхъ, на гробѣ возлегая
Россійскаго врага, невѣрнаго Нагая,
Который въ родственный съ Князьями вшедъ союзъ,
Уважить не хотѣлъ родства священныхъ узъ,
Мечемъ и пламенемъ опустошалъ Болгары;
Днесь терпитъ въ адѣ самъ подобные удары.
Тамъ видѣнъ изъ земли твой черепъ, Занибекъ;
О ты, свирѣпый Царь, и лютый человѣкъ!
Который гордаго принудилъ Симеона,
Искать Россійскаго твоей рукою трона.
Сей братіевъ родныхъ для царства погубя,
Усилилъ страшну власть въ Россіи и себя;
Простерши въ сердце къ ней грабительныя длани,
На храмы Божіи взложилъ позорны дани:
Но Богъ отъ горнихъ мѣстъ бросая смутный взоръ,
Въ отмщеніе послалъ на Орды гладъ и моръ,
И смерти Ангелъ ихъ, гонящъ мечемъ суровымъ,
Разсыпалъ по брегамъ при-Донскимъ и Днѣпровымъ...
Являются главы и тлѣнны кости тамъ;
Мнѣ тѣни предстоятъ ходящи по холмамъ.
Я вижу межъ древесъ стенящаго Хидира,
Который кроется по смерти отъ Темира.
Темиръ свирѣпый мечь простеръ въ полночный край,
Но съ трона свергъ его безвремянно Мамай;
Мамай какъ будто бы изъ нѣдръ изшедый земныхъ,
Въ Россію прилетѣлъ со тучей войскъ наемныхъ;
Къ нему склонились, измѣны не тая,
Противъ Димитрія Россійскіе Князья;
Обширныя поля ихъ войски покрывали,

И рѣки цѣлыя въ походѣ выпивали.
Такую Персксій Царь громаду войскъ имѣлъ,
Когда съ угрозами на древнихъ Грековъ шелъ,
Но лавры жнутъ побѣдъ не многими полками,
Сбираютъ въ брани ихъ геройскими руками.
Оставилъ намъ примѣръ отважности такой,
Ко славѣ нашихъ странъ, Димитрій, Князь Донской;
Съ Непрядной онъ смѣшалъ Татарской крови рѣки.
Мамай ушелъ въ Кафу, и тамъ погибъ на вѣки;
Но вскорѣ ожививъ вражда Ордынскій прахъ,
Повергла съ пламенемъ въ предѣлы наши страхъ;
Хотя Казань не разъ поверженна лежала,
Но вновь главу поднявъ, злодѣйства умножала;
Томилися отъ ихъ Россіяне Царей;
Ей много золъ нанесъ послѣдній Сафгирей.
Являлась гордая надъ симъ Царемъ гробница.
Едва приближилась къ ней томная Царица,
Какъ будто въ оный часъ супруга лишена,
На хладномъ мраморѣ поверглася она;
Всѣ члены у нее дрожали, разрушались;
Власы разбилися, и съ прахами смѣшались;
Разитъ себя во грудь, горчайши слезы льетъ;
Дрожайшій мой супругъ! Сумбека вопіетъ;
Какой мы лютою разлучены судьбою;
Но ахъ! достойна-ль я стенать передъ тобою?
Я та, которая тебя забыть могла,
Въ чьемъ сердцѣ новый огнь любовна страсть зажгла.
Увы! я тѣмъ себя и паче обвиняю,
Что твой цѣлуя прахъ, рыдаю и стенаю:
Достойно ли моимъ слезамъ мѣшаться съ нимъ,
И быть услышаннымъ стенаніямъ моимъ?
Потоки слезъ моихъ изъ тѣхъ очей катились,
Которы къ прелестямъ другова обратились;
И стонъ, позорный стонъ, изъ сердца извлеченъ,
Которымъ сталъ иной супругомъ нареченъ,

Уста вѣщающи тебѣ свои печали,
Недавно прелести другова величали.
Но бѣдная твоя и сирая жена
Совмѣстникомъ твоей любви отомщена;
Конечно, онъ мою невѣрность ясно видитъ,
Во образѣ моемъ порокъ мой ненавидитъ.
О! если можешь ты прейти изъ тмы во свѣтъ;
Возстань, мой Царь! возстань! подай ты мнѣ совѣтъ;
Твоею смертію отъ брака свобожденна,
Входить въ другой союзъ я зрюся принужденна;
Отъ подданныхъ моихъ къ неволѣ я влекусь.
Но съ кѣмъ я брачными цѣпями сопрягусь?
Одни, противъ себя не видя обороны,
Со мной вступаютъ въ бракъ лишь только для короны;
Съ кѣмъ сердце я дѣлю, любви не вижу въ томъ,
Любви того бѣгу, зажгла я сердце въ комъ.
Кому пожертвую себя, мой тронъ и сына?
Мой Царь! въ твоихъ рукахъ Сумбекина судьбина;
Скажи, что дѣлать мнѣ?... Но ты во гробѣ спишь!
О тѣнь, любезна тѣнь! ты слезъ моихъ не зришь.
Дабы спокойствіе твоя вдова имѣла,
Мнѣ тѣнь твоя притти къ гробницѣ повелѣла,
И нѣкій тайный гласъ привлекъ въ мѣста сіи;
Внемли стенанія и жалобы мои....
При сихъ словахъ она объемлетъ гробъ руками
И слезы горькія ліетъ надъ нимъ рѣками;
Тревожа въ сихъ мѣстахъ Царей усопшихъ сонъ,
Сумбекинъ слышался между гробами стонъ;
Отъ гласа плачущей и рвущейся Царицы
Поколебалися и прахи и гробницы;
Покрыты мхомъ сѣдымъ и терномъ многи дни,
Сходящи съ мѣстъ своихъ казалися они.
Завылъ ужасный вихрь, земля кругомъ дрожала;
Сумбека, слыша то, во ужасѣ лежала;
Казалося, ее внезапно чувствъ лиша,

Ушла изъ ней во гробъ смущенная душа,
И тлѣнность жизненнымъ дхновеньемъ оживилась.
Дверь гроба отворивъ, тѣнь Царская явилась;
Какъ нѣкій дымъ густый подъемлется она,
Но въ образъ видится мгновенно сложена,
Одежду прежнюю и прежній видъ пріемлетъ,
Все ясно окрестъ зритъ, всему спокойно внемлетъ.
Тогда отъ горести почти лишенной силъ,
Царицѣ голосомъ унылымъ возгласилъ...
Но тщетно движитъ онъ уста и отверзаетъ,
Составленная рѣчь въ гортани изчезаетъ.
И Провидѣніе на крыліяхъ паритъ,
Поверхъ его главы небесный огнь горитъ;
Тончаетъ мракъ предъ нимъ кругомъ лежащей ночи,
Повсюду у него и ушеса и очи.
Нѣтъ въ вѣчности отъ нихъ сокрытаго часа;
Какъ хартія ему отверсты небеса;
И тако предлежатъ, какъ чистое зерцало,
Мірскихъ вещей конецъ, средина и начало.
Непостижимое такое божество
Тѣнь Царску облекло во прежне существо;
И только мысль его сіяньемъ озарило,
На будущіе дни глаза ему открыло;
Черезъ прошедшее давало разумѣть,
Коль горько, не познавъ блаженства, умереть....
О Муза! пѣть хощу дѣла необычайны,
И нѣкія открыть натуры скромной тайны;
Восторгомъ пламеннымъ наполнился мой духъ,
Да внемлетъ пѣсни сей имущій внятный слухъ.
Не постигая самъ толь важныя премѣны,
Изшелъ изъ гроба Царь и хладны движитъ члены;
Но больше Ангела парящаго не зритъ;
Къ Сумбекѣ приступивъ, стоная говоритъ:
Разторгнуты мои съ тобою смертью узы.
По смерти бракъ забвенъ, забвенны всѣ союзы.

Почто, нещастная! тревожить тѣнь мою?
Мнѣ тяжко то, что я изъ гроба возстаю;
Но дамъ тебѣ совѣтъ, о сынѣ сожалѣя:
О! если изберешь супругомъ ты Алея,
Любовью пламенной возженнаго къ тебѣ:
Симъ бракомъ угодишь народу и судьбѣ;
Не будетъ слышанъ громъ Россійской грозной брани,
Доколѣ Царь Алей не выйдетъ изъ Казани;
Люби его, люби! Но что я говорю?
Я нѣкую мечту, иль точну бытность зрю!...
При сихъ словахъ смутясь, тѣнь Царская трепещетъ,
На мрачны небеса печальны взоры мещетъ,
И паки въ темный гробъ стремится убѣжать;
Но хощетъ тѣнь сію видѣнье удержать...
Увы! мнѣ кажется, что ты чрезъ духъ и воду,
Сумбекѣ онъ сказалъ, премѣнишь вдругъ природу;
Тебѣ отверзутся и съ сыномъ небеса;
Вы новы узрите во свѣтѣ чудеса;
Обѣихъ вижу васъ, я вижу предъ очами,
Какъ свѣтлой ризою одѣянныхъ лучами;
Но какъ исполнится? что значитъ все сіе?
Безсильно то постичь понятіе мое!...
Вѣщалъ, и будто бы ума во изступленьѣ,
Вторично видитъ онъ сквозь мраки провидѣнье,
Которо, смутну тѣнь желая наказать,
Ей будущіе дни хотѣло показать.
Тогда подъемлется времянъ завѣса мрачна,
И вѣчность вкругъ него открылася прозрачна;
Ему познаніе о видимомъ даетъ;
Царь, зная жребій свой, Сумбекѣ вопіетъ:
Увы! я чувствую позоръ Махометанства,
И зорю въ сихъ мѣстахъ встрѣчаю Христіанства;
Подъ защищеніемъ она грядетъ Небесъ,
Освѣтитъ всю Казань и сей дремучій лѣсъ.
На сихъ мѣстахъ, гдѣ мы спокойный сонъ имѣли,

Гдѣ нашъ тревожить прахъ живущіе не смѣли;
На самыхъ сихъ мѣстахъ созижденъ будетъ домъ,
Всечасно мещущій на Махомета громъ.
Вода сіи мѣста и древеса кропяща,
Насъ больше будетъ жечь, геена чѣмъ паляща;
Куреніе мастикъ и пѣсней сладкій гласъ,
И день и нощь въ гробахъ тревожить будутъ насъ;
Пришельцы бѣдствія и нашу грусть умножатъ,
По праху нашему слѣды они положатъ,
Гробницы гордыя ногой своей попрутъ.
Убранства Царскія изъ оныхъ извлекутъ.
Здѣсь видя крестъ взнесенъ на вышнія степени,
Не могутъ обитать гонимы наши тѣни.
О! если я когда тобою былъ любимъ,
Терпѣть такой позоръ не дай костямъ моимъ;
Внемли унылому желанію просящихъ,
Собратіевъ моихъ со мной Царей лежащихъ;
Вторичну нашу смерть, Сумбека, упреждай,
Огню съ гробами нашъ печальный прахъ предай!...
Какъ вѣтеръ горъ крутыхъ въ ущеліи шумящій,
Такъ слышенъ отъ гробовъ былъ гласъ происходящій.
Сумбеку томную холодный потъ покрылъ:
Но Царь печальную симъ словомъ ободрилъ:
Не бойся! жалобы къ тебѣ Цари приносятъ,
Се! помощи твоей нещастны предки просятъ;
Отъ бѣдства и стыда ихъ тлѣніе избавь,
На поруганіе Россіянъ не оставь;...
Который мысль мою на казнь мнѣ просвѣщаетъ
Мнѣ Ангелъ таинства открыть не запрещаетъ,
Дабы спокойна ты во свѣтѣ семъ была!
Увидишь дивныя въ дубравѣ сей дѣла,
И можешь прахъ спасти нещастнаго супруга,
Хранящаго тебѣ во узахъ смерти друга;
Исполни, что велю: Здѣсь древній тополь есть,
На коемъ начала гнѣздо орлица плесть;

Удобно сыщешь ты подъ онымъ древо знакомъ,
Оно окружено густой травой и злакомъ;
Пожни сію траву, и корень обнаживъ,
Сей корень извлеки, тамъ ключь увидишь живъ;
Изчерпай изъ него до дна текущу воду,
И влагу ты найдешь совсѣмъ другаго роду;
Зелену древа вѣтвь отъ тополя простри,
И влагу оную поспѣшно собери.
Когда ты все сіе рачительно исполнишь,
То мой еще завѣтъ вторично да напомнишь:
Ни змѣй ползущихъ вкругъ, ни тѣней не страшись;
Спасти супружнинъ прахъ, спасти себя рѣшись,
Теки на слезныя сіи мѣста обратно,
Исполни третіе, что всѣмъ Царямъ пріятно:
Что помнишь ты меня, Сумбека, докажи,
Гробницы вѣтвями сухими окружи;
Кропи, кропи на насъ изчерпнутую воду,
Дай смерти плѣнникамъ желанную свободу,
И жди подѣйствія отъ сихъ волшебныхъ водъ,
Доколѣ солнечный покажется возходъ.
Тогда познаешь ты, коль дивенъ Богъ бываетъ,
Когда на судъ къ себѣ Онъ грѣшныхъ призываетъ;
А ты безстрашна будь!... Но свѣтитъ ужъ заря—
Сокрылся Сафгирей, то слово говоря,
И рѣчи Царскія внимались во гробницѣ
Повелѣвающи начать свой трудъ Царицѣ.

Хотя приказъ такой Сумбеку возмущалъ,
Исполнила, что ей супругъ ни возвѣщалъ,
И злаки и траву вкругъ тополя находитъ;
Но самый сей успѣхъ въ боязнь ее приводитъ:
Отводитъ водный токъ и влагу достаетъ;
Сухія вѣтвія отъ тополей беретъ.
Кострами ихъ она расклала межъ гробами,
Водою оросивъ и горькими слезами.
Тогда всходящее въ небесну высоту

Горяще солнце всю явило красоту,
Живительны лучи на шаръ пустило земный,
И въ первый ими разъ сквозь лѣсъ проникло темный,
Стоящи древеса во мракѣ, въ той странѣ,
Казалися очамъ какъ будто бы въ огнѣ;
Пускаютъ страшный вопль на нихъ нощныя птицы;
Простерся блѣдный свѣтъ на мрачныя гробницы,
И будто молнія, сверкнувшая въ ночи,
Въ долину слезную бросаются лучи,
До сложенныхъ костровъ Сумбекой достигаютъ,
Сухія вѣтвія и влагу возжигаютъ.

Такія въ древности явили чудеса,
Пророческой рукой къ Персидѣ небеса;
Когда олтарняго огня въ землѣ искавый,
И вмѣсто онаго воды гнѣздо доставый,
Неемій вѣтвія сухія напоилъ,
И солнцевъ лучь огонь отъ вѣтвей воспалилъ.

Подобно вѣтвія Сумбекой разложенны,
При всходѣ солнечномъ содѣлались возженны;
И пламень межъ гробницъ водимый, какъ рукой,
Простерся огненной віющейся рѣкой:
Одежды Царскія и кости разрушаетъ.
Сумбека пламень сей слезами утушаетъ.
Но воля праведныхъ исполнилась Небесъ;
Уже Батыевъ гробъ сгорѣлъ, погибъ, изчезъ;
Сумбека Царску тѣнь винитъ и провидѣнье,
Какъ облакомъ луна въ ней тмится разсужденье;
Желаетъ отъ гробницъ огни скорѣй отвлечь,
Но огнь, какъ бурный вихрь, спѣшитъ гробницы жечь,
И разстилается волнами красный пламень;
Горящій стонетъ лѣсъ, жестокій таетъ камень.
Касается пожаръ пригоркамъ и кустамъ,
Но невредимою Царица зрится тамъ.
Уже гробницы вкругъ свирѣпый огнь объемлетъ,
Пылаетъ Сафгирей! Сумбека ризу съемлетъ,

И хощетъ защищать супруговъ тлѣнный прахъ...
Вдругъ чувства у нее объемлетъ новый страхъ:
Увидѣла она изъ сихъ гробовъ горящихъ,
Какъ будто изъ воды, героевъ изходящихъ;
Одежды Царскія являлися па нихъ,
Но блѣдны зрѣлися и смутны лица ихъ:
Какъ тонки облака зефирами гонимы,
Цари по воздуху несомы были зримы;
Не держитъ пламень ихъ, не держитъ ихъ земля,
Не вѣтры повлекли въ геенскія поля;
И нудитъ нѣкое упорное влеченье
Послѣднее творить со свѣтомъ разлученье.
Какъ лѣтнихъ нѣжныхъ птицъ отъ полунощныхъ странъ,
Осенній гонитъ хладъ за дальній Океянъ:
Бѣгутъ изъ пламени печальны тако тѣни,
Отверзилъ въ бездну имъ струистый огнь степени.
Эката! [1]) пламенникъ на время воспали,
И видѣть внутренность геены мнѣ вели!
Отверзлись предо мной со трепетомъ и съ громомъ,
Мѣста, Аидовымъ слывутъ которы домомъ;
Собравъ грубѣйшее твореній существо,
Устроило его во гнѣвѣ Божество.
Небесный сколько огнь другихъ вещей тончае,
Толико адъ существъ во свѣтѣ всѣхъ тяжчае;
Три краты девять числъ сіе вселенной дно,
Отъ круга звѣзднаго лежитъ отдалено.
Тамъ представляется волнами вѣчный пламень,
Тамъ видима земля, какъ раскаленный камень;
Зловонный всходитъ паръ отъ загустѣвшихъ водъ;
Изъ мрака ссѣвшійся объемлетъ бездну сводъ;
Но свода темнаго проникнуть невозможно:
Подъ онымъ сѣтуютъ ведущи дни безбожно;

---

[1]) Геката, дочь Тартара, подземная богиня, правящая тѣнями и властвующая надъ злыми демонами.

Тамъ скрежетъ, вопли, плачь, бѣжитъ оттолѣ сонъ,
Дыханье грѣшниковъ, повсеминутный стонъ;
Тамъ души въ трепетѣ ко сводамъ возлетаютъ,
Но преткновеніе повсюду обрѣтаютъ,
И тлѣютъ бездны сей, какъ искры, въ исподи;
Тамъ вихри огненны, тамъ пламенны дожди.
Надежды сладкой нѣтъ во мрачной сей державѣ;
Тамъ вижу злыхъ вельможъ, живущихъ прежде въ славѣ;
Недремлющая грусть тревожитъ тѣни ихъ,
Драконы огненны вращаются вкругъ нихъ;
Тамъ души истину по смерти познаваютъ;
Но грѣхъ свой, явно зря, томятся, унываютъ;
Плотская сладость ихъ преобратилась въ ядъ;
Отрады въ мукахъ нѣтъ: грѣхъ самъ собою адъ!
Святою вѣрою желая просвѣтиться,
Стараются они на землю возвратиться,
На солнце съ плотію въ раскаяньѣ воззрѣть,
Дабы спокойнѣе вторично умереть:
Но таинственна цѣпь, какъ змій кругомъ лежала,
И въ заключеніи преступниковъ держала.
Тамъ самолюбіе, увидя адско дно,
Познало, что тщетой прельщалося оно;
Постигнувъ райскаго веселія изрядство,
Познало тлѣнъ сребра, несытое богатство,
И слезы отъ него, которыя текли,
Какъ огненна роса богатыхъ тѣни жгли.
Тамъ сладострастіе весь адъ пронзаетъ стономъ,
Имѣя равну часть во тьмѣ со Иксіономъ [1]):
Являются еще прелестны тѣни имъ,
Коснутся ихъ устамъ, и превратятся въ дымъ;
Тамъ вѣчный терпитъ хладъ угрюмая измѣна;

---

[1]) Иксіонъ, царь лапиѳовъ и флегіевъ, въ тартарѣ былъ наказанъ такъ: привязанный руками и ногами къ огненному колесу, онъ безустанно вращался вмѣстѣ съ нимъ.

Мучитель вкругъ себя кровавы зритъ знамена,
Трепещущи тѣла, мечи, оковы, гладъ,
Которы отъ него скрываютъ Божій градъ;
Тамъ страхъ смиренію кичливы души учитъ;
Прошедшее враговъ и будущее мучитъ.
Батый, какъ будто бы послѣдуемъ отъ тѣхъ,
Которыхъ кровь излить не ставилъ онъ за грѣхъ,
Со трепетомъ глаза на небеса возводитъ;
Но блескомъ ихъ саженъ, въ подземный мракъ уходитъ;
Изъ пламени ему устроенъ тамо тронъ,
Бѣжитъ, но слишится по немъ во гробѣ стонъ.
Преемники его злодѣйствами не сыты,
Низходятъ въ адъ за нимъ, зміями вкругъ увиты;
Сопровождаетъ вопль на адски муки ихъ,
И вѣчно кроется душевный миръ отъ нихъ;
То жажда тѣни ихъ, то гладъ, то зависть мучитъ,
И быти добрыми чрезъ то живущихъ учитъ.
Но тщетно мрачный адъ мучителямъ грозитъ,
Ихъ тщетно молнія стращаетъ и разитъ!
Умретъ едино зло, другое возрастаетъ;
Какъ язва страшная по всей землѣ летаетъ,
Тѣснитъ, свирѣпствуетъ, терзаетъ, множитъ стонъ.
Нѣтъ, кромѣ слезъ, иныхъ безсильнымъ оборонъ,
И если въ тѣ часы гонитель не трепещетъ,
Когда земля дрожитъ и небо громы мещетъ:
Что пользы, что стихи въ улику ихъ пишу?
Ахъ! если каплю слезъ невинныхъ осушу
И малую подамъ печальному отраду:
Уже я получилъ за слабый трудъ награду!
Злощастье облегчилъ текущій нынѣ вѣкъ;
Сталъ меньше въ наши дни нещастенъ человѣкъ,
Да вѣчно таковымъ блаженствомъ усладимся....
Но мрачный лѣсъ завылъ, тѣнь стонетъ; обратимся!
Свирѣпый Тахтамышъ, какъ огненной стрѣлой,
Свергается во адъ для вѣчной казни злой;

Тамъ тѣней вкругъ себя онъ узритъ вопіющихъ,
И пламеннымъ бичемъ во тмѣ его біющихъ:
То тѣни мстительны нещастныхъ тѣхъ людей,
Которыхъ умертвилъ мучительски злодѣй.
Но большимъ варваръ сей терзается призракомъ,
Встрѣчаясь со врагомъ своимъ Темираксакомъ.
Жестокій оный врагъ родился пастухомъ,
И ставъ разбойникомъ, Монархомъ былъ потомъ;
Каковъ былъ съ посохомъ, таковъ онъ и въ коронѣ:
Разбойникъ былъ пастухъ, разбойникъ сталъ на тронѣ.
Страдаетъ въ адѣ самъ теперь Темираксакъ,
Но страшенъ для Царей его и тамо зракъ.

Тамъ кроется во тму, боясь небесна свѣта,
Трепещущая тѣнь Царя Улу Махмета,
Отъ собственныхъ сыновъ который былъ гонимъ,
Обязанъ сталъ Москвѣ спасеніемъ своимъ;
Своихъ защитниковъ привлекъ коварствомъ къ брани,
И Россовъ побѣдивъ, направилъ путь къ Казани.
Развалины ея и тронъ возобновилъ;
Враждующихъ зміевъ Россіи оживилъ;
Подъ пепломъ злобу онъ сокрытую возставилъ
И стрѣлы на Москву изъ дерзкихъ рукъ направилъ.
Но дружбы прерванной въ отмщеніе и въ знакъ,
Жизнь отнялъ у него и сына Мамотякъ.
Улу-Махмета скорбь сія еще терзаетъ,
Нося въ рукахъ своихъ младенца, лобызаетъ,
И въ адъ свергаяся, уже онъ муки зритъ,
Которыми ему нощь вѣчная грозитъ:
Тамъ въ узы огненны онъ будетъ въ вѣкъ закованъ,
И пламенный вѣнецъ злодѣю уготованъ.

Тебя идущаго зоветъ съ весельемъ адъ,
О ты, поруганный и гордый Царь Ахматъ!
Еще твой духъ грызетъ; Басма твоя попранна
Стопами храбраго Монарха Іоанна,
Который ко твоей погибели рожденъ,

Которымъ при Угрѣ въ конецъ ты побѣжденъ,
И слава дѣлъ твоихъ на вѣки пролетѣла;
Ордынская твоя держава запустѣла.
Спѣши во мрачный адъ, и тамо нынѣ зри,
Что должны гордые во тмѣ терпѣть Цари!
Они позорныя оковы тамо носятъ,
Послѣдніе рабы за гордость ихъ поносятъ,
И ихъ нещастія во свѣтѣ семъ творцы
Надъ ними подлые ругаются льстецы;
Они поруганны народомъ зрятъ короны;
Потомки съ мерзостью на ихъ взираютъ троны;
Тираны бѣдствія такія терпятъ тамъ,
Которыя дадутъ ужасный видъ стихамъ.
Но, Муза! вѣчному терзанью ихъ оставимъ,
И добродѣтели единыя прославимъ.
О! если кто ея не знаетъ красоты,
Нещастенъ! Царь ли есть, или невольникъ ты.
Для душъ чувствительныхъ болѣзнь нещастныхъ бремя,
И тѣней страждущихъ оставить, Музы! время.
Выходитъ наконецъ смущенный Сафгирей;
Онъ горести въ себѣ вмѣщаетъ всѣхъ Царей,
Глазами томными Сумбеку озираетъ,
Къ ней съ трепетомъ идетъ, и руки простираетъ:
Простись, вѣщаетъ ей, простись на вѣкъ со мной!
И нашъ ко аду путь не ставь твоей виной;
Ты насъ связующи оковы разрѣшила,
И то, что насъ въ гробахъ держало, сокрушила;
Пороки, кои мы творили въ свѣтѣ семъ,
Не отдѣлялися отъ нашихъ тѣлъ ничѣмъ,
И насъ они къ землѣ прикованныхъ держали,
Мы тысячею мукъ гнетомы здѣсь лежали.
Но солнечный огонь очистилъ нынѣ насъ,
И мы съ веселіемъ идемъ во адъ сей часъ;
Не плачь теперь! ты намъ огнями угодила,
И насъ отъ близкаго позора свободила.

Увы!.. Ордынску власть Россія истребитъ,
Меча ея никто отъ насъ не отвратитъ;
Но огнь, который насъ палитъ и очищаетъ,
Россійскимъ воинамъ погибель предвѣщаетъ.
Ахъ! вскорѣ новый здѣсь сіяти будетъ свѣтъ,
И водрузится крестъ, гдѣ нашъ пророкъ живетъ!
А мы отъ муки сей избавлены тобою.
Зоветъ насъ грѣхъ во адъ, какъ нѣкою трубою;
Спасай себя и тронъ, спасай и слезъ не лей:
Возстань! очувствуйся! ужъ близокъ Царь Алей;
Исполни ты мои слова и завѣщанье!
Сумбеку тронуло толь горькое прощанье.
Какъ будто громовой стрѣлой поражена,
Хотѣвши вымолвить, безмолвствуетъ она;
Лѣсъ солнечнымъ тогда сіяньемъ озарился;
Сумбека впала въ сонъ, и Сафгирей сокрылся.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Уже златую дверь Аврора отворила,
И ризой небеса червленной озарила.
Усердной ревностью къ Россіи пробужденъ,
Явился Царь Алей въ тѣни Казанскихъ стѣнъ;
Парящій такъ орелъ по воздуху высоко
На птицъ трепещущихъ кидаетъ быстро око,
И видя ихъ мятежъ, висящъ межъ облакъ, ждетъ,
Куда удобнѣе направить свой полетъ.
Ордынскимъ жителямъ въ напасть и въ оскорбленье
Приходитъ Царь познать Казани укрѣпленье;
Сопровождается во подвигѣ своемъ
Стрѣлами легкими и острымъ копіемъ.
Когда Алей возвелъ глаза на градску гору,
Святый законъ предсталъ его смущенну взору;
Зеленый на главѣ его вѣнецъ лежалъ,
Обвитый пальмами онъ крестъ рукой держалъ;

Зарѣ подобная на немъ была одежда,
Въ очахъ его любовь, и вѣра и надежда;
Какъ двѣ звѣзды, глаза къ Алею обращалъ,
Онъ лирнымъ голосомъ сіи слова вѣщалъ:
Бѣги, Алей! зачѣмъ въ страну пришелъ невѣрну?
Здѣсь водный токъ огню, цвѣты подобны терну;
Здѣсь кроютъ молніи и ужасъ небеса,
И заразительны пріятные лѣса.
Какъ утренни пары, сокрылося видѣнье;
Алей вострепеталъ, и впалъ во размышленье;
Онъ мыслилъ самъ въ себѣ: какія можетъ мнѣ
Напасти приключить токъ водный въ сей странѣ?
Пристойно-ль рыцарю такое искушенье?
Подъѣхалъ къ рощѣ онъ въ надеждѣ и въ сумнѣньѣ.
Уже дремучій лѣсъ казался освѣщенъ,
Который терніемъ былъ прежде зарощенъ;
Живущи духи въ немъ и мраки исчезали,
Зефирамъ древеса дороги отверзали;
И солнце озлативъ лучемъ вершины ихъ,
Казалося взирать съ веселіемъ на нихъ.
Мѣшался блескъ его съ зелеными листами,
Какъ онъ мѣшается со влажными струями;
Сіяніе лучей, встрѣчаясь съ темнотой,
Явилось лунною одеждою златой.
Пріемлетъ Райскіе сія дубрава виды,
И свой преноситъ тронъ въ зеленость сынъ Киприды,
Животвореніе, летая въ слѣдъ за нимъ,
Древамъ приноситъ цвѣтъ, приноситъ роскошь имъ;
Явилися вездѣ забавы и отрады:
Подъ тѣнью пляшущи представились Дріяды;
На вѣтвяхъ соловьи Авроринъ всходъ поютъ,
Ключи прозрачные въ пригоркахъ злачныхъ бьютъ,
И въ мелкіе они источники дѣлятся;
Наяды ихъ струи свивая веселятся;
И вѣтры нѣжные, играя во цвѣтахъ,

Благоуханіе разносятъ на крылахъ.
Лужайки процвѣли, и воздухъ оживился;
Проснулось эхо тамъ, Нарцисъ у водъ явился;
Такія видимы всемѣстно красоты,
Какихъ не можетъ кисть очамъ представить ты!
Щастливѣе тѣхъ мѣстъ, чѣмъ славилась Енна,
Гдѣ дщерь Церерина Плутономъ похищенна,
Иль можно ихъ равнять съ прекрасною страной,
Гдѣ древній царствовалъ садами Алкиной.
Тамъ разныхъ прелестей совокупились роды,
Которы красота являетъ намъ природы.
Какъ чистое стекло влечется водный токъ,
На днѣ имѣющій жемчугъ, златый песокъ;
И будто въ зеркалѣ вода изображаетъ
Все то, что берега цвѣтущи окружаетъ.
Зелены древеса, сомкнувшись въ кругъ, стоятъ,
Вершины преклонивъ, въ источники глядятъ;
Тамъ пѣсни далеко въ пещерахъ раздаются;
Пригорки движутся, кустарники смѣются;
Источники въ травѣ віяся говорятъ;
Другъ на друга цвѣты съ умильностію зрятъ;
Зефиры рѣзвые листочки ихъ цѣлуютъ,
Струи въ ключахъ крутятъ, въ зелены вѣтви дуютъ.
Уже представился не тотъ печальный лѣсъ,
Гдѣ не былъ видимъ свѣтъ ни солнца, ни небесъ;
Кореньями древа въ то время не свивались;
Другъ къ другу преклонясь, вершины отревались;
Теперь любовныя въ нихъ чувства возстаютъ,
Другъ другу вѣтвія, какъ руки, подаютъ;
И составляются изъ нихъ густые своды,
Подъ коими сквозь лѣсъ перебирались ходы;
И словомъ, зрится вамъ прекрасный вертоградъ,
Какимъ изображенъ намъ Гесперидскій садъ.
Въ недоумѣніе сей видъ Царя приводитъ,
Со удивленіемъ на рощу взоръ возводитъ;

Бѣги отсель! бѣги! разсудокъ вопіетъ,
Стремленье тайное къ древамъ его влечетъ;
И чувству нѣжному разсудокъ покорился.
Подъѣхалъ къ нимъ Алей, между древами скрылся:
Отъ тропки ко другой, какъ вѣтромъ листъ, влекомъ,
Прелестныя мѣста обходитъ онъ кругомъ.
Но хитрость, въ рощу ту Эротомъ привлеченна,
Обманамъ, нѣжностямъ, притворствамъ изученна,
Ручей составила, чертя рукой песокъ;
Ручей тотъ сладостенъ, но дѣйствіемъ жестокъ;
Сребристая вода прохожихъ приглашаетъ;
Теряетъ волю тотъ, кто каплю водъ вкушаетъ.
Соблазнами влекомъ нещастный Царь Алей,
Какъ будто сквозь туманъ, къ водѣ приходитъ сей.
Сопровождающа Алея осторожность
Скрываетъ во струяхъ вредъ, пагубу, ничтожность;
Влечетъ его къ водѣ коварная любовь.
Онъ каплю взялъ въ уста, и въ немъ зажглася кровь.
Которыя Царя къ потоку привлекали
Наяды, вынырнувъ, руками восплескали;
Свой рокъ предвозвѣстивъ, нещастный возстеналъ,
Алей, Алей вздохнулъ, но самъ о чемъ, не зналъ;
Тогда любови Царь въ селеніяхъ воздушныхъ
Прекрасныхъ Геніевъ созвалъ ему послушныхъ.
Они, съ написаннымъ притворствомъ на челахъ,
Слетаются къ нему на радужныхъ крылахъ;
Желанья водятъ ихъ, утѣхи упреждаютъ,
Умильности влекутъ, тревоги провождаютъ;
Зажженный пламенникъ держащій Царь въ рукахъ,
Вѣщалъ имъ движимымъ на тонкихъ облакахъ:
О вы, властители вселенныя! летите,
Сумбекину любовь въ отраву обратите;
Тревожьте духъ ея, коварство сѣйте въ ней;
Да мучится она, да мучится Алей!
Коварны Геніи крылами встрепетали,

И стрѣлы въ руки взявъ, изъ облакъ вылетали,
Зажгли на воздухѣ любовные огни;
Алея встрѣтили между древесъ они;
Кипридинъ сынъ предъ нимъ со пламенникомъ ходитъ,
Невидимъ будучи, въ долину ту приводитъ,
Гдѣ нѣжны Граціи, любви поставивъ тронъ,
Сумбеку плачущу склонили въ сладкій сонъ.
Какое нѣжное любовнику явленье!
Забылъ онъ зримое въ лѣсахъ увеселенье,
Забылъ онъ самъ себя, и чувствуетъ и зритъ
Едино только то, что взору предлежитъ.
Гдѣ нѣжныя сплелись багряновидны лозы,
Подъ тѣнью зритъ кустовъ разсыпанныя розы;
Съ лилеями въ травѣ смѣшалися они,
Весенняго красу изображая дни....
Увы! не день то былъ, не розы, но Сумбека,
Прельстить твердѣйшаго могуща человѣка
Зефиръ лицу ея пріятства придавалъ;
Онъ тихими надъ ней крылами повѣвалъ;
И прелести отъ глазъ ея не отступали;
Глаза, сомкнувшися, огонь въ сердца метали.
Увы! когда совсѣмъ откроются они,
Коль сильно могутъ жечь ея очей огни!
Алей на сонную умильный взоръ возводитъ;
Остановляется, трепещетъ, къ ней подходитъ.
Что значитъ? мыслилъ онъ, что значитъ, что
Въ безмолвномъ семъ лѣсу покоится одна?
Увы! она меня вторично въ узы ловитъ.
Обманы новые Сумбека мнѣ готовитъ....
Такъ мыслилъ Царь, еще разсудкомъ озаренъ,
Онъ хощетъ, какъ Улиссъ, избѣгнуть отъ Сиренъ.
Видѣнье на горѣ и лесть ея воспомнилъ,
Намѣренье свое почти уже исполнилъ;
Глаза отъ прелестей Сумбеки отвратилъ.
Увидя то, Эротъ за грудь его схватилъ,

И въ сердце прелетѣвъ, воскрикнулъ велегласно:
Жестокій! страшно ли тебѣ лице прекрасно?
Оно орошено потокомъ слезъ теперь....
Разсудокъ вопіялъ: не вѣрь сему! не вѣрь!
Взгляни на прелести—любовь ему вѣщала,
И взоры къ прелестямъ неволей обращала.
Тогда Кипридинъ сынъ, въ кругахъ воздушныхъ скрытъ,
Своимъ дхновеніемъ ее животворитъ:
Сумбека взоръ, стыдомъ исполненный, подъемлетъ,
И сердце у Царя почти уже отъемлетъ.
Взоръ въ грудь ему проникъ, какъ солнце сквозь хрусталь,
Онъ съ прелестью вмѣщалъ притворство и печаль,
Печаль, смягчающу сложенія суровы,
Дающу новыя любовникамъ оковы.
На прелести ея взводящи томный взглядъ,
Алей горѣлъ огнемъ и пилъ любовный ядъ.
Куда сокроюсь я? Сумбека говорила;
Закрыла очеса, но хитрость ихъ открыла;
Алея покорить, Алея удержать....
Вздохнула, двигнулась и хочетъ убѣжать.
Казалось, Граціи токъ слезный проливали;
Наяды плакали, Амуры унывали;
Свернулись вдругъ цвѣтки, стенали древеса;
И капли слезныя излили небеса,
Кропили оными и розу и лилею.
Алей не камень былъ; какъ тверду быть Алею!
Сумбекинъ взоръ Царя въ неволѣ удержалъ;
Герой исчезъ! и рабъ у ногъ ея лежалъ.
Дрожащимъ гласомъ рекъ: пойдемъ въ Свіяжскъ отсюду;
Здѣсь я врагомъ кажусь, твой плѣнникъ тамо буду!
Приданымъ дать должна Казань свою мнѣ кровь,
Россія увѣнчать мою съ тобой любовь!...
Сія пристрастна рѣчь Сумбекѣ изъявила,
Что сердце въ немъ любовь стрѣлами уязвила.
Сумбека, вобразивъ, что ей супругъ велѣлъ,

Своихъ пріятностей не пожалѣла стрѣлъ.
Прельщай! еще прельщай! притворство вопіяло,
Которо близъ ея невидимо стояло;
Оно, Сумбекины умноживъ красоты,
Казало розовы въ ея устахъ цвѣты;
Улыбка нѣжная, пронзающіе взгляды,
Во грудь Алееву вливали медъ и яды.
Сумбеку подкрѣпить съ стрѣлой Эротъ летитъ,
И ею дѣйствуетъ, въ очахъ ея сокрытъ;
И внемлетъ Царь отъ ней сіи слова жестоки:
Невѣрный! видѣлъ ли мои ты слезны токи?
Они въ долинѣ сей лилися по тебѣ;
Что дѣлать мнѣ теперь при злой моей судьбѣ?
Ахъ! слезы мнѣ теперь послѣдняя отрада!
Жестокій! для тебя я выслана изъ града;
Съ младенцемъ я моимъ гониму зрю себя,
Отъ подданныхъ моихъ гониму за тебя;
Они любовь мою и вѣрность къ Сафгирею
Почли къ тебѣ, Алей, суровостью моею;
Велятъ нещастной мнѣ, твой знатный родъ любя,
Илѝ оставить тронъ, или смягчить тебя.
О коль послѣднее велѣнье мнѣ пріятно!
Сама итти въ Свіяжскъ хотѣла я стократно;
Хотѣла предъ тобой потоки слезъ пролить,
На твой престолъ тебя хотѣла умолить.
Но я папасть мою какъ будто предузнала.
Предстать очамъ твоимъ я прежде не дерзала,
Доколѣ не могла сомнѣніевъ пресѣчь;
Для нихъ была должна супружнинъ гробъ сожечь;
Боролась съ жалостью, боролася со страхомъ,
Дабы не уличалъ меня и симъ ты прахомъ.
Взгляни на гробы ты, на пепелъ ихъ взгляни!
Усердіе мое къ тебѣ явятъ они.
Но пользуетъ ли мнѣ такое увѣренье?
Во градѣ вижу я внѣ града подозрѣнье!

Увы! суровыя смягчились небеса,
И камни тронулись, и дикіе лѣса;
Все, все въ дубравѣ сей, ахъ! все преобразилось!
Лишь сердце для меня твое не умягчилось!
Жесточе ты древесъ, жесточе твердыхъ горъ!
Сумбека длитъ еще коварный разговоръ:
Увы, любезный Князь! войдемъ во градски стѣны,
Не бойся хитрости, не бойся ты измѣны.
Тебя корона тамъ, любовь и скипетръ ждутъ;
Взаимный миръ съ Москвой въ тебѣ Казанцы чтутъ;
За вѣрность я тебѣ Ордынцовъ отвѣчаю...
Но ты задумался, я рѣчь мою скончаю.
Моей преданности стыдиться я должна!...
Взрыдала, и пошла, стенаючи, она.
Потоки слезъ проливъ, казалась удаленна,
Какъ роза нѣжная, росою окропленна;
Пріятны Граціи тѣснились вкругъ нея,
И прелести припавъ цѣлуютъ слѣдъ ея;
Пріятности кругомъ лица ея летали,
Они лобзаньями слезъ токи исщитали.
Какой бы человѣкъ, какой бы строгій богъ
Ея заразами растрогаться не могъ?
Сумбека кинула взоръ нѣжный ко Алею,
Пошла... и Царь Алей стремится вслѣдъ за нею!
Алциною Астолфъ обманутъ тако былъ.
Алей уже едва Россію не забылъ;
Коль вѣра мысль его отъ страсти отзывала,
Любовь и слабостямъ похвальный видъ давала.
Онъ чаялъ, покоривъ съ Сумбекою Казань,
Прислать изъ ней въ Москву съ присягой вскорѣ дань;
Мятежныя сердца Ордынцовъ успокоить,
Ихъ наглость обуздать, всеобщій миръ устроить.
Сей чаемый предлогъ его къ Сумбекѣ влекъ;
Обманы царствуютъ! въ ихъ волѣ человѣкъ!
Любовь, которая тогда надъ нимъ летала,

Сумбекинымъ его невольникомъ щитала.
Такъ часто обладать собою льстимся мы,
Когда во власть беретъ у насъ любовь умы.

Притворно воздыхать Сумбека продолжала,
Скрывалась, но любовь Цареву умножала.
Вскричалъ онъ, видящій взведенныхъ прелесть глазъ:
Увы! я быть могу еще обманутъ разъ;
Но слѣдую тебѣ!... Тѣ рѣчи излетали,
Во книгу вѣчности они внесенны стали,
И должно было впредь исполнитися имъ;
Невинность во слезахъ пошла во слѣдъ за нимъ.
Сумбека хитростью напасть запечатлѣла,
Которая Царю во срѣтенье летѣла.
Лишь выступилъ Алей дубравы изъ границъ,
Идущаго Царя встрѣчаетъ ликъ дѣвицъ;
Подобно Граціямъ блистая красотами,
Ко граду путь онѣ усыпали цвѣтами.
Утѣхи, прелести, тѣснятся вкругъ его,
Берутъ оружіе съ усмѣшкой у него,
Благоуханіемъ одежду оросили,
И гимны, свойственны случаямъ, возгласили;
Вѣнцы сплетающа соблазность изъ цвѣтовъ,
Къ Алею подступивъ, подъемлетъ свой покровъ,
Снимая шлемъ съ Царя, главу его вѣнчаетъ,
И мечъ его укравъ, цвѣты ему вручаетъ;
Коварство робкое, пріемля смѣлый видъ,
Отъемлетъ у него копье и лукъ и щитъ.
Казалася любовь въ Героя превращенна,
А храбрость Царская послѣднихъ силъ лишенна.

Тогда крылатая въ Казань паритъ молва,
Недремлюща во вѣкъ, скора, быстра, жива;
Молва Алеево прибытіе вѣщаетъ,
Съ Москвой взаимный миръ Казанцамъ обѣщаетъ,
Пріятная судьба Казани смутной льститъ,
Которую сулилъ Царицѣ ихъ Сеитъ.

Златая встрѣтила Сумбеку колесница,
Съ Алеемъ въ торжествѣ возсѣла въ ней Царица;
Народъ въ восторгѣ зритъ съ высокихъ градскихъ стѣнъ
Идущаго Царя во произвольный плѣнъ.
Чье имя страхъ Ордамъ недавно наводило,
Пришествіе того спокойствомъ граду льстило.
О тигрѣ, жителей который устрашалъ,
На пажитяхъ стада пасомы похищалъ,
Съ такимъ веселіемъ граждане разсуждаютъ,
Когда его въ цѣпяхъ по граду провождаютъ.
Спѣшаща обрѣсти сокровища и честь,
Является Царю въ лицѣ вельможей лесть;
Защитникомъ Орды Алея называетъ,
И слезы радостны ласкаясь проливаетъ;
Имѣя въ разумѣ о выгодахъ мечты,
Къ подножію его разсыпала цвѣты.
И подлость рабская толь гнусно унижалась,
Что ко стопамъ его главою поклонялась;
Лице покорности умѣюща принять,
Колѣна Царскія стремилася обнять.
Любовь народныя плесканья подкрѣпили,
И въ Царскій древній домъ любовники вступили.
Темница, страсть куда Алея привлекла,
Казалася ему съ Сумбекой весела.
Цирцеѣ гордая Сумбека подражаетъ,
Она и взоръ его и духъ обворожаетъ,
И въ сердце лестныя вливающа слова,
Во агнца слабаго преобратила льва.
Коль слѣпы въ ихъ любви бываютъ человѣки!
Алей весь міръ включалъ во прелестяхъ Сумбеки.
По радостямъ его летаетъ плѣнный взоръ,
На что ни смотритъ Царь, вступая въ Царскій дворъ.
Тамъ рядъ древесъ казалъ широкія дороги,
Сквозь кои пышные открылися чертоги;
Вкругъ нихъ свѣтилися столпы въ златыхъ вѣнцахъ,

И бисеръ въ солнечныхъ играющій лучахъ.
Строенія сего наружное изрядство
Роскошною рукой возвысило богатство;
Со пестрымъ мраморомъ тамъ аспидъ сопряженъ;
Блистая хрусталемъ, казался домъ зажженъ.

Предъ онымъ зритъ Алей столпами окруженну,
Изъ твердыхъ марморовъ Казань изображенну;
Какъ нѣкій исполинъ, имѣя грозный видъ,
На каменномъ она подножіи стоитъ.
Художникъ плѣнную изобразилъ Россію,
Ко истукановымъ стопамъ склонившу выю;
И узы, на ея лежащія рукахъ,
Являли прежній плѣнъ и прежній Россовъ страхъ.
Казань десницею ужасный мечъ держала,
И горду власть свою чрезъ то изображала.
Въ сей страшный истуканъ устроенъ тайный ходъ,
Которымъ ихъ Цари вступая каждый годъ,
Молитвы ложному пророку приносили,
Всегдашня торжества надъ Россами просили.
Вѣщаютъ, будто имъ завѣтъ волхвами данъ:
Доколѣ невредимъ сей будетъ истуканъ,
Дотолѣ славный градъ безвреденъ сохранится,
И благо ихъ во зло во-вѣкъ не премѣнится.
Коль пламенно Алей Сумбеку ни любилъ,
Едва въ сіи часы любви не истребилъ,
Казанской гордости когда онъ знакъ увидѣлъ;
Алей тщеславіе и пышность ненавидѣлъ.
Хоть сердце отняла Сумбека у него,
Россія въ памяти присутствуетъ его;
Противенъ истуканъ его казался взору:
Россійскаго Алей не могъ терпѣть позору.
Но то коварная Царица усмотрѣвъ,
Изгнала прелестьми его изъ сердца гнѣвъ:
Она глаза къ нему толь страстно устремила,
Что ими прочіе всѣ виды вдругъ затмила;

И нѣжныя слова лишь только изрекла,
Алея за собой въ чертоги повлекла.
Тамъ пѣсни юныхъ Нимфъ повсюду раздавались.
Вѣнцы изъ нѣжныхъ розъ Алею въ даръ свивались.
Подобны Уріямъ казались Нимфы тѣ,
О коихъ Махометъ вѣщаетъ красотѣ.
Онѣ пріятности любовныя вѣщали,
Которы и боговъ небесныхъ восхищали;
Воспѣли рыцарей великихъ имяна,
Которы въ древнія любили времяна.
Отравой сладкою любовникъ упивался—
Армидою Ренодъ подобно такъ прельщался.
Сумбекѣ нравилось прельщеніе сіе.
Алей, какъ нѣкій рай, жилище зрѣлъ ее;
Искусствомъ помрачивъ убранства горделивы,
Тамъ видны на стѣнахъ изображенья живы,
Ихъ кисть волшебная для глазъ произвела,
И видъ естественный и душу льну дала.
Въ лицѣ пріятнаго и кроткаго зефира
Изобразила кисть златое царство мира;
Миръ страшный брани храмъ заклепами крѣпитъ,
У ногъ его въ травѣ волкъ съ агнцемъ купно спитъ;
Тамъ голубь съ ястребомъ играючи летаетъ,
И львица юнаго тельца млекомъ питаетъ;
Во всей веселости между цвѣтовъ видна
Подъ тѣнію древесъ сѣдяща тишина;
Азмазный щитъ надъ ней спокойствіе держало,
И щастіе сію богиню окружало.
Съ другой страны встрѣчалъ обвороженный взоръ
Военны подвиги, сраженія, раздоръ:
Тамъ зрится во крови свирѣпыхъ битвъ Царица;
Тамъ раны видимы, тамъ кровь, тамъ блѣдны лица;
Герои въ цвѣтѣ лѣтъ кончающіе дни,
И стонутъ, кажется, написанны они.
Сумбека на Царя коварствуя взираетъ,

Узнать, къ чему свои онъ мысли простираетъ;
Чѣмъ паче занятъ онъ, кровавой ли войной,
Или цвѣтущею въ покоѣ тишиной?
Ей мнилось, что война его вниманью льстила,
И взоромъ взоръ его къ иному отвратила.
Тамъ новый видъ глаза Царевы поразилъ:
Художникъ пламенну любовь изобразилъ.
Любовь, которая казалася на тронѣ,
Съ калчаномъ стрѣлъ въ рукахъ и въ розовой коронѣ;
Тѣ стрѣлы сыплются, въ день ясный и въ ночи,
На всю вселенную, какъ солнечны лучи.
Лучами шаръ земный ты, солнце, освѣщаешь,
И грады оными и степи посѣщаешь;
Подобно стрѣлы такъ изъ рукъ любви летятъ,
Равно Владѣтеля и пастуха язвятъ;
И щастье равное они тогда вкушаютъ,
Когда свои сердца любовью утѣшаютъ.
Что живостью цвѣтовъ на льнѣ изображалъ,
Художникъ въ томъ живой натурѣ подражалъ:
Тамъ гордыя древа долины осѣняли,
И кажется, они верхи свои склоняли:
Межъ камней извившись источники кипятъ,
И мнится, на стѣнѣ написанны шумятъ;
Тамъ, кажется, Нарцисъ еще глядитъ въ потоки,
И будучи цвѣткомъ, пущаетъ слезны токи;
Нещастный Адонидъ, ставъ жертвою любви,
Еще является на стеблѣ во крови.
Алей на все взиралъ, взиралъ и восхищался;
Но бодрый духъ его слабѣлъ и возмущался;
Толико мысли онъ въ забавы углубилъ,
Что друга вѣрнаго Гирея позабылъ.
Другъ часто близокъ къ намъ во отдаленьи трона,
Но въ немъ лишь видѣнъ Царь, когда на немъ корона.
Алей возшедъ на тронъ, въ день щастья своего,
Не помнитъ дружества, но помнитъ другъ его!

Казанцы жизнь при немъ предвидящи щастливу,
Морскому въ оный день подобились приливу,
Который Царскій домъ какъ море наполнялъ:
Весь градъ передъ Царемъ колѣна преклонялъ;
И вѣрность радости свои вездѣ трубила.
Алея подлинно Казанска чернь любила;
Уже два раза онъ сердцами ихъ владѣлъ,
Какъ будто о своемъ, о благѣ ихъ радѣлъ;
Имѣли въ немъ они отъ сильныхъ оборону.
Алею поднесли порфиру и корону;
Не страшны Россы имъ, не страшенъ Асталонъ,
Когда пріосѣнитъ Алей Казанскій тронъ.
Но зависть и раздоръ среди вельможъ летаютъ,
Которыя Царя наружно почитаютъ.
Сіи двѣ фуріи, тревожа ихъ сердца,
Неволятъ ихъ алкать Казанскаго вѣнца:
И каждый думаетъ Алею быть подобенъ,
Иль паче, нежель онъ, владѣть Ордой способенъ.
Но завистью Сагрунъ сильнѣе всѣхъ горитъ,
Онъ, взоры пламенны кидая, говоритъ:
Какіе подадимъ мы слухи нынѣ свѣту,
Избравъ того Царемъ, кто врагъ и Махомету,
Кто рабствуя Царю Московскому служилъ,
И, можетъ быть, его на насъ вооружилъ?
Или мы собственныхъ достоинствъ не имѣемъ,
Что выбрать во Царя другъ друга не умѣемъ?
Но прервалъ рѣчь его Гирей, Алеевъ другъ,
Вельможей собранныхъ вступивъ въ мятежный кругъ:
Нельзя противится, онъ рѣкъ, судебъ уставу,
Алею отдаютъ они его державу,
Державу, до сего носиму имъ не разъ;
Кто смѣетъ быть Небесъ противникомъ изъ насъ?
Не вѣру толковать вѣнчается Владѣтель;
Онъ въ подданныхъ вселять обязанъ добродѣтель;
Кто лучше озаритъ Казанскій ею тронъ?

Кто лучшій дастъ примѣръ въ геройствѣ, коль не онъ?
О! если исполнять хотѣнія сердечны,
На царство выборы здѣсь будутъ безконечны,
И будемъ въ преніи о тронѣ мы вовѣкъ.
Начальствовать другимъ желаетъ человѣкъ;
Но царство возмутивъ, утратимъ мы свободу.
Однако отдадимъ сіе на судъ народу:
Народомъ подкрѣпленъ бываетъ Царскій тронъ,
Да скажетъ, симъ Царемъ доволенъ есть ли онъ?
Спросилъ, и гласы ихъ какъ волны зашумѣли;
Казанцы собранны согласну мысль имѣли;
Не слышно, кромѣ сихъ торжественныхъ рѣчей:
Пусть нами царствуютъ съ Сумбекою Алей!
        Сребристая луна на горизонтъ вступила,
Но радости въ сердцахъ она не усыпила;
Стараясь удержать во градѣ ясность дни,
Казанцы возожгли блестящіе огни;
Веселость подданныхъ наружны кажутъ блески,
Восходятъ къ облакамъ торжественные плески;
Какъ шумъ морскихъ валовъ, достигъ къ чертогамъ гласъ:
Да наши радости возрадуютъ и васъ!
Сумбека нѣжностей подъ пепломъ искру крыла:
„Тронъ твой, и я твоя, Алею говорила;
Съ моимъ сливаются народныя сердца;
Отъ нихъ и отъ меня пріемлешь два вѣнца;
Одинъ Царемъ тебя творитъ надъ сей страною,
Другой—надъ волею моей и надо мною.
По мнѣ сей градъ, престолъ и весь народъ есть твой;
А съ нами примирясь, смири Казань съ Москвой;
Мы ей селенія за-Волжскія уступимъ,
И если хощешь ты, присягой миръ съ ней купимъ.
Мы браней не хотимъ!... Хотя и льщуся я,
Что можетъ защищать Казань рука твоя;
Но ты Россіи другъ, а царствуя надъ нами,
Россіянъ учини ты нашими друзьями,

И станемъ въ градѣ семъ златые дни вести…“
Алей, не чувствуя сея Царицы льсти,
Сумбеку подкрѣпилъ въ пріятномъ упованьѣ.
Взоръ нѣжный усладилъ и страсть и пированье;
Казалось, разлился веселій океанъ.
Но часто кроется подъ ласками обманъ;
Кругомъ любовниковъ слетаются утѣхи,
Слетаются въ чертогъ умильности и смѣхи.
Но, виды таковы Сумбекинъ Дворъ имѣвъ,
Таилъ въ стѣнахъ своихъ притворство, зависть, гнѣвъ,
Которыя открыть лица еще не смѣли,
И зримы будучи, притворный видъ имѣли.
Сумбека зрѣлася при радостяхъ смутна….
Османа помнила, ахъ! помнила она;
Невѣрности его Царицѣ въ мысль приходятъ,
Какъ облако во дни на сердце мракъ наводятъ.
    Досада, ревность, гнѣвъ, ея терзая грудь,
Отверзли мщенію къ Сумбекѣ въ сердце путь.
О коль страшна любовь, отмщающа измѣну!
Османа привести даетъ приказъ изъ плѣну.
Свирѣпства, хитрости и мщенія полна,
Алею говоритъ стенаючи она:
Онъ врагъ мой, врагъ и твой, злодѣй всего народа,
Которымъ отнята была моя свобода!
Я дружбы прежнія съ нимъ узы нынѣ рву,
И въ жертву отдаю тебѣ его главу….
Алей сказалъ: Османъ! внемли, что я вѣщаю;
Ты врагъ мнѣ, я тебѣ свободу возвращаю;
Познай теперь, Османъ, какъ Христіяне мстятъ;
Ты можешь съ нами жить, оставить можешь градъ,
Сумбека будто бы предбудущее зрѣла,
Еще подъ стражею держать его велѣла.
    Османъ отходитъ прочь, но прочь любовь нейдетъ,
По сердцу разлилась и власть надъ нимъ беретъ;
То стужу дѣлаетъ, то множитъ лютый пламень,

И сердце размягча падетъ, какъ въ воду камень,
Сумбека, чающа Османа не любить,
Съ Алеемъ щастлива въ забавахъ хочетъ быть;
Сей плѣнникъ, въ царскія вступивъ священны правы,
Вдается въ новыя съ Сумбекою забавы.
Желая облегчить правленія труды,
Влечетъ его она въ роскошные сады,
Гдѣ тысящи пріятствъ для Флоры и Помоны
Волшебною рукой сооружили троны:
Тамъ розовы вокругъ кустарники цвѣтутъ,
Зефиръ покоится на ихъ листочкахъ тутъ;
Тамъ вѣтвями древа густыми соплетенны,
Прохлады завсегда въ тѣни хранятъ весенны;
Чрезъ виды разные стремящаяся тамъ
Подъемлется вода шумяща къ облакамъ;
Любовны нѣжности въ кустахъ себя скрываютъ,
И птицы сладость ихъ и прелесть воспѣваютъ;
Зеленые лужки въ тѣни древесъ цвѣтутъ,
И, кажется, любовь одры готовитъ тутъ;
Наяды у ручьевъ являются сѣдящи,
Волшебны зеркалы въ рукахъ своихъ держащи,
Въ которы Граціи съ усмѣшками глядятъ;
Амуры обнявшись на мягкой травкѣ спятъ;
Пещеры скромныя, привѣтливыя тѣни,
Гуляющихъ къ себѣ манили на колѣни.
Сумбекѣ въ мысль пришли минувши времена,
Когда съ Османомъ здѣсь видалася она;
Любовныя свои прохлады вспомянула:
Взглянула на мѣста и тяжко воздохнула;
Но скрыла грудь ея снѣдающую страсть,
Беретъ надъ слабостью Сумбека полну власть;
Запечатлѣнныя намѣренья имѣя,
Османомъ прельщена, взвела на тронъ Алея.
Алею ввѣрила владычество свое,
Но царствовалъ Османъ надъ сердцемъ у нее.

Уже Алей Казань мятежну успокоилъ,
И къ миру онъ сердца людей своихъ устроилъ,
Союзъ готовился съ Москвой запечатлѣть;
Но искра мятежа не преставала тлѣть.
Османъ отверженный, Османъ лишенъ покою,
При общей радости терзается тоскою;
Ему являются мечтанія во тмѣ,
Эмира у него и въ сердцѣ, и въ умѣ;
Гуляетъ ли въ садахъ, или въ нощи воздремлетъ,
И мракъ и древеса лице ея пріемлетъ;
Томится духъ его и стынетъ въ жилахъ кровь.
Взирая на сіе развратная любовь,
Любовь, мрачаща умъ, когда въ крови затлится,
Любовь сердецъ и душъ страданьемъ веселится,
Любовь, отъемлюща покой, разсудокъ, стыдъ,
Пріемлетъ на себя теперь Эминринъ видъ:
Къ Осману спящему со трепетомъ приходитъ,
Отраду зрѣнію, но сердцу скорбь наводитъ.
Эмира будто бы сей жизни при концѣ
Имѣетъ блѣдное и смутное лице;
Раздранная на ней казалася одежда;
Речетъ: моя теперь исчезла вся надежда,
Исчезла—видѣться и вмѣстѣ быть съ тобой;
Намъ должно жить, Османъ, весь вѣкъ въ разлукѣ злой!
Отчаянный она вѣщая взоръ кидала,
Главу потупила, и горько возрыдала.
И ктожъ причиною сердечныхъ нашихъ ранъ?
Эмира говоритъ: причиной ты, Османъ!
Спѣши, ты, можетъ быть, спасти меня успѣешь,
Къ свободѣ средства ты надежныя имѣешь,
Успѣхъ получишь ты надъ слабою женой;
Рыдай предъ ней, спѣши увидѣться со мной!
Сіи слова не разъ ему твердила,
И взоры слезные кидая уходила.
Османъ, какъ будто бы пронзенъ во грудь стрѣлой,

Трепещетъ, мучится, смущается мечтой,
Встаетъ,—и се! въ чертогъ Сагрунъ коварный входитъ;
Онъ взоры на него печальные возводитъ.
Въ вельможѣ семъ душа какъ адъ была смутна,
Къ различнымъ хитростямъ склонялася она;
Грызомый завистью, покоя не имѣетъ;
Желая людямъ зла, о бѣдствѣ ихъ жалѣетъ;
На блѣдномъ у него написано лицѣ,
Что мыслилъ день и нощь о Царскомъ онъ вѣнцѣ.
Нося въ груди своей намѣреніе злобно,
Хотѣлъ, какъ самъ себя, и всѣхъ смущать подобно;
И такъ Осману рекъ: о коль твой скорбенъ взоръ!
Но долго ли тебѣ такой терпѣть позоръ?
Таврисскій храбрый Князь въ Казани узы носитъ,
О вольности своей ни думаетъ, ни проситъ;
Когда бы, можетъ быть, ты слово лишь изрекъ,
Порфирою бъ себя во градѣ семъ облекъ;
Я дружества къ тебѣ во вѣки не нарушу:
Ты вѣдаешь мою ревнительную душу,
И вѣдаешь еще ту пламенную страсть,
Котора ввергнула тебя въ сію напасть;
Дай нову силу ей, и подкрѣпися ею.
Сумбека сжалится надъ нѣжностью твоею;
Явись ея очамъ!... Османъ, мечтой смущенъ,
Коварнымъ Сагруномъ былъ паче обольщенъ.
Вельможу онъ сего при щастьѣ ненавидѣлъ,
Но ввѣрилъ днесь ему мечту, котору видѣлъ.
Такъ бѣдный плаватель, въ пучинѣ жизнь губя,
За все хватается, что видитъ вкругъ себя.

Довѣренностью сей Сагурнъ возвеселился,
Онъ только ждалъ, чтобы Османъ ему открылся;
Намѣренье въ груди злодѣйское питалъ,
Своимъ орудіемъ любовну страсть считалъ;
Во злобѣ предпріялъ, раздоръ въ троихъ посѣя,
Османа погубить, Сумбеку и Алея.

Сей хищный волкъ теперь пріемлетъ агнчій видъ;
Лукавый духъ его подъ видомъ дружбы скрытъ:
Спаси отъ бѣдства насъ! вѣщаетъ онъ со стономъ,
Мы всѣ устрашены колеблющимся трономъ;
Сумбека нѣжности къ тебѣ не изгнала,
Но въ гнѣвѣ Царску власть Алею отдала;
Возможно ли женѣ въ ея угрозахъ вѣрить?
Онѣ и злобствуя умѣютъ лицемѣрить;
Ихъ гнѣвъ есть молнія, которая сверкнетъ,
Но солнце, возсіявъ, опять сіять начнетъ;
Алей, опасный врагъ и вѣры и Казани,
Сбираетъ для Москвы съ Татаръ позорны дани;
Я видѣлъ, какъ теперь народу онъ ласкалъ,
И въ ихъ сердца войти различныхъ средствъ искалъ.
Имѣя желчь въ груди, точилъ онъ медъ устами;
Съ Россіей вѣчный миръ украсилъ онъ цвѣтами,
И прелестью словесъ собранье обольщалъ...
Симъ адскимъ вымысломъ онъ души уловлялъ;
Онъ рекъ сіи слова, но ихъ изрекъ краснѣя:
Вы другомъ, не Царемъ имѣете Алея!
Смиритися съ Москвой: отъ насъ отвергнуть брань
Не многая тому отъ васъ потребна дань—
Присяга вѣрная!... О коль слова безбожны!
Рабамъ покорности такія суть возможны;
А мы давно ли власть имѣли надъ Москвой?
Намъ льзя-ль къ стопамъ ихъ пасть, бывъ прежде ихъ главой?
Кто знаетъ? можетъ быть, тая въ душѣ коварство,
Разрушить предпріялъ Алей Казанско царство;
Мужайся, ободрись, злодѣя не жалѣй,
Сними съ него главу, коль не снялъ онъ твоей!
Ты смертію своей, нещастный, ускоряешь;
Спасая жизнь его, свою ты жизнь теряешь.
Теперь, Османъ, любовь Царицѣ докажи,
Корону со главы падущу удержи;
Тебя къ тому зоветъ и зримое мечтанье,

Любовь, нещастіе и наше почитанье;
Та тѣнь, которая являлася тебѣ,
Ко щастливой тебя и тѣнь зоветъ судьбѣ!
Уже колеблются божницъ верхи златыя;
Ты вѣру подкрѣпи и воскреси Батыя.
Когда сіе Саргунъ лукавствуя вѣщалъ,
Развратъ и паче въ немъ духъ звѣрскій возмущалъ;
Обвившись вкругъ него, коварство растравляетъ,
Сумбеку взору онъ кровавому являетъ,
Котора, жалуясь на строгости Небесъ,
Ходила въ горести подъ тѣнію древесъ;
И съ нѣжностью своей имѣющая споры,
Гдѣ жилъ Османъ, туда бросала смутны взоры.
Примѣтивый Саргунъ страданіе сіе,
Вѣнчаннымъ поставлялъ желаніе свое,
И рекъ Осману онъ: я долгъ и дружбу помню,
Пойду, и важныя намѣренья исполню;
Заставлю гордою Сумбеку меньше быть,
Тебѣ престолъ отдать, Алея позабыть!
Идетъ, и хитрости вокругъ его летаютъ,
Онѣ льстеца сего орудіемъ считаютъ;
Во рабскомъ образѣ представили его,
Покорность на челѣ являя у него;
Съ лукавствомъ внутреннимъ къ Сумбекѣ онъ подходитъ,
И рѣчь съ ней о любви Османовой заводитъ.
Такъ Еву льстивый змій въ Едемѣ соблазнялъ,
Когда ее вкусить познаній плодъ склонялъ.
Прилично ли, онъ рекъ, что здѣсь, какъ плѣнникъ низкій,
Подъ стражей держится безвинно Князь Таврисскій,
Сей Князь, который сталъ за то одно гонимъ,
Что онъ любилъ тебя, что онъ тобой любимъ?
Всѣ сжалились надъ нимъ, мы плачемъ, плачутъ стѣны;
Онъ страждетъ, ни вражды не зная, ни измѣны,
И любитъ онъ тебя!... Но мы оставимъ то.
Подумай, Крымъ теперь въ отвѣтъ намъ скажетъ что?

Османа заключивъ, мы Крымскій родъ поносимъ,
А помощи отъ нихъ въ напасти общей просимъ;
На чтожъ она теперь? Здѣсь царствуетъ Алей;
Османъ кончаетъ жизнь, кончаетъ, какъ злодѣй!
Умолкъ.... и рѣчь сія Царицѣ гордой льстила,
Она и выговоръ совѣтомъ добрымъ чтила;
Хотѣла за любовь обиженною быть,
И стать заставленной невѣрнаго любить.
Но кроя нѣжну страсть, котора грудь терзала,
Сумбека хитрому наперснику сказала,
Сказала Сагруну, всѣмъ сердцемъ возстеня:
Ахъ! льзя ли вѣрить мнѣ, что любитъ онъ меня?
Не сей ли льстецъ меня на тронѣ обезславилъ?
Не онъ ли въ Тавръ отсель любовницу отправилъ?
Не явенъ ли его изъ града былъ побѣгъ?
Мной! мной обогащенъ! меня онъ пренебрегъ....
Сумбека залилась при сихъ рѣчахъ слезами.
Сугрунъ вскричалъ: Османъ во вѣки будетъ съ нами!
Невѣрность скорую всегда пріемлетъ казнь.
Эмира, позабывъ Османову пріязнь,
Съ его сокровищемъ въ Россію убѣжала;
Увы! тебѣ въ любви она не подражала!
Османъ раскаялся! Я самъ то прежде зрѣлъ,
Что онъ обманщицу Сумбекѣ предпочелъ.
Но се идетъ Османъ; онъ самъ тебѣ докажетъ,
Какъ любитъ онъ тебя, и что онъ мыслитъ, скажетъ.
Скрывается Сагрунъ, извергнувъ сладкій ядъ.
Сумбека бросила къ Осману нѣжный взглядъ:
Печали на челѣ, въ ланитахъ блѣдность видитъ,
И прежни строгости Сумбека ненавидитъ;
Клянетъ суровые свои поступки съ нимъ:
Теперь не онъ предъ ней, она винна предъ нимъ.
Казалось, вкругъ нея летали смертны тѣни,
Мутится взоръ ея, дрожатъ ея колѣни;
У ней на памяти нощныхъ видѣній нѣтъ,

Забвенъ, забвенъ Алей, забвенъ и цѣлый свѣтъ.
Но мнѣ представились въ сей рощицѣ пріятной
Печальны слѣдствія любви, любви развратной;
Тамъ прелесть видима, притворство, лесть, обманъ;
Сумбека чувствуетъ, ихъ чувствуетъ Османъ;
Колѣни сей пришлецъ Сумбекины объемлетъ:
Она раскаянью любовникову внемлетъ,
И снова пламенной любовію горитъ.
Османъ, ліющій слезъ потоки, говоритъ:
Увы! не стою я Сумбекиной пріязни,
Прощенья не хочу, хочу жестокой казни!...
Сумбека, во слезахъ, взирая на него,
Поверглась въ томныя объятія его:
Живи! Османъ, живи! стоная возопила,
Лобзаніемъ сей миръ съ Османомъ подкрѣпила.
Увы! виновна я и тѣмъ, она рекла,
Что въ ревности тебя унизить я могла;
Забудемъ, что была на свѣтѣ семъ Эмира;
Уронъ твой замѣнятъ: я, тронъ мой и порфира.
Сумбекины слова какъ будто разумѣлъ,
Казалось, воздухъ весь въ то время возшумѣлъ,
Развраты, въ вѣтвіяхъ которые скрывались,
Кругомъ любовниковъ летая извивались,
И расплывалися у нихъ въ сердцахъ они:
Въ томъ хладъ произвели, въ Сумбекиномъ огни.
Возможно-ль чаять имъ судьбины въ мірѣ лестной?
Земной любви они искали, не небесной!
Съ Эмирой вмѣстѣ быть, неволи избѣжать,
Османъ являетъ видъ Сумбеку уважать;
Любовью пламенной къ нему Сумбека тлѣя,
Личину нѣжности имѣла для Алея;
Условились они согласіе таить,
Доколь настанетъ часъ Алея истребить.
Невинная любовь свѣтильникъ погасила,
И грудь Сумбекину слезами оросила,

Крылами встрепетавъ, сокрылась отъ нее,
Ломаетъ въ воздухѣ орудіе свое.
Вѣщаютъ: слышалось во древесахъ стенанье,
Сумбекино когда услышали желанье.
Алей во Царскіе чертоги возвращенъ,
У края пропасти былъ взоромъ обольщенъ,
Царица льститъ ему, но льститъ и ненавидитъ;
Невинность скоро зла, конечно, не увидитъ.
Когда Алей Казань къ покорству призывалъ,
Свіяжскъ измѣною его подозрѣвалъ [1]),
Въ Москву отправилъ вѣсть, молвою изліянну.
И время пренести мнѣ лиру къ Іоанну!

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Россійскимъ подвигамъ парящій духъ во слѣдъ
И проповѣдатель торжественныхъ побѣдъ,
Во дни торжественны, во дни Екатерины,
Взносися! мы трудовъ достигли половины.
Но Муза цѣлію своей до днесь брала
Раздоры, хитрости и нѣжныя дѣла:
Теперь открылося кровавое мнѣ поле;
Потщимся устремить вниманья къ пѣснямъ болѣ.
Отъ сонныхъ водъ стремлюсь къ пучинѣ прелетать,
Не миртовы вѣнцы, лавровые сплетать.
О Музы! если вы о пѣсняхъ сихъ рачите,
Возьмите прочь свирѣль, и мнѣ трубу вручите,
Да важныя дѣла вселенной возглашу,
О коихъ восхищенъ восторгами пишу.
Любовь, которая Алея поражала,
Въ златыхъ цѣпяхъ его окованнымъ держала.
На слабости его взирающа Казань

---

[1]) Здѣсь означается время, о которомъ упоминается въ первой пѣсни о Алеевой измѣнѣ.

Междуусобную въ стѣнахъ питала брань;
Россія между тѣмъ главу подъемлетъ томну,
Знамена видяща вносимыя въ Коломну.
Сей градъ, отъ Римскихъ золъ искавый оборонъ,
Въ началѣ основалъ Латинскій Князь Колонъ:
Когда противъ него враги пускали стрѣлы,
Изъ Рима онъ притекъ въ Россійскіе предѣлы,
И славы здѣшнихъ странъ во браняхъ множа громъ,
Поставилъ на брегахъ Оки прекрасный домъ;
Зелены влажною луга обнявъ рукою,
Тамъ близко срѣтилась Москва рѣка съ Окою,
И съ нею съединивъ и воды и уста,
Казалось, протекла на красны зрѣть мѣста.

Какъ будто въ сонмъ единъ сліянны быстры рѣки,
Военны силы шлютъ въ сей градъ мѣста далеки.
Уже казалася со стѣнъ издалека
Подъемлющаяся пыль, какъ бурны облака,
И пѣсни по лѣсамъ военны раздаются.
По всѣмъ градамъ отцы съ сынами разстаются;
Лобзаетъ сына мать, потоки слезъ лія;
Прощаются въ слезахъ супруги и друзья.
Но только ратники изъ стѣнъ выходятъ въ поле,
Встрѣчаетъ храбрость ихъ, и слезъ не видно болѣ.

Уже во древности извѣстный Музіянъ,
Который и до днесь изъ грозныхъ водъ сліянъ,
Стенящіе брега свирѣпаго Ильмена
Въ Коломну ратныя отправили знамена.
Гдѣ Волховъ твердымъ льдомъ шесть мѣсяцовъ покрытъ,
Оттолѣ воинство, какъ стадо птицъ, паритъ,
И Ладожски струи въ брегахъ своихъ ярятся,
Что горды стѣны въ нихъ опустошенны зрятся.
Уже отверзъ врата дружинѣ Изборскъ градъ,
Гдѣ Труворъ, Рюриковъ княжилъ юнѣйшій братъ,
Сквозь блата топкія и горы каменисты
Преходятъ, будто бы поля и рощи чисты.

Дерзаетъ воинство отъ дальнихъ оныхъ мѣстъ,
Гдѣ мщеньемъ Ольгинымъ извѣстенъ Искорестъ.
Тамъ, Игорь, видится еще твоя гробница,
Надъ коей плакала премудрая Царица,
Хранящая къ тебѣ и во вдовствѣ любовь,
Принесшая тебѣ Древлянску въ жертву кровь.
Уже отверзлися запечатлѣнны двери
Союзами съ Москвой соединенной Твери;
Упорство, коимъ сталъ нещастливъ Михаилъ,
Отборнымъ воинствомъ сей городъ замѣнилъ.
Уже оставили морскія бѣлы воды
Вокругъ Архангельска живущіе народы;
Изъ хладныхъ мѣстъ несутъ горящу къ бранямъ грудь,
И храбрость лаврами предъ ними стелетъ путь.
Любовь къ отечеству брега опустошаетъ,
Которые Двина струями орошаетъ;
На сихъ брегахъ рожденъ преславный сей пѣвецъ,
Который пріобрѣлъ безсмертія вѣнецъ,
Который славу пѣлъ и дни златые Россовъ—
Гремящей лирою извѣстный Ломоносовъ.
Отъ оныхъ сила мѣстъ какъ туча поднялась,
Гдѣ Котросль съ Волгою въ срединѣ стѣнъ слилась;
Гдѣ часто, къ небесамъ поднявшись, руды сѣрны,
Для грома облака приготовляютъ черны.
Уже съ крутыхъ вершинъ и со бреговъ Оки
Текутъ съ оружіемъ великіе полки;
Война и славы рогъ въ Коломну привлекаетъ
Съ тѣхъ мѣстъ народъ, Угра гдѣ съ шумомъ протекаетъ;
Тамъ храбрость Іоаннъ на вѣки утвердилъ,
Когда при сихъ брегахъ Казанцевъ побѣдилъ.
Коломна зритъ мужей къ сраженію готовыхъ,
Притекшихъ отъ луговъ Самарскихъ и Днѣпровыхъ:
Приходятъ ратники къ стѣнамъ на общій сборъ,
Отъ мѣловыхъ вершинъ, съ лишенныхъ цвѣта горъ,
Которы жатвою вокругъ благословенны,

Но кажутся вдали снѣгами покровенны.
Вооружилися на общаго врага
Благоуханные Донецкіе брега.
Ко подкрѣпленію отечества и трона,
Приходятъ ратники съ извившагося Дона,
Который, водъ струи стараясь разносить,
Всю хощетъ, кажется, Россію оросить.
Подвиглись грады всѣ въ обширной части міра;
Но льзя ли сильну рать тебѣ исчислить, лира?
Пришедше воинство подобилося тамъ
На понтѣ ледяномъ различныхъ птицъ стадамъ.
Коломна наконецъ отверзла дверь широку
Россійской полночи, полудню и востоку.
Отъ запада гремятъ въ стѣнахъ мечи у ней;
И сердцемъ зрѣлася она Россіи всей,
Къ которому, какъ кровь, вся сила обратилась:
Кровавая война воззрѣвъ на нихъ гордилась.
Внутри себя и внѣ мечи и пламень зря,
Встрѣчаетъ городъ сей Россійскаго Царя,
Который окруженъ отечества сынами.
Какъ новый былъ Атридъ у Трои подъ стѣнами,
Онъ видитъ полночь всю подъ скипетромъ своимъ,
И многіе Цари на брань дерзали съ нимъ;
Всему отечеству судили большу цѣлость
Россійскихъ войскъ соборъ, любовь къ войнѣ и смѣлость.
Когда полки Монархъ ко брани ополчалъ,
И молніи носящъ, перуны имъ вручалъ,
На ратниковъ своихъ Россія обращенна,
И стройностію войскъ, и силой восхищенна,
И видяща Царя дерзающаго въ путь,
Подъ громомъ чаяла трубъ звучныхъ отдохнуть:
Блестящіе мечи, Россійскія сраженья,
Сулили больше ей, чѣмъ миръ, успокоенья.
Прославить воинство предположивъ сіе,
Склонилъ къ нему Творецъ вниманіе свое,

И къ войску громкая побѣда обратилась;
Но свѣтлая заря взошла и помутилась.
Какъ будто льющійся въ луга съ горы потокъ,
Россійско щастіе препнулъ на время рокъ.
Горѣли мужествомъ уже сердца геройски,
И ставилъ Іоаннъ въ порядокъ ратны войски,
Которы принесли отъ странъ различныхъ въ дань
Любовь къ отечеству, злодѣямъ страхъ и брань,
Летящи мыслями и мужествомъ къ Казани,
Уже простершія къ сраженью храбры длани.
Вдругъ видятъ съ южныхъ странъ идущу пыль столпомъ,
И конскій топотный внимаютъ бѣгъ потомъ.
Приближилось къ Царю, какъ вихрь, видѣнье тое,
И разступилося, какъ облако густое;
Явилися гонцы Россійски наконецъ,
Которыми влекомъ Ордынскій былъ бѣглецъ.
Написанна боязнь у нихъ на лицахъ зрима;
Бѣглецъ возопіялъ: война! война отъ Крыма.
Уже со множествомъ бунтующихъ Татаръ
Рязань опустошилъ Ханъ Крымскій Исканаръ;
Москвы не истребивъ, сей Ханъ не хощетъ мира.
Вы зрите предъ собой его раба Сафгира.
Какъ будто человѣкъ при самомъ бывъ концѣ,
Изображенну смерть имѣлъ Сафгиръ въ лицѣ;
Отверзта грудь его, раздранная одежда
Являли, что ему одна была надежда:
Позорно кончить жизнь! Склонивъ главу, стоялъ,
И къ Царскимъ вдругъ ногамъ трепещущій упалъ;
Но бодрости Монархъ отчаяннымъ податель
Спросилъ его: кто онъ? Я рабъ твой и предатель!
Я рабъ твой, землю онъ челомъ бія вѣщалъ.
Симъ словомъ, не войной сердца онъ возмущалъ.
И рекъ ему Монархъ: какъ Царь тебѣ вѣщаю,
Хотя ты мнѣ и врагъ, вину твою прощаю;
Но вѣрности въ залогъ теперь повѣдай мнѣ

О грозной Крымцами внесенной къ намъ войнѣ.
Щедротой оживленъ, молчанье разрываетъ,
И слезы отеревъ, предатель отвѣчаетъ:
О Царь! мнѣ ты простишь, но Богъ, который мститъ
За вѣроломство намъ, вины мнѣ не проститъ;
Уже моей душѣ въ тоску и въ огорченье,
Является теперь мнѣ вѣчное мученье,
Свирѣпый огнь, болѣзнь, и вѣчна смерть и гладъ:
Пылаетъ кровь моя, ношу я въ сердцѣ адъ.
Вы чаете, что я рожденъ въ Махометанствѣ,
А я увидѣлъ свѣтъ и взросъ во Христіанствѣ;
Народу и тебѣ злодѣя и врага
Во свѣтъ произвели Рязанскіе луга.
Позволь мнѣ имена сокрыти жизнь мнѣ давшихъ,
О пагубѣ моей родителей рыдавшихъ;
Уже.ихъ въ свѣтѣ нѣтъ!... Тутъ пролилъ слезы онъ,
И въ грудь себя бія, пускалъ глубокій стонъ,
И тако продолжалъ: Ихъ нѣтъ, а я остался,
Дабы томился въ вѣкъ и токомъ слезъ питался;
Пробѣгъ я тако въ Крымъ, искати счастья тамъ,
Къ соблазну юности, душѣ въ позоръ и срамъ.....
О лучше бы не знать рожденья мнѣ и свѣта!
Я тамо впалъ во тму пророка Махомета!
И льстящая меня въ то время щастья тѣнь
Возвысила въ Крыму на знатную степень;
Отъ глазъ моихъ была святая вѣра скрыта,
И вдругъ увидѣли мы хитраго Сеита,
Который, предложивъ отъ Ордъ Казанскихъ дань,
Вдохнулъ намъ во сердца противу Россовъ брань.
Корыстью, гордостью и лестью ослѣпленны,
Симъ старцемъ всѣ чины явились уловленны;
И силы многія собравый Исканаръ
Нагайскихъ преклонилъ къ странѣ своей Татаръ;
Казанцы златомъ насъ и ратью подкрѣпили;
Съ свирѣпствомъ варварскимъ въ Россію мы вступили;

Предъ нами огнь летѣлъ, за нами смерть и гладъ;
Пустыни дѣлались, гдѣ цвѣлъ недавно градъ;
И будто бы съ собой законъ Махометанской
Приноситъ жадный духъ ко крови Христіанской;
Къ отечеству любовь и чувства потуша,
Остервлена была на кровь моя душа.
Я первый, можетъ быть, не зная казни близкой,
Я первый мечъ омылъ, мой мечъ въ крови Россійской;
Не тронутъ плачемъ былъ ни отроковъ, ни женъ.
Тогда, отъ воинства съ дружиной отряженъ,
Пошелъ опустошать окружные предѣлы,
И въ пепелъ обращалъ встрѣчаемыя селы.
Рѣками кровь точилъ! И въ нѣкій грозный день,
Когда простерла нощь на землю перву тѣнь,
Со пламенемъ мы домъ и съ воплемъ окружили;
Бѣгутъ отъ нашихъ стрѣлъ, которы въ ономъ жили.
И старецъ мнѣ сквозь мракъ явился въ сѣдинахъ,
Котораго гнала свирѣпа смерть и страхъ;
Сей старецъ отъ мечей и коней укрывался;
Онъ, руки вознося, слезами обливался.
О варваръ! стономъ я не тронулся его:
Я бросилъ копіе свирѣпствуя въ него,
И грудь его пронзилъ. Омытый старецъ кровью,
Со Христіанскою вѣщалъ тогда любовью:
Простите, Небеса, убійцѣ смерть мою!
Я долгъ естественный природѣ отдаю;
Мнѣ тако жизнь скончать назначила судьбина;
О! если сынъ мой живъ, благословляю сына!
Когда же духъ его съ послѣдней кровью текъ,
О Боже!... имя онъ мое вздохнувъ изрекъ...
Я стрѣлы острыя и мечъ мой отвергаю,
Кончающему жизнь я къ старцу прибѣгаю,
И въ немъ родителя, нещастный, познаю;
Онъ кончилъ жизнь, а я недвижимый стою!
Когда моя душа изъ тѣла вонъ летѣла,

Отторгнули меня отъ убіенна тѣла.
Лишенный чувствъ моихъ, я впалъ во смертный сонъ;
Но мнѣ спокойствія не могъ доставить онъ.
Прости мнѣ медленность въ сказаньѣ таковую;
Я нѣчто важное, о Царь мой! повѣствую.
Во снѣ родителя я видѣлъ моего,
Вонзенно копіе я зрѣлъ въ груди его;
Объемлетъ хладною отецъ меня рукою,
И мнѣ трепещушъ рекъ: не трать, не трать покою;
Прощаю я тебя; но скройся отъ Татаръ;
Погибнетъ съ воинствомъ Сеитъ и Исканаръ!
Онъ къ небу поднялся... Я въ страхѣ пробудился,
И въ саму ону нощь отъ Крымцевъ удалился,
Бѣжалъ Россіянамъ видѣнье возвѣстить.
Хощу ли быть прощенъ? и льзя-ль меня простить?
На смерть сюда пришелъ врагъ Божій безъ боязни.
　　Сафгиръ простеръ главу и ждалъ достойной казни.
Но Царь вѣщалъ ему: не мнѣ за грѣхъ твой мстить;
Прощаю то тебѣ, что я могу простить;
Но казни избѣжать въ судѣ по смерти строгомъ,
Покаясь предо мной, покайся и предъ Богомъ.
　　Сафгиръ, сей страшный левъ, сталъ кротокъ, какъ овенъ,
И скрылся отъ людей, крещеньемъ омовенъ.
　　Взирая Іоаннъ Казанцевъ на кичливость
И видя хитрость ихъ, вражду, несправедливость,
Подобно какъ парящъ за добычей орелъ,
Который близъ гнѣзда ползущихъ змій узрѣлъ,
Въ поляхъ воздушныхъ птицъ безъ брани оставляетъ,
И свой полетъ къ зміямъ отважно направляетъ.
　　Такъ взоры отвративъ отъ предлежащихъ странъ,
Бросаетъ грозный взглядъ къ полудню Іоаннъ;
И тамо внемля громъ нечаянныя брани,
Туда войну склонилъ, оставивъ путь къ Казани;
На Искaнара мечъ онъ въ мысляхъ обращалъ,
И къ мщенію привлечь Боярамъ такъ вѣщалъ:

От первой храбрости, движенія и жара,
От первыя стрѣлы, от перваго удара,
Зависят иногда сраженіе и брань;
Мы, Крымцев побѣдив, низложим и Казань;
Злодѣйски замыслы Ордынцев уничтожим;
Пойдем, и первую надежду их низложим.
Я сам, я сам иду противу сих Татар,
С которыми притек грабитель Исканар.

Внимая в небесах намѣренья такія,
Нисходит ко Царю Божественна Софія;
Одежды бѣлыя, горящи вкруг лучи,
Как звѣзды свѣтлыя, блистающи в ночи;
Прозрачны облака, что вкруг ея ходили,
В ея присутствіи Монарха утвердили,
И зрѣніе его и мысли привлекла,
И зрима только им, Софія так рекла:

О Царь! в твоих руках всея державы цѣлость;
Отваживай свою при важном дѣлѣ смѣлость,
Постыдна для тебя со Искanаром брань;
Твоих перунов ждет бунтующа Казань.

Исчезло как туман небесное явленье.
Вельможи, зрящіе Царя во изумленьѣ,
И чая разогнать сумнительств мрачну тму:
К Казани ли итти, на Крымцев ли ему,
В особый круг они стѣснившись разсуждали,
И мудрости совѣт согласно подтверждали.

Что медлить здѣсь еще? бесѣдуют они;
Имѣем лѣтніе благополучны дни;
На Крымцев коль итти, опять зима настанет,
И над Казанію наш гром в сей год не грянет.
Отраву между тѣм сберет сей злый сосуд,
И сокрушить его настанет пущій труд;
На Крымцев устремить движенія геройски,
И полководцы есть у нас и храбры войски.

Царь внял и, к Курбскому спокойно обратясь,

Вѣщалъ: о храбрый мужъ и славный въ браняхъ Князь!
Тебѣ спасеніе отечества вручаю,
Въ тебѣ любви къ нему всѣхъ больше примѣчаю:
Грабителей казнить на Крымцевъ ты иди,
Взявъ третью войска часть, ступай, и побѣди!
Такъ Курбскій былъ почтенъ за храбрость превосходну,
И ревность во сердцахъ умножилъ благородну.
Какъ къ солнцу за орломъ птенцы летящи въ слѣдъ,
Такъ юноши за нимъ стремятся для побѣдъ.
И видится сей мужъ мнѣ, ратью окруженный,
Царемъ, Боярами и войскомъ уваженный,
Сіяющъ, какъ луна между звѣздами въ тмѣ,
Въ душѣ усердіемъ и славой во умѣ.
О Царь! вѣщаетъ онъ, меня найдетъ побѣда
Во браняхъ твоего держащагося слѣда!
Коль царству предлежитъ опасность и бѣда,
Не страшенъ пламень мнѣ, ни вихри, ни вода.
Россіяне къ трудамъ и къ славѣ сотворенны,
(Отечествомъ своимъ лишь были-бъ ободренны).
Надежду слово то во всѣхъ произвело;
Весельемъ Царское вѣнчалося чело.
И вскорѣ онъ Царя и ратниковъ оставилъ,
Онъ съ третью воинства на Тулу путь направилъ.
Ханъ Крымскій между тѣмъ Рязань уже претекъ;
Какъ змій великій хвостъ, различны войски влекъ;
Куда ни падали изъ рукъ его удары,
Вездѣ лилася кровь, раждалися пожары.
На бурныхъ крыліяхъ когда Борей паритъ,
Что встрѣтится ему, все ломитъ и валитъ.
Высоки зданія, дремучій лѣсъ объемлетъ,
Шумитъ, и въ ярости онъ треску ихъ не внемлетъ.
На разрушеніе Россіи устремленъ,
Свирѣпый Исканаръ разитъ, беретъ во плѣнъ.
Россійской кровію Сеитъ вездѣ алкаетъ,
Младенцевъ убивать Ордынцевъ подстрекаетъ;

Велитъ потоки слезъ и вопль пренебрегать,
Россіянъ не щадить, ихъ грады пожигать.
Сей старецъ, въ бѣшенствѣ и во свирѣпствѣ яромъ,
Защитникомъ своимъ ругался Исканаромъ;
Подъ видомъ, будто бы закону онъ радѣлъ,
И мыслями его и войскомъ овладѣлъ;
И злобѣ ни на часъ не зная утоленья,
Кровавыя давалъ Ордынцамъ наставленья.
Такъ гордость завсегда является страшна,
Подъ видомъ святости гдѣ кроется она;
Какъ руки, крестъ нося, она окровавила,
Сіе несчастная Америка явила.
    Сеитъ сугубою прельщается алчбой:
Любовь злодѣю льститъ и кроволитный бой;
Несытый Крымскаго владѣтеля услугой,
Плѣнился Ремою Сеитъ, его супругой,
И къ цѣли гнусныя желанья довести,
Принудилъ съ воинствомъ Царя на брань итти.
Но нѣжная сія въ любви Махометанка,
Природой сущая была Иллиріянка;
Когда оружія растратятся у нихъ,
Кидали во враговъ они дѣтей своихъ,
И варварки сіи ихъ члены разрывали;
Противниковъ своимъ рожденьемъ убивали.
Отъ крови таковой и Рема родилась:
Она любви во плѣнъ, не силѣ отдалась,
И ставъ прельщенная прекраснымъ Исканаромъ,
Любила завсегда супруга съ нѣжнымъ жаромъ;
Но видя, что его изъ стѣнъ влечетъ война,
Слезами удержать пришла Царя она.
Сему противилась въ Сеитѣ страсть возженна;
Онъ рекъ, что безъ него не будетъ брань рѣшенна;
Что въ будущихъ дѣлахъ ему дающій свѣтъ
Открылъ ему сіе пророкъ ихъ Махометъ,
И будетъ имъ однимъ попранна вся Россія.

Скрывали злую мысль и страсть слова такія.
Тогда вообразивъ воительной свой полъ,
Оставя роскоши, спокойство и престолъ,
Не могши въ жизни быть одна благополучна,
Съ супругомъ Рема быть желаетъ неразлучна:
Отправилась на брань, и страхи купно съ нимъ.
Успѣхи потерялъ Сеитовъ умыслъ симъ;
Однако наущенъ коварствами своими,
И старецъ сей пошелъ для Ремы въ поле съ ними.

Тогда алкающихъ вступить съ Россіей въ бой
Срациновъ пригласилъ военный Крымъ трубой,
Которые, уснувъ во тмѣ Махометанства,
Врагами вѣчными остались Христіанства.
Но сихъ сподвижниковъ сраженье и война
Была съ суровостью грабителей равна;
Не брань ласкала имъ, ни мужество, ни слава;
Корысть ихъ цѣль была, а смерть людей забава.

Склоняетъ подъ свои знамена Исканаръ
Нагайскихъ, жаждущихъ сраженіевъ, Татаръ.
Сіи отъ береговъ Уфинскихъ удалились,
И странствуя въ степяхъ, близъ Крыма поселились;
Не знаютъ класами они покрытыхъ нивъ,
Ни сладкаго плода, ни масличныхъ оливъ.
Не изнуряя силъ надъ пашнею трудами,
Обилуютъ млекомъ и многими стадами;
Въ походахъ воинство бездѣйствуетъ сіе:
Кони ихъ пища имъ, а кровь ихъ питіе;
Гдѣ отдыхъ есть для нихъ, тамъ зрится и трапеза;
Броня ихъ сплетена изъ мягкаго желѣза;
Закрыты ею вкругъ въ сраженіи они,
Желѣзны кажутся подъ ними и кони;
Набѣги быстры ихъ въ сосѣдственны предѣлы;
Оружіе у нихъ кинжалъ, копье и стрѣлы.
Впуская варвары въ желѣзо смертный ядъ,
Лишаютъ жизни вдругъ, кого мечемъ разятъ;

И стрѣлы, въ высоту отъ ихъ луковъ пущенны,
Проходятъ сквозь тѣла изъ облакъ возвращенны.
Но долго ратники сражаться не могли,
И малый зря уронъ, отъ брани прочь текли.
Сіи воители, искавъ блаженства, нынѣ
Въ подданство принесли сердца Екатеринѣ.

Защитникамъ своимъ, отважнымъ Крымцамъ въ дань,
Оружья огненны устроила Казань,
И злобу въ ихъ сердца противъ Москвы вливала.
Сей хитростью Казань унывша уповала
Россійской храбрости пареніе пресѣчь,
И брань, кроваву брань къ другой странѣ отвлечь.

Но тщетно мыслію твоей надежда водитъ;
Подъемлетъ Богъ перунъ; Казань! твой рокъ приходитъ.

На силы опершись Ордынскія, она
Спокойства зрѣлася и радости полна;
Уже союзниковъ въ Одоевскѣ встрѣчала
И заключенну смерть въ пищаляхъ имъ вручала.

Такія воинства Ханъ Крымскій къ Россамъ влекъ,
Какъ бурный вихрь шумя, подъ Тулу онъ притекъ;
Часть войска разославъ о ихъ на промыслъ пищѣ,
Устроилъ на брегахъ Упинскихъ становище;
И дать начальникамъ и ратникамъ пиры,
Онъ златомъ тканыя разставилъ вкругъ шатры;
Пограбленною онъ корыстью веселится,
И кровью Россіянъ съ чиновными дѣлится.

Но Рема не могла спокойна быть одна;
Присутствуетъ въ пирахъ задумчива, блѣдна;
Съ супругомъ вмѣстѣ бывъ, не чувствуетъ покою,
Дары его беретъ дрожащею рукою:
Убранства къ ней или невольницъ привлекутъ,
Слезъ токи у нее, какъ градъ, изъ глазъ текутъ;
Отъ злата зрѣніе и пищи отвращала,
Слезами будущу погибель предвѣщала.

На прелести ея взирающій Сеитъ,

Москва отъ насъ близка! вздыхая, говоритъ;
Мы скоро съ пламенемъ войдемъ въ сію столицу,
Увидишь падшу ихъ къ твоимъ ногамъ Царицу;
Возложишь на себя Россійскій ты вѣнецъ:
Пришелъ державѣ сей, уже пришелъ конецъ!
Смотрящій въ ночь сію на круги я небесны,
Постигнулъ таинства, для смертныхъ неизвѣстны;
Я видѣлъ въ воздухѣ всей нашей рати строй,
И вдругъ Россіяне дерзнули съ нами въ бой;
Среди военнаго движенія и жара,
Позналъ я храбраго предъ войскомъ Исканара;
Какъ молніею онъ Россіянъ поражалъ,
Всѣ силы сокрушилъ, Московскій Царь бѣжалъ;
Конечно сбудется видѣнье мною зримо;
Но стань предъ войсками, о Царь! необходимо....
Внимали всѣ тому, что старецъ сей вѣщалъ,
Онъ Хана паче всѣхъ сей баснью восхищалъ.

Согласенъ съ старцемъ онъ, но Рема не согласна;
Отважность для нея супружняя опасна;
Ей кажется, что онъ обратно не придетъ;
Не выпущу его, рыдая вопіетъ;
Владѣтеля хранить всѣхъ воевъ должно болѣ;
Коль онъ пойдетъ, и я пойду въ кроваво поле!
Когда главѣ его коснется вражій мечъ,
То кровь моя должна съ супружней кровью течь!
У стремени его я буду неотступно;
Побѣды лавръ приму, иль смерть приму съ нимъ купно.
Всѣ средства хитрости Сеитъ употребилъ,
И Рему быти съ нимъ во станѣ убѣдилъ.

Но Курбскій въ шествіи минуты исчитаетъ
И съ войскомъ пламеннымъ лѣсъ, горы прелетаетъ;
Одолѣваетъ гладъ, одолѣваетъ сонъ.
Приближился уже къ предѣламъ Тульскимъ онъ,
И возвратилъ сему трепещущему граду
Спокойство, тишину, надежду и отраду.

Тамъ видя жители съ высокихъ Крымцевъ стѣнъ,
Мечтали грозну смерть, свою напасть и плѣнъ,
И помня страшные Ордынскіе набѣги,
Слезами горькими омыли тучны бреги;
Но, Курбскаго въ нощи почувствуя приходъ,
Въ немъ видитъ Ангела защитника народъ.

Дрожащая луна на небеса восходитъ,
Блистательныхъ Плеядъ и Скорпію выводитъ;
Желая воинству отдохновенье дать,
Подъ Тулой Курбскій сталъ разсвѣта ожидать.
Онъ зналъ, что Исканаръ съ грабительной толпою
Свой станъ расположилъ и войски надъ Упою.
Сей рыцарь воинство примѣромъ восхищалъ,
И ратниковъ собравъ, сіи слова вѣщалъ:
Въ подпору малый сонъ принявъ изнеможенью,
На завтра съ Крымцами готовьтеся къ сраженью.
Вы помните, что Царь велѣлъ намъ побѣдить,
И должны мы его желанью угодить;
Не златомъ Крымскимъ васъ, о други! обольщаю,
Не Исканаровъ станъ добычей обѣщаю,
Не гнусная корысть зоветъ ко брани насъ,
Спасенье общее и нашей славы гласъ.
Вниманіе свое на Тулу обратите,
Тамъ всѣ вамъ вопіютъ: спасите насъ! спасите!
Намъ должно кровью ихъ своею искупить;
Подите храбрый духъ сномъ краткимъ подкрѣпить.

Вздремали ратники; и бывшу утру рану,
Ко Исканарову ихъ Курбскій двигнулъ стану.
Тамъ роскошь гнусная, устроивъ гордый тронъ,
Простерла на своихъ любимцевъ томный сонъ:
Не брань кровавая, не остріе желѣза,
Имъ зрится сладкая въ мечтаніи трапеза.
Неосторожности являющій примѣръ
Надъ стражей крылія глубокій сонъ простеръ,
Которая въ мечтѣ Москву пренебрегала,

Врата и валъ, глаза сомкнувши, облегала.
Но Курбскій, презрящій не равный съ ними бой,
Даетъ къ сраженью знакъ звучащею трубой.
Сей звукъ подобенъ былъ удару громовому,
Который бросилъ огнь къ трепещущему дому;
Отъ Крымцевъ сонъ бѣжитъ, ихъ будитъ смертный страхъ.
Какъ бурный вихрь крутясь, подъемлетъ въ полѣ прахъ,
Такъ близкая напасть и смерть отвсюду зрима,
Подъемлетъ воинство, притекшее отъ Крыма.
Бѣгутъ къ оружію, текутъ къ своимъ конямъ,
Ступаютъ, ихъ искавъ, по собственнымъ бронямъ;
Въ отчаяньѣ, когда своихъ людей встрѣчаютъ,
Въ шатры кидаются и видѣть Россовъ чаютъ.
Облекся наконецъ бронями Исканаръ,
И выбѣжавъ зоветъ разсѣянныхъ Татаръ:
О робкіе! вскричалъ, спасетъ ли войски бѣгство?
Пойдемъ, и упредимъ отпоромъ наше бѣдство!...
Внимая рѣчь его, пускала стонъ Упа,
И ратная кругомъ стѣсняется толпа.
Сеита вспомнивъ, Ханъ напасть пренебрегаетъ,
Исторгнувъ острый мечъ, на валъ одинъ взбѣгаетъ.
Когда предъ войскомъ онъ звучащъ бронями текъ,
Супругу отъ него Сеитъ въ шатеръ отвлекъ;
Ей тамо подтвердилъ небесное видѣнье,
Съ совѣтомъ съединивъ къ покорству принужденье.
Отъ Россовъ Исканаръ Ордынцевъ защищалъ;
Рукою острый мечъ толь быстро обращалъ,
Что молніями онъ въ рукахъ его казался,
И смерть вносилъ въ сердца, кому во грудь внозался.
Отважный духъ въ его дружинѣ возгорѣлъ;
На Россовъ сыплется шумящихъ туча стрѣлъ;
На шлемы падаютъ они сгущеннымъ градомъ,
И растравляются глубоки раны ядомъ.
Россіяне на валъ разсвирѣпѣвъ летятъ,
Но копіи, какъ лѣсъ, противу ихъ звучатъ:

Надежда ратниковъ близъ Хана умножаетъ,
И туча воиновъ другую отражаетъ.
Но Курбскій, видящій, что храбрый Исканаръ
Единый подкрѣпилъ и въ брань привлекъ Татаръ,
Злодѣя общаго въ семъ Ханѣ ненавидитъ;
Но въ немъ достойнаго противуборца видитъ.
Какъ съ горнихъ мѣстъ звѣзда летящая въ ночи,—
Течетъ, склонивъ копье, сквозь копья и мечи,
Щитомъ тяжелымъ грудь широку покрываетъ;
Предъ валомъ ставъ, Царя къ сраженью вызываетъ!
Пустился Исканаръ львомъ страшнымъ на него,
И хочетъ копіемъ ударить въ грудь его;
Но Курбскій твердый щитъ противъ копья уставилъ,
И самъ подобное орудіе направилъ;
Ломаютъ ихъ они, другъ друга не язвятъ,
И древки съ трескомъ вверхъ по воздуху летятъ.
Герои на мечи надежду возлагаютъ;
Какъ будто два луча мгновенно исторгаютъ.
Сразилися они; подъ Курбскимъ конь падетъ;
Оставивъ онъ коня, противубойца ждетъ,
Который на него взоръ пламенный возводитъ;
Рѣшить ужасный бой съ коня и самъ нисходитъ.
Блеснули молніи, мечи ихъ вознеслись,
Ударились, и вкругъ удары раздались.
У предстоящихъ войскъ ударъ смыкаетъ взоры.
Онъ съ шумомъ пробѣжалъ сквозь рощи и сквозь горы.
Отважный Исканаръ разсѣкъ у князя щитъ,
И Курбскій, ставъ теперь сопернику открытъ,
Ни младости Царя, ни мужеству не внемлетъ,
Свой мечъ обѣими руками вдругъ подъемлетъ,
И будто тяжкій млатъ обруша на него,
Отсѣкъ и шлема часть, и часть главы его;
Покрылся кровью Ханъ, ланиты поблѣднѣли,
Онъ палъ; брони его, какъ цѣпи, зазвенѣли.
Когда въ глазахъ его свѣтъ солнца исчезалъ,

Въ послѣдній воздохнувъ: О Рема! онъ сказалъ.
Разсыпалась стѣна, Россіянъ удержавша.
Какъ будто бы рѣка, пути себѣ искавша,
Которая съ вершинъ коль быстро ни текла,
Плотиной твердою удержана была,
Но вдругъ ее сломивъ и чувствуя свободу,
Бросаетъ съ яростью въ поля кипящу воду:
Такъ наши ратники, сугубя гнѣвъ и жаръ,
Бездушна Хана зря, ударили въ Татаръ;
Отчаянье велитъ Ордамъ не унижаться,
Отчаянье велитъ симъ варварамъ сражаться.
Но храбрость огненна, сія душа войны,
Свѣтилася въ лучахъ съ Россійскія страны;
И робость ли сердца и зрѣнія смущала,
Иль Тула въ тѣ часы Ордынцамъ предвѣщала
Искусства, коими прославится она,
Готовя на враговъ громъ въ наши времена,
Изъ нѣдръ земныхъ гремятъ пищали исходящи,
Подъемлются шары, огонь производящи;
Мечами вѣтвія казалися древесъ,
И дышетъ пламенемъ кругомъ стоящій лѣсъ.
Ордынцы дрогнули; въ крови оставивъ Хана,
Какъ токи водные текутъ, текутъ изъ стана:
Но въ мрачныхъ вихряхъ смерть, бѣжаща имъ во слѣдъ,
Разверзивъ челюсти, взяла у нихъ передъ.
Строптивая Орда, какъ сжатый вѣтръ, завыла,
Предъ ними смерть стоитъ, ихъ ужасъ гонитъ съ тыла.
Превыше звѣздъ сѣдящъ, отверзилъ свой чертогъ,
Подобный столпъ огню, простеръ на землю Богъ;
Со многозвѣзднаго растворенняго неба,
Безсмертныхъ воиновъ послалъ, съ Борисомъ Глѣба,
Сихъ юныхъ братіевъ, которыхъ Святополкъ
Угрызъ во младости, какъ агнцевъ лютый волкъ.
Держа надъ Россами вѣнцы побѣдоносны,
Два брата молніи кидаютъ смертоносны.

Духъ мщенія въ сердцахъ Россійскихъ возгорѣлъ.
Летятъ за Крымцами скорѣй пернатыхъ стрѣлъ;
Едина казнь видна, не видно въ полѣ брани:
Тотъ скачетъ на конѣ, нося стрѣлу въ гортани;
Иной въ груди своей имѣя острый мечъ,
Отъ смерти думаетъ носящій смерть утечь;
Иной, пронзенный въ тылъ, съ коня стремглавъ валится
И съ кровью жизнь спѣшитъ его устами литься;
Глаза подъемлюща катится тамъ глава,
Произносящая невнятныя слова;
Иной безпамятенъ въ кровавомъ скачетъ полѣ,
Но конь его стремитъ на копья поневолѣ;
Отъ рыщущихъ во слѣдъ стараясь убѣжать,
Ордынцы начали Ордынцевъ поражать:
Братъ смертью братнею дорогу отверзаетъ,
Въ бѣгущаго предъ нимъ другъ въ друга мечъ вонзаетъ.
Вопль слышенъ далеко, звукъ бьющихся желѣзъ,
И сила Крымская валится, будто лѣсъ.
Погибли варвары, коль быстро ни бѣжали,
На многи поприща тѣла ихъ вкругъ лежали.

Гдѣ славою блисталъ вчера надменный Ханъ,
Князь Курбскій получилъ добычей Крымскій станъ.
Но Ханомъ бывыя на промыслъ удаленны,
Шатрами Крымскими и щастьемъ ослѣпленны,
Ордынцы валъ прешли; зовутъ своихъ: и вдругъ
Россійски воины объемлютъ ихъ вокругъ;
Имъ руки, ни сердца къ отпору не служили,
Они оружіе къ стопамъ ихъ положили.

Прощаетъ Курбскій сихъ. Тогда скрывался день,
И ночь готовила землѣ прохладну тѣнь;
На блѣдныя тѣла съ печалью онъ взираетъ,
Стонъ внемля раненыхъ, слезъ токи отираетъ:
Се слѣдствія войны! стоящимъ говоритъ;
И вдругъ сквозь тонкій мракъ жену бѣгущу зритъ,
Которая власы имѣла распущенны,

Ланиты блѣдныя и взоры возмущенны;
Остановлялася, и вдругъ поспѣшно шла,
Рыдала, мертвыя подъемлюща тѣла;
Смотрѣла имъ въ лице, и прочь отъ нихъ бѣжала;
Отрубленну главу въ рукахъ она держала,
Еще имѣющу отверстые глаза.
У сей главы въ лицѣ являлася гроза,
И кровь текла во знакъ недавнаго удара.
Бѣгуща тѣло зритъ лежаща Исканара;
По шлему, по чертамъ, по чувствамъ познаетъ;
Се ты, дражайшій Князь! ты другъ мой, вопіетъ;
И въ Россовъ вдругъ главу отрубленну пустила,
Вскричавъ: О! еслибъ вамъ я также отомстила,
Какъ мстила Ханску смерть предателю сему,
Ябъ жертву принесла пріятную ему!
Остатокъ варвара, который вамъ подобенъ,
Примите! зло творить и мертвый онъ удобенъ.
Поверженна глава, творя чрезъ воздухъ путь,
Изъ Россовъ одному ударилась во грудь;
Хоть смертной блѣдностью была она покрыта,
Познали плѣнники главу, главу Сеита.
Отъ тѣла Курбскій влечь нещастну повелѣлъ.
Летятъ къ ней воины, летятъ скорѣе стрѣлъ;
Но тщетно помощь къ сей отчаянной спѣшила:
Она, увидя ихъ, кинжаломъ грудь пронзила;
На Исканара кровь изъ сердца полилась,
Упала... и съ Царемъ, кончаясь, обнялась.

Тогда предъ Курбскаго невольникъ приведенный,
Военачальникомъ и войскомъ ободренный,
Печальной повѣстью геройскій духъ смущалъ:
То Рема жизнь свою пресѣкла, онъ вѣщалъ;
Я не былъ отлученъ отъ Ремы на минуту;
Когда познали мы свою судьбину люту,
Что Исканара нѣтъ, Сеитъ въ шатеръ притекъ,
И Рему на коня безпамятну повлекъ:

*

Бѣжалъ я вслѣдъ за нимъ. Держа ее руками,
Между Ордынскими скакалъ Сеитъ полками;
Но Рема наконецъ, сама въ себя пришедъ,
Тоской оживлена и тысящею бѣдъ,
Обманы старцевы и хитрость вобразила,
Сѣдяща вмѣстѣ съ нимъ, кинжалъ въ него вонзила.
Я Рему зрѣлъ тогда подобну страшну льву,
Отсѣкшую мечемъ Сеитову главу.
Ни плачъ мой, ни боязнь ее не удержала,
Обратно со главой сюда она бѣжала.
Царицу удержать сюда склонилъ я путь,
Сюда, дабы на смерть толь горестну взглянуть!
Но Курбскій, утоливъ на Исканара злобу,
Велѣлъ единому предать два тѣла гробу,
Слезами ихъ любовь нещастну оросилъ,
И горесть нѣкую подъ лаврами вкусилъ.
Симъ кончилась война, возженная отъ Крыма,
Которая была опасной прежде зрима;
И Князь, усердіемъ къ отечеству разженъ,
Вѣнчанный лаврами и славой окруженъ,
Какъ быстрая стрѣла, Россіянъ достигаетъ;
Онъ лавры ко стопамъ Царевымъ полагаетъ,
Вѣщая: Іоаннъ! прими вѣнцы сіи;
Не мнѣ принадлежатъ, но суть они твои;
Твоими пріобрѣлъ побѣду я полками,
И Крымцевъ истребилъ ихъ щастьемъ, ихъ руками!
Велика слава то, но слава не моя;
Ихъ въ брани мужества свидѣтель только я.
Яви щедроты имъ въ угрозу побѣжденнымъ,
И я почту себя за трудъ мой награжденнымъ.
Объемлетъ Курбскаго какъ друга Іоаннъ;
Воспѣлъ хвалы ему, воспѣлъ Россійскій станъ;
На храбрыхъ ратниковъ Монаршею рукою
Щедроты излились обильною рѣкою.
Усердіе въ сердцахъ Россійскихъ возрасло;

И бодрыхъ воиновъ умножилось число,
Простерся по сердцамъ сердитый пламень брани,
И тако двинулись Россіяне къ Казани.
Молва на крыліяхъ предъ ней въ Казань паритъ;
Несутъ оковы къ вамъ! Ордынцамъ говоритъ;
Россійскихъ войскъ число числомъ языковъ множитъ;
За Волгой сѣетъ страхъ, Казань томитъ, тревожитъ;
Едина во своей Сумбека слѣпотѣ,
Короной жертвуетъ любовной суетѣ;
Но то, чѣмъ духъ ея питается и льстится,
То скоро въ пагубу Сумбекѣ обратится.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Какимъ превратностямъ подверженъ здѣшній свѣтъ!
Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ;
Великіе моря, лѣса и грады скрылись,
И царства многія въ пустыни претворились;
Гремѣлъ побѣдами, владѣлъ вселенной Римъ,
Но слава Римская исчезла, яко дымъ;
И небо никому блаженства не вручало,
Котораго бъ лучей ничто не помрачало.
Не можетъ щастія не меркнуть красота;
И въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя мѣста!
Кругомъ сѣдящіе на алтарѣ Фортуны
Красуются цвѣты и страшные перуны.
Ко славѣ Іоаннъ цвѣтами прежде шелъ,
Но терномъ встрѣченъ былъ, и зло преодолѣлъ;
Попралъ влекущее его во адъ коварство,
И спасъ терпѣніемъ отъ бѣдства государство.
Вѣнчалась класами Церерина глава,
И солнце въ небесахъ горѣло въ знакѣ Льва;
Сей знакъ, щастливый знакъ, предзнаменуетъ войску
И храбрость пламенну, вѣнецъ и вѣтвь геройску.
Уже кипящая подъ веслами вода

Носила по Окѣ Россійскія суда;
Надеждѣ, ревности и щастію врученны,
Плывутъ снарядами и пищей отягченны;
Пріемлютъ Волжскія шумящія струи
На влажные свои хребты суда сіи;
И гласы трубные далеко раздаются;
Въ рѣкахъ брони звучатъ, въ Коломнѣ слезы льются.
Другую войска часть со стѣнъ сей городъ зритъ,
Которая на брань, какъ стадо птицъ, паритъ.
Стонаетъ тучный брегъ подъ ратными полками,
И пыль густыми ихъ объемлетъ облаками;
Скрываются они за крутизною горъ.
Слухъ внемлетъ пѣсни ихъ, но войскъ не видитъ взоръ,
И будто на своихъ дѣтей еще взираютъ,
Отъ стѣнъ родители къ нимъ руки простираютъ,
И теплыя мольбы возносятъ къ небесамъ:
Да слава двигнется во слѣдъ по ихъ стопамъ!
Какъ туча, молніи въ груди своей несуща,
Перунамъ пламеннымъ свободы не дающа,
Высокимъ зданіямъ и хижинамъ грозитъ,
Но въ нѣдрахъ кроя смерть, идетъ и не разитъ:
Толикій гнѣвъ несетъ и молніи такія
Къ Казани съ пламенемъ парящая Россія;
Отважность кроясь среди ея полковъ,
Ведетъ къ сраженью ихъ внизъ Волжскихъ береговъ.
Царь будто двѣ руки простеръ на брань съ Ордою,
Одну хребтами горъ, другую надъ водою;
Сквозь мрачные лѣса, чрезъ горы полетѣлъ;
Въ судахъ рѣками плыть Морозову велѣлъ.
Довольство по струямъ неробкою рукою
Влекло сіи суда средь мирнаго покою;
Единой храбростью сердца обременивъ,
Тамъ шествуютъ полки среди обильныхъ нивъ;
Отъ зноя кроются прохладными лѣсами,
И горы громкими зыбились голосами;

Тамъ звѣри дикіе къ идущимъ пристаютъ
И кажется, себя имъ въ пищу отдаютъ;
Пріятныя поля, вертепы, рощей тѣни,
Стада поющихъ птицъ, и серны, и елени,
Совокупилось все Россіянъ услаждать.
Всѣ вещи двигнулись Казанцевъ побѣждать.
Тамъ паству тучную луга готовятъ злачны;
Тамъ жажду утомлять біютъ ключи прозрачны;
Приносятъ Нимфы имъ Помонины дары;
То зрится не походъ, но вѣчные пиры.

Израилю въ пути столпъ огненный предходитъ;
Россіянъ пламенна къ побѣдамъ храбрость водитъ.
Какъ будто изъ бреговъ поднявъ хребетъ, рѣка
И паствамъ и лугамъ грозитъ издалека,
Долины и поля объемлюща въ началѣ,
Суровѣе течетъ, чѣмъ валъ кидаетъ далѣ;
Наполнивъ шумомъ водъ пещеры и лѣса,
И зданія влечетъ, и горды древеса:
Такъ воинство на брань Россійское дерзало.
Но щастіе свою невѣрность оказало;
Уже отчаянье тревожило Татаръ,
Мечтался имъ Сеитъ, мечтался Исканаръ.

Уже Россійскихъ войскъ великая громада
Касалась древняго Владимирскаго града.
Тамъ видно озеро извѣстныхъ мутныхъ водъ,
Которыя зоветъ бездонными народъ,
И градъ обрушенный мечтаетъ быть во онòмъ,
Вѣщающій свою погибель частымъ звономъ.
Минуя воинство плачевные брега,
Преходитъ градскіе зеленые луга;
Извѣстной въ древности нещастьями столицы
Открылися вдали Владимирски бойницы.
Тамъ видимы еще среди крутыхъ бреговъ
Остатки мшистые пловучихъ острововъ;
Всечасной казнію они изображаютъ,

Коль строго Небеса убійцевъ поражаютъ;
И предка Іоаннъ напомнивъ своего,
Сіе прочелъ въ слезахъ въ надгробіи его:
Боголюбиваго расторгли, яко звѣри,
Свирѣпы братія Кучковой злобной дщери;
Георгій симъ врагамъ за брата отомстилъ,
Во гробы заключивъ, живыхъ на дно пустилъ.
Земля не емлетъ ихъ, вода въ себя не проситъ,
Подъ видомъ острововъ до днесь убійцевъ носитъ;
Покрыты терніемъ поверхъ воды живутъ,
И кажется, еще въ своей крови плывутъ.
Царь въ сердцѣ впечатлѣвъ Ордынски разоренья,
Направилъ быстрый ходъ враговъ для усмиренья.
Уже онъ Муромски предѣлы прелеталъ,
И Нижній-градъ идущъ къ Велетмѣ миновалъ;
Оставивъ Суздальскихъ владѣтелей столицу,
Вступилъ Россійскія державы на границу.
Тамъ видитъ ярости Казанскія слѣды,
Разлившіяся вкругъ, какъ быстрый токъ воды;
Взведетъ ли Іоаннъ слезами полны взоры
На долы томные, на возвышенны горы,
На храмы Божіи, на селы, на пески,
Все ризой черныя одѣяно тоски;
Въ крови, казалося, сожженны домы тонутъ,
Дымятся вкругъ поля, лѣса и рѣки стонутъ.
Пролей со мной, пролей, о Муза! токи слезъ,
Внимая плачъ вдовицъ и тяжкихъ звукъ желѣзъ.
Печальны матери воителей встрѣчаютъ,
У коихъ скорби взоръ и лица помрачаютъ;
Терзая грудь свою, едина вопіетъ:
Мой сынъ, любезный сынъ! тебя во свѣтѣ нѣтъ!
Я видѣла его кинжаломъ пораженна,
Моя надежда съ нимъ и пища погребенна;
Отмстите за него!... Упала ницъ она,
И вышла изъ нея душа, тоски полна.

Безчеловѣчную Ордынску помня ярость,
Подъемлется съ одра трепещущая старость;
На домъ свой указавъ дрожащею рукой:
Отсюду похищенъ, вѣщаетъ, мой покой!
Недавно набѣжавъ, грабители суровы
Взложили на моихъ дѣтей при мнѣ оковы.
Къ отмщенью видящій удобные часы,
Подъ шлемомъ бѣлые скрываетъ онъ власы;
И старцы многіе, мечей внимая звуки,
Берутъ оружіе въ трепещущія руки,
Едва біющуся щитомъ покрыли грудь;
Казалось, лебеди летятъ съ орлами въ путь.
Полуумершу плоть надежда оживила,
И будто вѣтвія отъ корени явила:
Такъ бодрость на челахъ у старцовъ процвѣла,
Котора скрытою, какъ въ пеплѣ огнь, была.
Безсильны отроки, примѣромъ ободренны,
Во храбрыхъ ратниковъ явились претворенны.
Въ долинѣ древній дубъ, простерши тѣнь, стоялъ,
Тамъ корень у него токъ водный напоялъ;
Единъ изъ жителей Царя къ нему приводитъ,
Онъ гордое на немъ писаніе находитъ:
Народамъ симъ велитъ свирѣпая Казань
Въ залогъ дѣтей привесть, свое имѣнье въ дань;
И если въ лунный кругъ та жертва не приспѣетъ,
То вся сія страна навѣки запустѣетъ;
Россійской кровію омоются поля,
И будетъ пламенемъ пожерта ихъ земля.
Что дѣлать намъ теперь? нещастный вопрошаетъ
Царя, которому промолвить гнѣвъ мѣшаетъ,
Но скрывъ досаду, рекъ: Дадимъ Казанцамъ дань;
Не злато, не сыновъ, дадимъ кроваву брань;
Пускай отъ здѣшнихъ странъ сіи сыны любезны
Не узы понесутъ, но огнь, мечи желѣзны!
Воздвигли жители какъ море общій гласъ:

Веди, о Государь! скорѣй къ Казани насъ!
Тогда предсталъ Царю, кипящему войною,
Почтенный нѣкій мужъ, украшенъ сѣдиною,
И тако рекъ ему: Гряди противъ Татаръ!
Однако укроти на время ратный жаръ:
Ихъ пламень, Государь, въ ихъ сердцѣ не простынетъ,
А слава и тебя, конечно, не покинетъ,
Свое стремленіе, свой подвигъ удержи,
На лунный оборотъ походъ свой отложи;
Не мерзностный подлогъ въ мои слова вмѣщаю:
Для блага общаго я истину вѣщаю.
Когда ты поспѣшишь желанною войной,
Войною на тебя возстанетъ жаръ и зной;
И долженъ братися не съ робкою Ордою,
Но съ воздухомъ, съ огнемъ, съ землею и водою.
О Царь! движенія военны потуши;
Бѣдою общею для славы не спѣши.
Глаголы старика, сѣдиной умащенна,
Какъ будто слышались изъ храма освященна
И напояли всѣхъ, какъ сладкая роса.
Но Царь сказалъ, глаза возведъ на небеса:
О Боже! Ты то зришь, что я пе ради славы,
Но для спасенія сражаюся державы;
А еели истребить желаетъ Небо насъ,
Россія вкупѣ вся, да гибнемъ въ сей мы часъ!
Но ты, премудростью исполненный небесной,
О старче! о дѣлахъ предыдущихъ извѣстной,
Взведи глаза кругомъ и слухъ твой приклони,
Услышишь вопли здѣсь, увидишь вкругъ огни;
Младенцы видимы, о камень пораженны,
Текуща кровь въ поляхъ и домы въ прахъ сожженны,
Повелѣваютъ намъ отмщеньемъ поспѣшать;
Зря слезы, можно ли отмщеньемъ не дышать?
Когда Царева рѣчь сей страхъ изображала,
Вдругъ дѣва, блѣдный видъ имѣюща, вбѣжала;

Скрывающи ея увядшія красы,
Прилипли ко лицу заплаканну власы;
Потокомъ слезъ она стенящу грудь кропила,
И руки вознося, къ Монарху возопила:
Неси, о Государь! къ Казани огнь и мечъ,
Вели ты воды вкругъ, вели ихъ землю жечь;
Да воздухъ пламенемъ Ордынцамъ обратится;
Но что? ужъ мой супругъ ко мнѣ не возвратится!
Я смертью многихъ Ордъ не возвращу его,
И жертва лучшая конецъ мой для него;
Вонзите, кто ни есть, мнѣ мечъ во грудь стенящу!
Пустите душу вонъ, къ любезному хотящу!
Скончайте съ жизнію и муку вдругъ мою!
Стыда я моего предъ вами не таю:
Любовной страстію къ нещастному возженна,
Уже была я съ нимъ закономъ сопряженна;
Уже насъ брачные украсили вѣнцы:
Какъ въ самый оный часъ, всеобщихъ бѣдъ творцы,
Казанцы лютые, въ Господній храмъ вломились,
И бранныя свѣщи въ надгробны претворились;
Оковы нѣжныя, связующія насъ,
Кровавые мечи расторгли въ оный часъ;
Влекомый мой супругъ отъ глазъ безчеловѣчно
На мѣсто: я люблю! сказалъ, прости мнѣ, вѣчно!
Рвалася я изъ рукъ, произносила стонъ,
Но далѣ что вѣщать?... поруганъ и законъ!
Скитаюся въ лѣсахъ, я странствую въ пустынѣ,
То завтра льщусь найти, чего не вижу нынѣ;
По камнямъ бѣгаю при солнцѣ, при лунѣ,
Нигдѣ не встрѣтится супругъ любезный мнѣ.
О небо! о земля! хоть тѣнь его явите;
Но что вы медлите? грудь вскройте, сердце рвите.
При семъ во всѣ страны кидаяся, она
Повергласъ на копье, разсудка лишена,
И воина въ рукахъ копье сіе держаща

Омыла кровію, лицемъ къ лицу лежаща.
Въ сіи печальные и страшные часы,
Подъемлются у всѣхъ отъ ужаса власы;
Царь, въ сердцѣ горести носящій остро жало,
Ко старцу обратясь, вѣщалъ: Еще ли мало!
Еще ли мало намъ причинъ спѣшить на брань?
И тартару сія была страшна бы дань;
Простительно ли намъ, судьбину видя люту,
Отсрочивать войну хотя одну минуту?
Орды свирѣпыя мгновенно притекутъ;
Народъ и съ нимъ тебя въ неволю повлекутъ;
Иное быть Царемъ, иное жить въ пустынѣ;
Не дѣлай намъ препятствъ и не кажись отнынѣ.
Но старецъ, Царскою грозой не укрощенъ,
Отвѣтствовалъ Царю, бывъ свыше просвѣщенъ:
Живуща храбрость въ васъ хоть день, хоть годъ продлится,
Отъ пламенныхъ сердецъ, о Царь! не удалится;
Но ежели врагамъ отмщая и грозя,
Тебѣ противъ судьбы не воевать нельзя.
Гряди въ опасный путь! желанье ты исполнишь,
Однако нѣкогда о старцѣ ты напомнишь;
Обременяй себя и воинство трудомъ:
Ты все бы побѣдилъ, но съ меньшимъ бы вредомъ,
Успѣлъ бы самъ себя во брани ты прославить;
Но бѣдствъ хочу твоихъ едину часть убавить.
Нещастну меньше быть припужу я тебя:
Возьми сей щитъ, носи на рамѣ у себя
И знай, когда его поверхность потемнѣетъ,
Что тяжкій грѣхъ въ тебѣ по сердцу плевы сѣетъ,
И что премудрости сіянье потуша,
Унизилась твоя великая душа.
Сей щитъ изображалъ смѣшенныя стихіи,
Которы надъ главой носились у Россіи;
Но страшну оныхъ брань Владиміръ укротилъ,
Когда страны свои крещеньемъ просвѣтилъ;

Очистивъ мракъ души черезъ священну воду,
Какъ солнце, свѣтъ излилъ подвластному народу;
Благочестивою онъ вѣрой окруженъ,
Ни плачу не вималъ, ни воплю милыхъ женъ;
Молитвы жречески и лесть пренебрегаетъ;
Во Днѣпръ гремящаго перуна низвергаетъ;
Кумира страшнаго пріявшая волна,
Нахмурясь у бреговъ, являлася черна;
На брегѣ, благодать гдѣ тартаръ побѣдила,
Видна съ Денницей брань небесна Михаила;
Ни Позвидъ, вихрей царь, ни грозный Чернобогъ,
Владиміра смягчить ни укротить не могъ;
Ни сынъ роскошныя и сладострастной Лады,
Сооружающій житейскія прохлады,
Котораго во тмѣ Владиміръ обожалъ,
Полель отъ молніевъ его не избѣжалъ;
Усладъ, питающій обманчивыя страсти,—
Всѣ боги зрѣлися разрушенны на части.
Тамъ спяща зрѣлась смерть, братъ смерти, грѣхъ, уснулъ;
Отверзтыя уста стенящій адъ сомкнулъ.
Когда всей мыслью Царь въ картины углубился,
Въ то время старецъ, щитъ вручивый, удалился.
Скорбя, что имени его не вопросилъ,
О старче! въ духѣ Царь геройскомъ возгласилъ:
Колико ты ни правъ въ пророчествѣ гремящемъ,
Коснѣти не могу мнѣ въ дѣлѣ предлежащемъ;
Одно исполню то, что щитъ беру съ собой;
Велите знакъ подать къ движенію трубой!

Вельможи сходну мысль съ начальникомъ имѣли,
И ратные полки какъ буря восшумѣли,
Покрылъ сгущенный прахъ сіяніе небесъ!
Царь шествовалъ къ лугамъ, гдѣ есть Саканскій лѣсъ;
Въ предѣлахъ, скипетру Россійскому подвластныхъ,
Вездѣ встрѣчается и стонъ, и плачъ нещастныхъ;
Стрѣлами ужаса гонимы изъ домовъ,

Сокрылись жители во глубину лѣсовъ;
Надежнѣе для нихъ среди звѣрей жилище:
О чадахъ не радятъ, о паствѣ, ни о пищѣ;
Волы, забывъ яремъ, безъ пастыря ревутъ,
И странствуя въ лугахъ, траву поблеклу рвутъ;
Стада призрѣнія и прежнихъ нѣгъ лишенны;
Тамъ селы видимы, въ пустыни превращенны;
Повсюду бѣдности и смертной грусти видъ,
Слѣды мучительства, насилія, обидъ.
Примѣтивъ Царскій взоръ, печалью омраченный,
Адашевъ, другъ его, взаимно огорченный,
Не покидающій сей мужъ нигдѣ Царя,
Вѣщалъ ему, насквозь Монарше сердце зря:
Почтенна скорбь твоя! о дѣтяхъ ты жалѣешь;
Но щастливъ ты, что имъ отцемъ ты быть успѣешь;
Смотри, о Государь! на подданныхъ твоихъ:
Ты, можетъ быть, считалъ въ довольствѣ полномъ ихъ;
Льстецы, которые престолъ твой окружали,
Ихъ въ райскомъ житіи тебѣ изображали.
Когда бы ты, чужимъ повѣривъ словесамъ,
На скорби не взглянулъ, на ихъ печали самъ,
Ты, ставъ бы уловленъ сѣтьми совѣтовъ вредныхъ,
Льстецовъ бы наградилъ, а сихъ бы презрѣлъ бѣдныхъ;
А еслибъ вопли ихъ къ престолу и дошли,
Самихъ бы ихъ виной толикихъ бѣдъ почли,
Сокрыли-бъ слезы ихъ, гоненія, обиды,
Несправедливые и вымышленны виды.
Бываетъ часто Царь лукавствомъ уловленъ;
Съ народомъ онъ стѣной великой раздѣленъ,
И если взоръ когда на подданныхъ возводитъ,
Онъ радость на челахъ написанну находитъ;
Но тщательнаго имъ въ себѣ явить отца,
Ты долженъ разбирать не лица, но сердца,
Вниманья каждый вздохъ на тронѣ удостоить;
Тогда познаешь, какъ народно благо строить;

Нещастны жители примѣры подаютъ:
Ты видишь, тщетно-ль здѣсь на небо вопіютъ?
Когда бы, Государь, вельможамъ ты повѣрилъ,
И самъ бы скорби ихъ пучины не измѣрилъ,
Чрезъ годъ бы здѣшній край на вѣки запустѣлъ,
И поздно-бъ ихъ спасать, хотя бы ты хотѣлъ;
Стонали-бъ камни здѣсь, земля бы трепетала,
А лесть бы и тогда хвалы тебѣ сплетала!
Когда бы въ праздности ты былъ сихъ бѣдъ творцемъ,
Тебя бы нарекли ласкатели отцемъ.
Теперь преубѣжденъ печали ихъ виною,
Блаженство хочешь имъ доставити войною,
Гряди и доставляй! То правда, что война
Для мудраго Царя быть цѣлью не должна;
Но если общее спокойство кто отъемлетъ,
Тогда отечество и мощь его не дремлетъ;
Стремится молніи и громы отвращать:
Спасенья общаго не можно запрещать.
Ты правъ во подвигахъ, но ты имѣешь средство
Безъ брани отвратить отъ странъ полночныхъ бѣдство;
Яви Божественной величество души,
Отправь посла въ Казань, къ твоимъ врагамъ пиши;
Когда свирѣпость ихъ и наглость усмирится,
Мятежъ отринется, гордыня покорится;
Когда грабежъ назадъ и плѣнныхъ отдадутъ,
Великодушіемъ ты больше славенъ будешь,
И старцевыхъ угрозъ межъ тѣмъ, о Царь! избудешь.
Не страшны мнѣ онѣ, вѣщаетъ Іоаннъ,
Мнѣ мечъ людей моихъ для защищенья данъ!
Ко сохраненію гонимыхъ и стенящихъ,
Противъ перуновъ грудь поставлю я гремящихъ;
Я былъ бы слабый Царь, когда бы, внемля стонъ,
Народъ мой позабывъ, одинъ любилъ бы тронъ!
Однако твоему совѣту внемля благу,
Пошлю въ Казань пословъ, лишь придемъ на Свіягу;

Но, другъ мой, можно ли когда повѣрить намъ
Злодѣйствомъ дышущимъ и бунтами странамъ?
Колико кратъ они покорствомъ миръ купили,
И клятву данную Россіи преступили?
Затмилъ сердца у нихъ пророкъ ихъ Махометъ,
И правда есть ли тамъ, гдѣ чистой вѣры нѣтъ?
Мнѣ слезы, стонъ, бѣды и горести народны
Ужаснѣе внимать, чѣмъ громъ и бури водны;
А если и животъ во брани положу,
Я кончилъ жизнь, какъ Царь, кончаяся, скажу.

Влекомымъ въ люту брань движеніемъ сердечнымъ
Героямъ зрѣлся путь къ Казани безконечнымъ.
Ахъ! для чего, рекутъ, кидая смутный взоръ
На круги времени, на цѣпь сліянныхъ горъ,
Ахъ! солнце для чего толь медленно катится,
И вдругъ протяжность горъ въ пути не сократится?
Почто не сдвинется великій Волжскій брегъ,
И не сугубится нашъ въ полѣ быстрый бѣгъ?
Въ сію минуту бы съ кичливою Казанью
Мы рады завершить судьбину нашу бранью.

Грядетъ предъ войскомъ Царь, какъ страшный брани богъ,
И слава передъ нимъ въ гремящій трубитъ рогъ;
Орда предчувствуетъ въ груди кровавы раны!
Приходитъ Царь къ брегамъ излучистыя Пьяны,
Гдѣ роскошь въ древности съ Россіянъ лавръ сняла
И побѣжденному народу отдала;
Природа вѣчный знакъ на сихъ брегахъ явила,
Сей быстрыя рѣки теченье искривила,
И тамо кажется струямъ велитъ взывать:
Коль мало надлежитъ на счастье уповать!
Тамъ въ прежни времена, какъ солнце закатилось,
Побѣды торжество во гробъ преобратилось.

Уже преходитъ Царь струи Медянскихъ водъ,
Нагорный рабствуетъ Россіянамъ народъ;
Какъ бутдо нѣкими волшебными руками,

Мосты устроились предъ нашими полками;
Усердія огонь въ народахъ возгорѣлъ,
Когда Россійскій къ нимъ приближился Орелъ.
И Царь вѣщалъ: не зримъ сей казни мы небесной,
Которою грозилъ намъ старецъ безъизвѣстной;
О други! если бы претилъ войну намъ Богъ,
Я съ вами бы достичь до сихъ бреговъ не могъ;
Пріятно и страдать за толь вину законну;
Сомнительно-ль Казань разрушить непреклонну?
Тамъ Божіи враги, грабители живутъ;
Насъ вѣра противъ ней и правда въ брань зовутъ;
Колико святы суть движенья таковыя!
Не грабить, за себя отмщать идетъ Россія.
А ежели, друзья! нашъ жребій и таковъ,
Что мы, искавъ побѣдъ, падемъ во смертный ровъ:
Окончимъ жизнь, но смерть безстрашіемъ уловимъ;
Цвѣты своимъ гробамъ заране приготовимъ,
Которыми почтить потомки должны насъ;
Кто страшенъ, Россы, вамъ, когда самъ Богъ по васъ!
Слова сіи какъ медъ воители вкушали,
Они сердца у нихъ и мысли возвышали;
Носился нѣкій свѣтъ надъ шлемами у нихъ,
И храбрость множилась отъ предвѣщаній сихъ.
Единъ Адашевъ былъ невеселъ, смутенъ, мраченъ;
Ему казался путь успѣхомъ не означенъ;
И старцовы слова, и видъ, и взглядъ его,
По сердцу сѣяли сомнѣнье у него;
Онъ втайнѣ воинство за пылкость порицаетъ!
Духъ чистый завсегда далеко проницаетъ!
Молчалъ, стыдящійся движеньямъ Царскимъ льстить.
Плачь, Муза!... Время войскъ погибель возвѣстить,
Такой уставъ Небесъ, иль то судьбины тайность
Что къ пагубѣ близка земнаго щастья крайность.
Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ,
Тамъ всѣхъ источникъ золъ—Безбожіе живетъ;

Оно геэнскими окружено струями,
Піетъ кипящій ядъ, питается зміями;
Простерли по его нахмуренну челу
Развратны помыслы печали, горесть, мглу;
Отъ вѣчной зависти лице его желтѣетъ;
Съ отравою сосудъ въ рукѣ оно имѣетъ;
Устами алчными коснется кто сему,
Противно въ мірѣ все покажется тому;
Безбожіе войны въ семъ мірѣ производитъ;
Рукой писателей неблагодушныхъ водитъ,
И ядомъ напоивъ ихъ каменны сердца,
Велитъ имъ отрыгать хулы противъ Творца;
Имѣя пламенникъ, съ привѣтствіемъ строптивымъ,
За щастьемъ въ слѣдъ летитъ, предъидетъ нечестивымъ;
Со знаменемъ предъ нимъ кровавый ходитъ бой:
Его исчадія—гоненье, страхъ, разбой;
Свирѣпство мечъ остритъ кругомъ его престола,
Ни рода не щадитъ, ни разума, ни пола;
Колеблетъ день и нощь, ограду общихъ благъ;
Оно безчинства другъ, народной пользы врагъ;
Среди нечестія, зміями вкругъ увито;
Хоть сѣетъ зло вездѣ, злодѣйствами не сыто!
Увидя, что среди блестящихъ въ небѣ звѣздъ
Сіяніе простеръ побѣдоносный Крестъ,
И что Россіяне во слѣдъ за громкой славой
Несутъ въ сердцахъ войну и мечъ въ рукахъ кровавой;
Зря въ трепетѣ ему подверженну страну,
И тмы владычицу, блѣднѣющу луну,
Безбожіе, смутясь, въ отчаяньѣ трепещетъ,
Молніеносные на небо взоры мещетъ:
Увы! преходитъ власть моя, гласитъ оно,
Низверженна съ небесъ вселенныя на дно;
Послѣднее мое убѣжище теряю,
Завидно Небесамъ, что вредъ я сотворяю;
Но Богомъ будучи добра отчуждено,

Я имъ, конечно, имъ, на вредъ и рождено,
И бытіе мое во связи міра нужно;
Со благочестіемъ нельзя мнѣ жити дружно;
Кто смѣетъ мой престолъ, кто смѣетъ разрушать?
Иль хощетъ Богъ меня послѣднихъ жертвъ лишать?
О тартаръ! на тебя оковы возлагаютъ!
Изъ тмы къ нему его клевреты прибѣгаютъ.
Огнями дышуща предстала черна Месть;
Имѣя видъ зміи, ползетъ презрѣнна Лесть;
Гордыня предъ него со скипетромъ приходитъ,
Съ презрѣньемъ мрачный взоръ на небеса возводитъ,
Лукавство, яростный потупя въ землю видъ,
Передъ Безбожіемъ задумавшись стоитъ;
Вражда, исполненна всегда кипящимъ ядомъ,
Во трепетъ тартаръ весь приводитъ смутнымъ взглядомъ;
Изъ глазъ Отчаянья слезъ токи полились;
Злодѣйствы многія къ Безбожію сошлись.
Тогда оно, главу потупленну имѣя,
Но горести своей вины сказать не смѣя,
О чада! воздохнувъ, о други! говоритъ:
Или изъ васъ никто погибели не зритъ;
Познайте съ воинствомъ грядуща Іоанна;
Россія хощетъ быть, и вѣра ихъ вѣнчанна.
Взглянули.... и, вдали увидя Крестъ въ лучахъ,
Восчувствовали гнѣвъ, отчаянье и страхъ!
Уста ихъ пагубы всеобщей не сказали,
Но бѣдство близкое ихъ лица доказали;
Погибель зря свою и робость видя въ нихъ,
Скрываетъ ужасы въ душѣ владыка ихъ,
И тако вопіетъ, кидая мрачны взгляды:
Колико слабы вы, мои несчастны чады!
Или забыли вы, что царство нашей тмы
Простерли по всему земному шару мы?
Любимцамъ Божіимъ законы подавали;
Забыли, что съ самимъ мы Богомъ воевали

И въ трепетъ иногда ввергали небеса?
Вся та же мочь у насъ, хотя не та краса....
Хоть ликъ Безбожія спокойствомъ покрывался,
Но стонъ въ груди его, какъ въ сводахъ отзывался.
Рекло: безстрашія я вамъ явлю примѣръ.
Духъ Адскій два крыла, какъ парусы, простеръ,
До облакъ взнесся онъ.—Безбожіе взглянуло,
И видя Россіянъ во славѣ, воздохнуло;
Въ душѣ смятеніе, въ очахъ имѣя жаръ,
Какъ нѣкій огненный катилось къ Волгѣ шаръ.
Злодѣйства многія, какъ искры и мятели,
Изъ бездны адскія во слѣдъ ему летѣли,
Горящими они струями разлились,
Во слѣдъ Безбожія какъ облаки вились.
Подземнымъ воинствомъ и мракомъ окруженно,
Досадой, мщеніемъ и гнѣвомъ разозженно,
Направило оно, какъ буря, шумный ходъ
Въ страну, гдѣ ослѣпленъ невѣжествомъ народъ.
О Муза, вѣдуща и доброе и злое!
Изобрази ты мнѣ кумировъ царство тое.
Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой [1]),
Ни пашни тучныя, ни жатвы нѣтъ златой;
Питается звѣрьми народъ звѣрямъ подобный,
Свирѣпыя сердца и видъ имѣетъ злобный;
Лежащій вѣчный мракъ у нихъ на очесахъ
Имъ кажетъ божество и въ самыхъ древесахъ;
Вселились въ сей народъ, какъ въ темные чертоги,
Отъ многобожія и суевѣрства многи;
Жрецы и жрицы ихъ обманами живутъ;
Тѣ мрачныя Орды Заволжскими слывутъ.
Безбожіе въ страну подвластную приходитъ,
На алтари свои печальный взоръ возводитъ,

---

[1]) Сіе языческое идолослуженіе подробно описано въ путешествіяхъ Г. профессора Лепехина.

И видя, что кругомъ померкнуть хощетъ свѣтъ,
Летящихъ вкругъ духовъ въ собраніе зоветъ.
И зрится взору ихъ, какъ страшная комета
Повелѣваетъ имъ, ихъ требуетъ отвѣта;
Почто вамъ, говоритъ, коснѣти въ сей странѣ?
Теките, кройтеся, въ кромешну тму ко мнѣ!
Намъ дикая страна наслѣдствомъ оставалась,
Гдѣ наша власть равна божественной казалась;
Но рокъ приходитъ нашъ, и близокъ грозный часъ,
Перуны Божіи вездѣ находятъ насъ;
Лишаетесь вы жертвъ, лишаетесь вы славы;
Вамъ адъ прибѣжище, во свѣтѣ нѣтъ державы!
Бѣгите, робкіе, отъ сихъ печальныхъ странъ!
Сюда приноситъ Крестъ и громы Іоаннъ;
И прежде чтущіе народы васъ мольбами
Россійскими теперь содѣлались рабами...
Но смутныя слова, произнесенны имъ,
Единый страхъ вселя, исчезли, яко дымъ.
Тогда Безбожіе какъ адъ печально стало,
И въ первый разъ оно отъ страха трепетало;
Однако пламенный кидая всюду взглядъ,
Простерло у духовъ по сердцу злость и ядъ.
Какъ молнія, когда и въ камень ударяетъ,
Свободный путь себѣ далеко отворяетъ:
Такъ ядъ Безбожія проникъ въ сердца духовъ,
И слышны отъ него такіе громы словъ:
Предупредимъ, друзья! погибель нашу близку,
Пойдемъ и сокрушимъ противну рать Россійску,
Подвигнемъ тартаръ весь!... пойдемъ, докажемъ имъ,
Что сильны мы вредить, когда вредить хотимъ.
Богинѣ, чтимой здѣсь въ лицѣ небесна Феба,
Речетъ: О правяща горящимъ кругомъ неба!
Разлей геенскій зной, разлей по всей земли.
Ты, воздухъ! вспламени и камни распали,
Луга и древеса растеніевъ лишите!

Сгустите рѣки вкругъ, потоки изсушите!
А ты, который здѣсь изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Перуномъ нареченъ, о грозный Киреметъ,
Который устрашалъ полночные народы!
И нынѣ устраши, взбунтуй огонь и воды...
Свирѣпостью дыша и пагубу творя,
Я въ сѣти уловлю Россійскаго Царя;
Я возвращу мѣста, гдѣ троны вы имѣли,
Подъ сладкимъ именемъ Триглава и Полели;
Стремитеся, друзья! свирѣпость насыщать,
Губить, карать, мертвить, тиранить, обольщать!...
Какъ волки гладные, злодѣйствами взалкали,
Кумиры, дружбы въ знакъ, руками восплескали.

И мракъ является во свѣтлыхъ небесахъ,
И слышенъ томный стонъ во жертвенныхъ лѣсахъ;
Коктайцы робкіе къ молитвамъ прибѣгаютъ,
Костры дрожащими руками возжигаютъ;
Но тщетно грудь свою въ слезахъ біютъ они,
Ущедрить ихъ боговъ не могутъ ихъ кони;
Томятся, хладною омытые водою;
Все кажетъ гнѣвъ боговъ, имъ все грозитъ бѣдою;
Бездушны будучи, ихъ боги страшны имъ;
Возженный огнь погасъ, и видѣнъ только дымъ.
Въ то время старцы ихъ по внутренней гадаютъ,
Блѣднѣютъ, рвутъ власы и съ воплемъ упадаютъ.
Возникнувъ отъ земли, противныхъ жертвъ не жгутъ,
Но прочь отъ алтарей со трепетомъ бѣгутъ.

Какъ будто древніе свирѣпые Друиды,
Имѣя страшные движенія и виды,
Повсюду странствуя, жрецы тревогу бьютъ,
Россійскій Царь грядетъ! по селамъ вопіютъ;
Или мы защищать своихъ боговъ не станемъ;
Погибнемъ... ежели перунами не грянемъ!

И виды страшные, и смутный старцевъ гласъ,
Зажгли мятежъ въ сердцахъ, и вспыхнулъ бунтъ тотчасъ;

За страхомъ страхъ течетъ, какъ въ бурномъ морѣ волны;
Жилища ужасомъ, сердца отмщеньемъ полны.
Тамъ жены обуявъ свои убранства жгутъ,
И къ Волжскимъ берегамъ супругамъ вслѣдъ бѣгутъ;
Кипитъ смятеніе въ улусахъ Черемисскихъ,
Вооружаются противу силъ Россійскихъ;
Велитъ Безбожіе бунтующимъ Ордамъ
На Волгѣ путь пресѣчь Морозова судамъ.
Свирѣпый Киреметъ рукой тревоги водитъ.
Онъ Волгу дремлющу въ крутыхъ брегахъ находитъ;
Грудь пѣнится у ней, вода течетъ изъ устъ,
Глава склонилася на тополевый кустъ:
Власы простерлися зелеными струями,
Лежащи по плечамъ извитыми зміями;
Нагнувшійся сосудъ изъ рукъ ея падетъ.
Расторгни узы сна, ей Злоба вопіетъ:
Доколѣ сладкій сонъ твои покоитъ члены?
Валятся вкругъ тебя Ордынски горды стѣны;
Казань, котору ты привыкла напаять,
Смотрясь въ струи твои, не можетъ устоять.
Сія бреговъ твоихъ ликующа царица
Такъ сѣтуетъ теперь, какъ сирая вдовица;
Оставили ее невѣрны небеса,
Но съ нею и твоя погаснетъ вдругъ краса;
Соединенныя взаимною любовью,
Вы скоро будете гражданской полны кровью;
Дерзай! или съ моимъ перуномъ поспѣшу
И нѣдры влажныя мгновенно изсушу;
Законы премѣню строительной природы:
Тамъ будетъ вѣчный зной, гдѣ нынѣ плещутъ воды;
Гдѣ плавала твоя среди валовъ глава,
Тамъ будетъ рость тростникъ и дикая трава.
Онъ рекъ.... и Волжскія струи остановились,
Глубокими онѣ морщинами явились;
Вели мнѣ, грозный богъ! вели, речетъ она;

Желаніе твое исполнить я должна.
Взбунтуй твои валы! свирѣпый духъ вѣщаетъ,
Да гордыхъ Россіянъ пучина поглощаетъ!
Какъ камень, сильною поверженный рукой,
Кидалась Волга внизъ съ поспѣшностью такой;
Раскинувъ рамена во влажныя дороги,
Изъ рукъ составила великіе пороги;
Пресѣчь Россіянамъ въ струяхъ свободный путь,
Устроила она имъ встрѣчу тверду грудь;
Сгустилися валы власовъ ея сѣдиной,
Кремнемъ ея чело изникло надъ пучиной;
Журчащій вихрь въ струяхъ повѣяли уста,
И заперли судамъ во влажности врата.
Глава подъемлется и чреслы онѣмѣли.
Составились изъ нихъ препоны, камни, мели.
Безбѣдный на водахъ имѣющи покой,
Россіяне плывутъ съ веселіемъ рѣкой;
Прохладному пути предѣлы близко числятъ;
Въ бесѣдѣ радостной о славѣ только мыслятъ.
Но, вдругъ перемѣнивъ теченіе, вода
Помчала въ быстрину, какъ легку трость, суда.
Подъемля смерть главу изъ влажныя утробы
Составила изъ волнъ колеблющися гробы;
Со свистомъ шумный вѣтръ во слѣдъ судамъ вился,
И съ бурей страшный вопль отвсюду поднялся;
Казался каждый валъ чудовищемъ шумящимъ,
Пловущихъ поглотить съ ладьями вдругъ хотящимъ;
Ревущіе валы, поднявъ верхи свои,
Возносятъ къ облакамъ великія ладьи,
И вдругъ разсыпавшись во рвы ихъ низвергаютъ,
Гдѣ—кажется—они геенны досягаютъ;
На крыльяхъ вихрь летитъ имъ встрѣчу по водѣ:
Что дѣлать въ таковой Россіянамъ бѣдѣ?
На небо взоръ взведутъ,—покрыто небо мракомъ;
Въ различномъ страхѣ всѣ, въ смятеньѣ одинакомъ;

Куда отъ волнъ, куда отъ камней убѣгать?
Смерть видятъ; знаютъ смерть они пренебрегать;
Кипящи пѣною уста она отверзла,
Взревѣла, и въ пловцахъ кипяща кровь замерзла.
Уже свирѣпствуя сердитая рѣка
Отторгла у судовъ кормила и бока;
И будто воины, втѣснившися въ проломы,
По улицамъ текутъ и сокрушаютъ домы:
Такъ бурная вода въ ущелины течетъ,
И Волга, разъярясь, на дно суда влечетъ.
Какъ острый мечъ, печаль Морозова пронзаетъ,
Что двухъ надежда войскъ мгновенно исчезаетъ;
Страшась не собственной, но общія бѣды,
Свирѣпство презрилъ онъ и вихря и воды,
И бурямъ и волнамъ противяся ревущимъ,
Велѣлъ ко берегамъ направить путь пловущимъ;
Но суша и вода во брань вступили съ нимъ,
Рождаютъ смерть валы, брега огонь и дымъ;
Съ мечами, съ пламенемъ на нихъ Ордынцы злобны
Вкругъ стадницы волкамъ являются подобны,
Которы челюсти разверзли на овецъ:
Такъ Россовъ истребить Орда спѣшитъ вконецъ;
Бросаетъ копья въ нихъ, стрѣлами уязвляетъ,
Пристанища къ брегамъ имѣть не дозволяетъ.
Стонъ слышанъ на водѣ, вопль слышанъ на земли,
Струи ко дну влекли, огни Россіянъ жгли,
Свирѣпствующій адъ разитъ безчеловѣчно;
Другое воинство погибло бъ тамъ, конечно;
Но кто бы ихъ спасти отъ сей напасти могъ,
Когда бы не простеръ съ небесъ къ нимъ перста Богъ!
О Муза! обрати отъ Волги взоры въ поле:
Тамъ страждетъ Іоаннъ, и зрится смертныхъ болѣ;
Воззрѣвъ на чистое сіяніе небесъ,
Едва знамена онъ къ Алатырю понесъ,
Казалось, звѣзды съ нимъ желанье соглашали,

Поля кругомъ цвѣли, зефиры вкругъ дышали;
Бореевыхъ вдали не слышно было крылъ,
И воздухъароматъ повсюду растворилъ.
Уже колеблются полки въ горахъ идущи,
Какъ класы желтые, серпа на нивахъ ждущи,
Которы тихій вѣтръ въ движеніе привелъ;
Казалось, то Орфей передъ лѣсами шелъ;
Сгущенныхъ копій лѣсъ былъ зримъ предъ Іоанномъ,
И войско, какъ рѣка, текло въ пути желанномъ.
Но сокровенная опредѣлила власть
Для искушенія устроить имъ напасть;
Парящей славѣ ихъ готовяща препоны,
Натура собственны нарушила законы;
Тогда Безбожіе, имѣюще успѣхъ,
Идущимъ тысящи устроило помѣхъ.
Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ злачныхъ,
И будто трубный гласъ возсталъ въ пещерахъ мрачныхъ.
На холмахъ вѣтвія склонили древеса,
Багровой ризою одѣлись небеса;
Лучи не въ облака, но въ нѣкій тускъ скрывались,
Стада пернатыхъ птицъ по воздуху взвивались;
Возсталъ сгущенный прахъ, какъ туча отъ земли,
И будто возгремѣлъ безъ молній громъ вдали:
То вихри пламенны средь горъ вооружались,
На вѣтренныхъ коняхъ ко войску приближались;
Сіи незримые и сильные враги,
Напрягшись въ воздухѣ подобіемъ дуги,
Простерли крылія, знамены развѣваютъ,
И съ шумомъ ихъ изъ рукъ дхновеньемъ вырываютъ,
Сражаясь межъ собой, сгущаютъ пыль вокругъ;
День ясный въ мрачну ночь переложился вдругъ.
Когда громада войскъ въ пригоркахъ изгибалась,
Казалося, земля подъ нимп колебалась,
Срываетъ шлемы вихрь, извившись копья рветъ,
И разстилаясь вдаль, все движетъ и реветъ;

Какъ риза распустясь въ стремленіи суровомъ,
Все войско прахомъ вкругъ объемлетъ, какъ покровомъ,
И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ;
То воетъ на горѣ, то съ трескомъ лѣсъ палитъ;
Людей лишаетъ силъ, коней лишаетъ мочи,
Дыханіе мертвитъ и ослѣпляетъ очи.
Великій духомъ Царь, познавъ гнѣвъ Небесъ,
И руки и глаза ко высотѣ вознесъ;
Колеблемъ вихрями, въ слезахъ вѣщалъ: о Боже!
Или враги Тебѣ Твоихъ сыновъ дороже?
Ты ужасъ положилъ въ защиту ихъ странамъ,
Но все преодолѣть оставь Ты бодрость намъ!...
Умолкъ, и небесамъ противнымъ не явится,
Велѣлъ межъ горъ крутыхъ полкамъ остановиться.
Тамъ взору предлежалъ весьма широкій долъ,
Гдѣ—мнилось—тишина устроила престолъ;
Военныя трубы повсюду возгремѣли,
Но съ вихремъ различить ихъ звука не умѣли;
Казалось напередъ, что вѣтры трубятъ то,
Склонясь на копіе, не шествуетъ никто,
Между стенящими отъ грозныхъ бурь горами,
Укрыться хощетъ Царь со войскомъ подъ шатрами,
Но будто бурная свирѣпствуя вода,
Гдѣ кущи ставятся, бѣжитъ и вихрь туда,
Изъ рукъ орудія и верви исторгаетъ,
Великіе шатры на землю повергаетъ.
Такой стихій мятежъ Монарха не смущалъ,
На рамо опершись, Адашеву вѣщалъ:
Я зрю, что Небеса моимъ слезамъ не внемлютъ,
Колеблютъ все они, меня не поколеблютъ!...
Онъ бодрый видъ являлъ, сію вѣщая рѣчь,
И войскамъ повелѣлъ на ихъ мѣстахъ возлечь.
Едва походами и вихремъ удрученны,
Склонилися полки, какъ класы посѣченны,
И на лицѣ земномъ въ густой травѣ легли,

Бурливыхъ вдругъ коней и вихри отпрягли,
И въ воздухѣ свои оставивъ колесницы,
Свернули крылія, какъ утомленны птицы;
И будто бѣдствами насытился ихъ взоръ,
Дыханье укротивъ, упали между горъ.
Свѣтило дневное тогда въ моря скрывалось,
И небо ризою червленной одѣвалось;
Возвысила чело дрожащая луна,
Серебрянымъ щитомъ казалася она;
Подъемлетъ къ небесамъ рога свои высоки,
Вмѣщаютъ глубоко луну рѣчные токи,
И чистымъ хрусталемъ между бреговъ текутъ;
Казалось, томный сонъ они въ струяхъ влекутъ.
Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла,
Но хладною росой земли не напаяла,
И сладкой влажности на древеса не льетъ,
Котора жизни имъ и силы придаетъ.
Вершины уклонивъ, стоятъ зелены рощи,
Не можетъ прохлаждать луговъ прохлада нощи;
Казалось, воздухъ спитъ, зефиръ уснулъ въ кустахъ,
И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
Благоуханіе долины распускаютъ,
Но тщетно питія небеснаго алкаютъ:
Прозрачность воздуха приходитъ въ густоту,
И съ мракомъ томную раждаетъ духоту.
Земля, для воиновъ всегдашній одръ спокойной,
Теперь представилась для спящихъ ложей знойной;
Жестка трава на ней, лице ея горитъ,
Возлегшимъ сладкаго покоя не даритъ;
Томленіе главы ко сну на землю клонитъ,
Но жаръ съ естественныхъ одровъ обратно гонитъ;
Тускъ зрится на цвѣтахъ, не хладная роса,
И сводомъ огненнымъ казались небеса;
Въ полночные часы растенья увядаютъ;
И звѣзды, кажется, на землю упадаютъ:

Летаютъ дивные по воздуху огни,
Предзнаменующи и зной и жарки дни.
Томленный Царь небесъ подъ раскаленнымъ сводомъ
Хотѣлъ предупредить свѣтъ солнечный походомъ:
При утренней зарѣ гласъ трубный возгремѣлъ,
Возстали воины, и съ ними зной пошелъ.
Не вѣтры свѣжіе въ долинахъ повѣваютъ,
Которы тихихъ дней предтечами бываютъ;
Едва лишь солнца лучъ на землю проглянулъ,
Какъ пещь разженная, палящимъ зноемъ дхнулъ;
Цвѣты и древеса росой неорошенны,
Явились свѣжести и живости лишенны;
Небесные кони спѣшащи солнце влечь,
Казалося, хотятъ вселенную зажечь;
И воздухъ вкругъ земли, недвижимо стоящей,
Едва не равенъ былъ водѣ, въ котлѣ кипящей.
Разжегся тамъ песокъ, и травы стали тлѣть;
Герои начали о буряхъ сожалѣть,
Которы прежде ихъ толико утруждали,
Но удручаемыхъ походомъ прохлаждали;
Отъ солнечныхъ лучей, какъ будто отъ огня,
Ихъ шлемы распеклись и тяжкая броня;
Какъ нѣкая рѣка, кругомъ излился пламень,
Извлекши влажность вонъ, приводитъ землю въ камень;
Палима воздухомъ, разсѣлася она,
И вредныя въ землѣ сварились сѣмена;
Тлетворные пары главы свои подъемлютъ,
И поднебесный кругъ какъ ризою объемлютъ;
Въ пучинѣ воздуха туманы око зритъ,
Казалось, надъ главой небесный сводъ горитъ.
Зміи, глотая ядъ, изъ мрачныхъ норъ выходятъ,
Болѣзни, раны, страхъ и язвы производятъ;
Извившись, какъ ручей, въ густой травѣ шипятъ,
Бросаются стрѣлой и грудь насквозь разятъ;
Не страхъ отъ сихъ зміевъ Монарха сокрушаетъ,

Но то, что воинство рокъ лютый уменьшаетъ.
Какъ будто острія сверкающихъ ножей,
Тамъ жалы видимы излучистыхъ ужей;
Слѣды алкающей повсюду смерти видны;
Тамъ гады страшные, тамъ черныя ехидны;
Вода, огонь, земля Россіянамъ грозитъ,
И воздухъ, кажется, стрѣлами ихъ язвитъ.
Томленны жаждою, къ потокамъ прибѣгаютъ;
Піютъ, но воды ихъ утробу разжигаютъ,
И паче къ питію алкающихъ зовутъ;
Мутясь въ рѣчныхъ струяхъ пески съ травой плывутъ;
Журчащіе ключи, осокой заглушенны,
Въ зеленистый коверъ озера превращенны.
Казалося, съ небесъ какъ дождь падутъ огни;
Остановляются въ распутіяхъ кони,
Главы упали внизъ, колѣна ихъ трепещутъ,
И пѣну красную уста на землю мещутъ;
Какъ мѣхи ребра ихъ расширяся дрожатъ,
Падутъ, и подъ ярмомъ безчувственны лежатъ.
На войско обративъ Монархъ печальны взоры,
Велѣлъ ему возлечь, гдѣ тѣнь наводятъ горы.
Тамъ сѣнолиственный стоялъ у брега лѣсъ,
И зрѣнью обѣщалъ убавить зной небесъ;
Вдругъ городъ изъ шатровъ составился высокихъ,
Но тотъ же зной лежалъ въ долинахъ и глубокихъ;
Подъ тѣнью хлада нѣтъ, прохлады нѣтъ въ струяхъ,
Долины зной палитъ, изъ рощей гонитъ страхъ.
Дріяды, кажется, лѣса пренебрегаютъ,
И сами въ мрачныя пещеры убѣгаютъ;
Вселяютъ ихъ туда жары, какъ страшный громъ,
Тамъ голый камень имъ пріятнымъ сталъ одромъ;
Прозрачны ризы снявъ, онѣ отъ жара скрылись,
Но пламени врата и тамо отворились.
Не слышитъ болѣе ключей журчащихъ лугъ,
Потоки быстрые въ горахъ изсякли вдругъ;

Не чувствуя уже въ рѣчныхъ струяхъ прохлады,
Скрываются въ тростникъ печальныя Наяды;
Но тщетно тамъ дождей и свѣжихъ вѣтровъ ждутъ,
Зеленые власы отъ ихъ чела падутъ.
Вѣщаютъ, будто бы главы имѣя въ зноѣ,
И Кама, и Сура на дно ушли рѣчное,
И тамъ на тинистыхъ одрахъ онѣ легли;
Но солнечны лучи сквозь воду грудь ихъ жгли.
Отъ солнца воздухъ весь, отъ воздуха потоки,
Отъ нихъ земля несла страданія жестоки;
Другъ друга думаютъ стихіи истребить,
Иль входятъ въ заговоръ Россіянъ погубить.
Какъ съ нѣкимъ стадомъ птицъ, Царь съ войскомъ подвизался;
Но трижды двигнувшись, онъ трижды препинался.
На высочайшую восходитъ зло степень:
Мракъ вечеромъ томитъ, томитъ поутру тѣнь;
Натура съ воздуха сняла свои покровы;
Ни тонки облака, ни вѣтвисты дубровы,
Ни вѣтры тихіе, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ прохлаждать палящи небеса;
И смерти ратники тоскливой ожидаютъ;
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ;
Гортань изсякла ихъ, языкъ горѣлъ въ устахъ,
Дыханье огненно во рту сгущало прахъ;
Имъ скорби блѣдныя съ отравой предстояли,
И яды тонкіе въ утробу изліяли;
Тамъ смерть представилась въ свирѣпости своей,
И тысящу она раждаетъ вдругъ смертей.
Не утоляется небесный гнѣвъ мольбами:
Хлѣбъ черствый язва рветъ тлетворными зубами!
И горечь вредная по яствамъ разлилась,
У хлѣба вкусъ исчезъ и сытность отнялась;
Ликнія влажная и тополи широки
Теряютъ жидкіе свои природны соки;

Напрасно воины ту влагу достаютъ;
Сорвавъ кору съ древесъ, кроваву пѣну пьютъ;
И былія въ устахъ песками остаются!
Въ вертепахъ ищутъ водъ, имъ воды не даются.
Два воина пошли для промысла въ ночи;
Въ ракитовомъ кусту имъ слышатся ключи,
Которы будто бы внутри земли журчали;
Се! кладъ, безцѣнный кладъ! идущіе вскричали;
И съ корнемъ вмигъ они ракитникъ извлекли,
Потоки чистые мгновенно потекли.
Насытились они; но ключъ, что имъ явился,
Какъ тонкая змія между травой извился,
Бѣжалъ, и внутрь земли себѣ находитъ путь.
Но ратники воды успѣли почерпнуть;
Ушелъ потокъ отъ нихъ; водой наполнивъ шлемы,
Несли ее къ Царю, усердны, скромны, нѣмы,
Дабы, гдѣ равная снѣдаетъ жажда всѣхъ,
Отъ нужды, ревности не сдѣлалъ кто помѣхъ;
Печальнаго Царя отъ сѣни оттергаютъ,
И воду свѣжую во шлемахъ предлагаютъ.
Сей подвигъ тяжкій вздохъ у нихъ Царя извлекъ,
О други! ихъ обнявъ, Монархъ печальный рекъ:
Или вы чаете, что въ семъ пространномъ полѣ,
Вашъ Царь слабѣе всѣхъ и всѣхъ томится болѣ?
Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой судьбѣ,
О страждущихъ со мной, томлюсь не о себѣ;
Пойдемъ и принесемъ напитокъ сей скорбящимъ,
Несчастнымъ ратникамъ, почти въ гробахъ лежащимъ.
Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ милъ...
Пошелъ, и воиновъ скорбящихъ напоилъ.
Умножить бѣдствія и зла умножить болѣ,
Ордынцы лютые зажгли сухое поле;
Клубяся по горамъ, огнь бросился въ лѣса,
И горькій дымъ закрылъ отъ взора небеса;
Россіянъ страждущихъ стремится адъ озлобить!

Коль можно малу вещь великой уподобить:
Такіе ужасы народы будутъ зрѣть,
Когда земля начнетъ въ исходъ вѣковъ горѣть;
Тутъ пламень огненный какъ море разліется,
Онъ поясомъ вокругъ вселенной обвіется;
И цѣпь, держащая въ порядкѣ здѣшній свѣтъ,
Со звукомъ рушится и въ бездну упадетъ;
Тамъ будетъ прахъ горѣть, воспламенятся рѣки;
Спасенья на земли не сыщутъ человѣки.
Сіе позорище Царь въ духѣ смутномъ зрѣлъ,
Но войскамъ попирать ногами огнь велѣлъ;
И море пламенно подъ ними укротилось;
Но кое зрѣлище страдающимъ открылось?
Въ долины огнь ушелъ, къ горамъ склонился дымъ,
И въ страшномъ смерть лицѣ изобразилась имъ;
Земля представилась черна и обнаженна,
Дымящися холмы, дуброва обозженна,
Токъ водный какъ смола кипящая бѣжалъ;
Отчаянье въ сердца вонзаетъ имъ кинжалъ.
Монархъ несчастнѣй всѣхъ, но тверже всѣхъ казался;
Лишился онъ всего; примѣръ ему остался!
И душу онъ сынамъ отеческу являлъ:
Послѣдню яствы часть съ рабами раздѣлялъ.
Адашевъ, другъ его, трапезы не вкушаетъ,
Отъ имени его болящихъ посѣщаетъ,
Остатки Царскихъ имъ напитковъ отдаетъ,
Но воду мутную съ Монархомъ втайнѣ пьетъ.
Не крылся Іоаннъ подъ черну тѣнь древесну,
Пренебрегая зной и люту казнь небесну,
Томленный жаждою, и въ потѣ, и въ пыли,
Въ срединѣ ратниковъ ложился на земли;
Послѣдній пищу бралъ, но первый передъ войскомъ
Являлся духомъ твердъ во подвигѣ геройскомъ.
Но воздухъ день отъ дня надъ ними вкругъ густѣлъ;
Соединиться царь съ Морозовымъ хотѣлъ,

И вѣсть ему подать велѣлъ о бѣдствахъ скору,
Да пищу воинству пришлетъ съ рѣки въ подпору.
Но тамо настоялъ пловцамъ не меньшій трудъ;
Тѣ помощи съ земли, тѣ съ водъ подмоги ждутъ;
Тѣхъ бѣдства во степи, тѣхъ волны погребаютъ;
Другъ друга ждутъ къ себѣ, и купно погибаютъ.
Вонзаетъ въ грудь Царю такое бѣдство мечъ;
Скрѣпился, и простеръ сію ко войскамъ рѣчь:
    О други! онъ вѣщалъ, когда мы шли къ Казани,
Иной мы не могли сулить Россіи дани,
Какъ только за нее животъ нашъ положить;
Возможно ли теперь намъ жизнью дорожить?
Умремъ! но храбростью позорну смерть прославимъ,
Противу жалъ ея не робку грудь поставимъ;
Пусть наши и враги, на нашъ взирая прахъ,
Рекутъ, что гибли мы, нося мечи въ рукахъ;
И разъярившейся не рабствуя природѣ,
Скончали нашу жизнь не въ праздности, въ походѣ;
Толико славна смерть хоть насъ и поразитъ,
Но прочихъ Россіянъ къ побѣдамъ ободритъ;
Возстанемъ, и пойдемъ! онъ рекъ... Полки возстали,
Какъ томные орлы къ знаменамъ прилетали;
Снимаются шатры, и трубный слышенъ звукъ;
Сіе стремленіе мятежъ нарушилъ вдругъ.
    Не уважая словъ, ни слезъ, ни мнѣній Царскихъ,
Единый изъ дѣтей отъ Новграда Боярскихъ,
Отъ зноя ль и трудовъ въ разсудкѣ поврежденъ,
Или отчаяньямъ и нѣгой услажденъ,
Сей ратникъ по полкамъ и страхъ и горесть сѣя,
Помѣшаны глаза, раскрыту грудь имѣя,
Бѣгущій возопилъ: Куда насъ Царь ведетъ?
Здѣсь голодъ насъ мертвитъ, а тамо язва ждетъ!
Оставили отцевъ, оставили мы домы,
Пришли сюда въ мѣста пустыя, незнакомы,
Лишили небеса и пищи насъ, и водъ;

Не явно-ль Богъ казнитъ за дерзкій насъ походъ?
Пойдемъ! назадъ пойдемъ!... Онъ рекъ, и восшумѣли.
Развратны юноши подобну мысль имѣли.
Но взоры Царь на нихъ какъ стрѣлы обратилъ,
И волны мятежа сей рѣчью укротилъ:
Не слезы міра я, о юноши! желаю,
Но мстить за Христіанъ усердіемъ пылаю;
Коль вы не ищете торжественныхъ вѣнцевъ,
Спасать не мыслите ни братій, ни отцевъ.
Несчастные сыны! бѣгите, не трудитесь,
Оставьте копья намъ, и въ домы возвратитесь;
Я вѣрныхъ Россіянъ въ полкахъ моихъ найду,
Не слабыхъ женъ во брань, мужей съ собой веду...
Скончавъ слова, дабы волненью не продлиться,
Велѣлъ ревнительнымъ отъ робкихъ отдѣлиться;
И возопили всѣ: Съ тобою мы идемъ!
За вѣру, за тебя съ охотою умремъ!
Спокоило Царя усердіе такое,
Но мысль его была и сердце не въ покоѣ;
Срѣтая нощь, велѣлъ движенье отложить;
Идетъ къ одру, но сонъ не сталъ Царю служить:
Мечтаются ему болѣзни, гладъ, печали,
Которыя до днесь въ пути его встрѣчали;
Онъ душу полную страданьями имѣлъ,
И въ грусти далеко отъ воинства отшелъ.
Покрылось мрачною тоской чело Царево;
Въ долинѣ онъ нашелъ развѣсистое древо,
На коемъ листвія недавно огнь сожегъ;
Тяжелый скинувъ шлемъ, подъ онымъ Царь возлегъ.
Онъ въ землю мечъ вонзилъ; невидимый полками,
Склоненную главу поддерживалъ руками;
Не бѣдствомъ собственнымъ, но общимъ нораженъ,
Какъ въ облако луна, былъ въ горесть погруженъ,
И пролилъ токи слезъ... Тоска его мнѣ бремя;
О Муза! пресѣчемъ печальну пѣснь на время.

ПѢСНЬ ОСЬМАЯ.

Имѣя въ сердцѣ мракъ и тьмою окруженъ,
Казался въ морѣ Царь печалей погруженъ;
Какъ бури, душу въ немъ сомнѣнья волновали,
Покоя сладкаго, ни спа не отдавали.
Звѣзда его судьбы на небѣ не горитъ,
Она, сокрывъ лучи, на Іоанна зритъ;
Ни воздухъ, ни земля тоскѣ его не внемлетъ,
И счастье томное у ногъ Монаршихъ дремлетъ;
Какъ камень, горести его тягчили грудь;
Прерывистымъ словамъ отверзъ въ печали путь:
О Боже! онъ вѣщалъ, коль гнѣвомъ Ты пылаешь,
За что напрасну смерть безвиннымъ посылаешь?
Моимъ знаменамъ въ слѣдъ пришли сюда они;
Коль казнь Тебѣ нужна, за нихъ меня казни!
Я воиновъ моихъ привелъ въ сіи предѣлы;
Бросай противъ меня молніеносны стрѣлы!
Я старца мудраго совѣты пренебрегъ,
Который въ дерзости меня предостерегъ.
Се грудь, которая тщеславіе вмѣстила,
Надеждою себя и счастіемъ польстила!
Рази ее, рази! готовъ я казнь нести,
Когда чрезъ то могу моихъ людей спасти.

Вѣщая тѣ слова, повергся на колѣни,
И нощь кругомъ его простерла черны тѣни;
На перси томную склоняетъ Царь главу,
И зритъ во смутномъ снѣ, какъ будто наяву,
Мечтается ему: „Что мракъ густый рѣдѣетъ,
Что облакъ огненный, сходя на землю, рдѣетъ;
Сокрылись звѣзды вдругъ, затмилася луна,
Повсюду страшная простерлась тишина;
Багрово облако къ Герою приближалось,
Упало предъ Царемъ, и вскорѣ разбѣжалось.
Видѣнье чудное исходитъ изъ него:

Серпомъ луна видна среди чела его;
Въ десницѣ держитъ мечъ, простертый къ оборонѣ,
Онъ видится сѣдящъ на пламенномъ драконѣ;
Великій свитокъ онъ въ другой рукѣ держалъ,
Пророкамъ и Царямъ во славѣ подражалъ".

Строптивый Іоаннъ видѣніемъ плѣнился,
И еслибъ робокъ былъ, предъ нимъ бы преклонился;
Но взоръ къ нему склонивъ, вниманіе и слухъ,
Имѣлъ тревожный видъ, но не тревожный духъ.
Явившійся Царю, бросая остры взоры,
Вступилъ въ пространные съ Монархомъ разговоры:

О Царь! вѣщаетъ онъ, имѣешь ты вину
Токъ слезный проливать, пришедъ въ сію страну;
Печали вкругъ тебя сливаются, какъ море,
И ты въ чужой землѣ погибнешь съ войскомъ вскорѣ;
Погаснетъ счастіе и слава здѣсь твоя,
Тебя забылъ твой Богъ, могу избавить я;
Могу, когда свой мракъ отъ сердца ты отгонишь,
Забывъ отечество, ко мнѣ главу преклонишь;
Такимъ ли Іоаннъ владѣньемъ дорожитъ,
Гдѣ мракъ шесть мѣсяцевъ и снѣгъ въ поляхъ лежитъ,
Гдѣ солнце косвенно лучами землю грѣетъ,
Гдѣ сладкихъ нѣтъ плодовъ, гдѣ тернъ единый зрѣетъ,
Гдѣ царствуетъ во всей свирѣпости Борей?
Страна твоя не тронъ, темница для Царей.
Отъ снѣжныхъ водъ и горъ, отъ сей всегдашней ночи,
На полдень обрати, къ зарѣ вечерней очи;
Къ востоку устреми вниманіе и взоръ:
Тамъ первый встрѣтится твоимъ очамъ Босфоръ;
Тамъ гордые стоятъ моихъ любимцевъ троны,
Дающихъ Греческимъ невольникамъ законы;
Тобою чтимые угасли олтари;
Познай и мощь мою, и власть, и силу зри!
Съ священнымъ трепетомъ тобой гробница чтима,
Подъ стражею моей лежитъ въ стѣнахъ Салима;

И Газа древняя, Азоръ и Аскалонъ,
Гефана, Виѳлеемъ, Іорданъ и Ахаронъ,
Передъ лицемъ моимъ колѣна преклонили;
Мои рабы твой крестъ, Давидовъ градъ плѣнили;
Не страхомъ волю ихъ, я волей побѣдилъ;
Ихъ мысли, ихъ сердца, ихъ чувства усладилъ;
Я отдалъ веси имъ, исполненны прохлады,
Гдѣ вкусные плоды, гдѣ сладки винограды,
Гдѣ воздухъ и земля раждаютъ ѳѵміамъ:
Вода родитъ жемчугъ, пески златые тамъ;
Тамъ чистое сребро, тамъ бисеры безцѣнны;
Поля стадами тамъ и жатвой покровенны;
Полсвѣта я моимъ любимцамъ отдѣлилъ:
Богатый отдалъ Ормъ и многоводный Нилъ,
И поднебесную вершину Арбарима,
Отколѣ Ханаанъ и Палестина зрима;
Божественный Сіонъ, Израильтянскій градъ,
И млекоточный Тигръ, и сладостный Евфратъ,
Тѣ воды, что Едемъ цвѣтущій напаяли,
Гдѣ солнечны лучи впервые возсіяли.
Въ вечерней жители и въ западной странѣ
Меня порокомъ чтутъ, приносятъ жертвы мнѣ;
Склонись и ты! склонись! я жизнь твою прославлю,
Печали отжену, и миръ съ тобой поставлю;
Я вѣтры тихіе на полночь обращу,
Стихіи на тебя возставши укрощу;
Украшу твой вѣнецъ, вручу тебѣ державы,
Достойны твоего вниманія и славы:
Послѣдуй, Царь, за мной, дай руку мнѣ твою....
　　Недвижимъ Царь взиралъ, внимая рѣчь сію;
Какъ вѣтрами вода, въ немъ духъ поколебался;
Молчать и рѣчь простерть къ видѣнію опасался;
Хотѣлъ главу склонить, но вдругъ на щитъ взглянулъ:
Померкнулъ щитъ! и Царь о старцѣ вспомянулъ.
Такое зрѣлище въ немъ пламень возжигаетъ,

Вспрянулъ, и мечъ рукой дрожащей исторгаетъ,
Разитъ.... Въ единый мигъ померкнулъ воздухъ чистъ,
Ударилъ страшный громъ, возсталъ и шумъ и свистъ;
Блеснули молніи, видѣнье преложилось,
И страшное Царю чудовище явилось,
Во мрачномъ облакѣ на воздухъ поднялось;
Какъ страшный змій, оно въ три круга извилось;
Дышало мщеніемъ!—Безбожіе то было,
И грозныя слова Монарху вострубило:
Напрасно отъ меня ты чаешь избѣжать;
Стени! я знаю, чѣмъ Монарховъ поражать;
Хоть нынѣ казнь твою свирѣпый рокъ отложитъ,
Но душу онъ твою и мысли востревожитъ;
Спокойства сладкаго не будешь ты вкушать,
Ни брачною себя любовью утѣшать:
Владѣніе твое во ужасъ превратится,
И будешь ближнихъ ты и подданныхъ страшиться;
Ты искреннихъ рабовъ безвинно умертвишь;
Своимъ ты именемъ вселенну устрашишь;
Вельможи и народъ тебя возненавидятъ,
Тираномъ нарекутъ, въ тебѣ врага увидятъ;
Ты сына умертвишь!... Ударилъ паки громъ,
Сокрылось возстенавъ чудовище потомъ;
Оно въ подземныя пещеры отлетало,
А сердце храбраго Царя вострепетало;
И мракъ сомнѣнія потомъ развѣясь въ немъ,
Жестокимъ въ точности явилъ его Царемъ.
Пелена ввергнула въ подобный страхъ Енея.
Вздохнулъ, и предъ собой увидѣлъ Царь Алея;
Вторичною мечтой приходъ его почелъ,
Онъ окомъ на него разгнѣваннымъ воззрѣлъ.
Алей задумчивъ былъ и рубищемъ одѣянъ,
По всѣмъ его чертамъ печаль какъ мракъ разсѣянъ;
Онъ слезы лилъ предъ нимъ, и Царь къ нему вѣщалъ:
Еще ли мало ты покой мой возмущалъ?

Предатель, трепещи! теперь одни мы въ полѣ;
Бѣги, не умножай моей печали болѣ...
Ко Царскимъ въ трепетѣ Алей упалъ ногамъ,
И рекъ: не причисляй меня къ твоимъ врагамъ;
Благочестивыхъ я не уклонялся правилъ;
Былъ виненъ, но вину теперь мою исправилъ;
Однако нужнаго, о Царь! не трать часа,
Который щедрыя даруютъ Небеса;
Отважность иногда печали побѣждаетъ:
Тебя въ густомъ лѣсу пустынникъ ожидаетъ.
Тоскою удрученъ, когда я къ войску шелъ,
Онъ мнѣ тебя искать подъ древомъ симъ велѣлъ,
И мнѣ сіе вѣщалъ: Скажи ты Іоанну,
Коль хощетъ онъ достичь ко благу имъ желанну,
Да придетъ онъ ко мнѣ!... Во меракѣ и въ ночи,
Сіяли вкругъ его чела, о Царь! лучи.
Въ молчаньи Іоаннъ словамъ пришельца внемлетъ,
И тяжкій стонъ пустивъ, Алея онъ подъемлетъ.
Тогда вскричалъ: Хощу для войска счастливъ быть;
И болѣе, хощу вину твою забыть:
Я жизнь мою тебѣ, Россіи жизнь вручаю;
А если вѣренъ ты, я друга получаю;
Довольно мнѣ сего! къ пустыннику пойдемъ.
Но повѣсть мнѣ твою повѣдай между тѣмъ;
Скажи, почто ты стѣнъ Свіяжскихъ удалился?
Зачѣмъ ходилъ къ врагамъ, зачѣмъ въ Казань сокрылся?
И какъ обратно ты явился въ сей странѣ?
Будь искрененъ во всемъ, коль вѣрный другъ ты мнѣ.
Идущій за Царемъ къ пустыннику лѣсами,
Отвѣтствовалъ Алей такими словесами:
О Царь! повѣдаю тебѣ мою вину;
Но стыдъ почувствую, отколѣ ни начну.
Когда не буду я вѣщать чистосердечно,
Да темна нощь сія меня покроетъ вѣчно!
Да горы на меня кремнистыя падутъ,

И въ сей странѣ меня живого погребутъ!
Сомнѣнья Царскаго Алей въ опроверженье,
Повѣдавъ о своемъ къ Казани приближеньѣ,
Представилъ прелести, Сумбекинъ льстивый взглядъ,
Обманы, хитрости и шествіе во градъ;
Оно клонилося, вѣщалъ, къ единой цѣли,
Дабы оружія напрасно не гремѣли,
И мира вѣчный храмъ желалъ я отворить,
Ордынцевъ безъ меча Россіи покорить.
Уже вражду мои совѣты потушали,
Но, рекъ онъ, замыслы успѣхамъ помѣшали:
Увы! которую сердечно я любилъ,
Я тою жизнь и честь едва не погубилъ.
Въ едину нощь, Алей стоная продолжаетъ,
Меня и мысль о томъ какъ громомъ поражаетъ,—
Въ едину нощь, когда къ спокойству я прибѣгъ,
Когда на одръ я свой уединенъ возлегъ,
Увидѣлъ предъ собой невольника дрожаща,
Одежду бѣлую въ рукахъ своихъ держаща,
Котору будто бы трудясь наединѣ,
Сумбека, въ знакъ любви, отправила ко мнѣ.
Питая на ея усердіе надежду,
Дерзаю облещись во свѣтлую одежду;
Изъ рукъ подателя спѣшу ее извлечь;
Но внемлю страшную невольникову рѣчь:
О Царь! вѣщаетъ онъ, отринь сіе убранство;
Я помню и въ моихъ оковахъ Христіанство;
Я нѣкогда твоимъ рабомъ въ Россіи былъ,
Я вѣренъ былъ тебѣ, а ты меня любилъ.
О если, Государь, подаркомъ симъ польстишься,
И имъ покроешься, то жизни ты лишишься.
Раба я познаю, и вѣрить не хощу:
Злословію его свирѣпымъ взоромъ мщу;
Сей рабъ изъ рукъ моихъ одежду вырываетъ,
Онъ ею и главу и тѣло обвиваетъ.

Какой тогда я страхъ и ужасъ ощутилъ!
Невольникъ палъ, взревѣлъ, и духъ свой испустилъ!
Велико для меня такое увѣренье;
Но могъ ли я имѣть къ Сумбекѣ подозрѣнье?
Весь дворъ познал о сей опасности моей;
Тогда вбѣжалъ ко мнѣ мой вѣрный другъ Гирей:
Спѣши отсель! спѣши! со трепетомъ вѣщаетъ,
Сагрунъ противъ тебя Казанцевъ возмущаетъ;
Сумбека ищетъ средствъ Алея отравить;
Османъ тебя грозитъ злодѣйски умертвить....
Бѣги отсель! уже Казанска чернь мутится;
Моею помощью тебѣ не можно льститься;
Я слабъ противу ихъ, и только то могу,
Что тайно отъ злодѣйствъ Алея сберегу,
Потомъ погибну самъ!... То слово грудь пронзило,
Оно стрѣлѣ меня подобно уязвило;
Окаменен смотрю на друга моего,
И вдругъ въ объятія кидаюся его,
И вопію къ нему: Не йду, мой другъ! отсюду;
Пускай я жертвою моихъ злодѣевъ буду!
За что тебѣ страдать? живи! мой другъ, живи!
Да злобу утушитъ Казань въ моей крови.

Незапно слышится волненіе народно;
Погибнуть я хотѣлъ изъ храма неисходно;
Спасай себя! спасай! Гирей мнѣ съ плачемъ рекъ,
И силою меня подъ мрачный сводъ повлекъ.
Когда наполнился Сумбекинъ дворъ народомъ,
Провелъ меня Гирей изъ града тайнымъ ходомъ,
И скрылся отъ меня.... Унылъ, окамененъ,
Я шелъ, бія себя во грудь, отъ градскихъ стѣнъ;
Вручилъ я жизнь свою на произволъ судьбинѣ,
И долго странствовалъ по дебрямъ и въ пустынѣ;
Зри рубища сіи и бѣдность зри мою!
Пустынникъ нѣкій далъ одежду мнѣ сію.

Коль поздно хитрость я Сумбекину примѣтилъ!

Страхъ гналъ меня отъ ней, я страхъ на Волгѣ встрѣтилъ.
Пловущихъ войскъ твоихъ опасность я узрѣлъ,
Топила ихъ вода, предъ ними громъ гремѣлъ;
Отъ волнъ и отъ небесъ гонимыя страдали,
Въ нихъ пламень со бреговъ враги твои кидали;
Твоимъ воителямъ спасенья нѣтъ нигдѣ:
Смерть видятъ на земли, смерть видятъ на водѣ!
Теку на помощь къ нимъ, прошу, повелѣваю,
Къ Ордынцамъ вопію, къ Россіянамъ взываю;
Смирилися враги, и буря, и вода.
Потомъ склонилъ мое стремленіе сюда.
Я зналъ, что воинство отъ глада истлѣвало,
И воздухъ васъ мертвилъ и солнце убивало;
Врачебную траву и пищу вамъ принесъ.
Но только я вступилъ въ дремучій близкій лѣсъ,
Тамъ старецъ нѣкакій предсталъ передо мною,
Онъ есть свиданія съ моимъ Царемъ виною....
Полстадіи прешли, бесѣдуя они,
И видятъ межъ древесъ сверкающи огни,
Къ которымъ спутники чѣмъ ближе подвигались,
Тѣмъ далѣе огни отъ оныхъ уклонялись;
И вдругъ, склубившись, ихъ къ пещерѣ привели:
Лежаща старца тамъ на камнѣ обрѣли;
На персяхъ у него какъ ленъ брада лежала,
Премудрость на его лицѣ изображала;
Священну книгу онъ, чело склоня, читалъ;
Увидя предъ собой пришельцевъ, бодръ возсталъ.
Пріятнымъ воздухъ весь наполнился зефиромъ,
И старецъ рекъ Царю: Гряди въ пустыню съ миромъ!
Какъ въ солнечныхъ лучахъ играюще стекло,
Покрылось Царское веселіемъ чело:
Но стыдъ при радости въ лицѣ изобразился;
Сіяньемъ озаренъ рукою онъ закрылся;
Познালъ во старцѣ онъ пустынника сего,
Который въ путь нейти увѣщевалъ его,

И щитъ ему вручилъ; онъ рекъ: взирать не смѣю,
Я сердца чистаго, о старче! не имѣю;
Сомнѣньемъ и тоской терзается оно;
Твое свѣтло какъ день, мое какъ нощь темно;
Могу ль бесѣдовать?... Душевну видя муку,
Пустынникъ простиралъ ко Іоанну руку,
И возвѣстилъ ему: печаль твою забудь,
Примѣромъ мужества главамъ вѣнчаннымъ будь;
Ты крѣпостью своей, терпѣніемъ, бѣдами,
Какъ злато чрезъ огонь, очистилъ духъ трудами;
Но паче тѣмъ себя во славѣ утвердилъ,
Что льстящую тебѣ фортуну побѣдилъ;
Безбожіе ты зрѣлъ подъ видомъ Махомета:
И если бы его не отженилъ совѣта,
Тебя бы страшный громъ мгновенно поразилъ,
И въ бездну вѣчныхъ мукъ на вѣки погрузилъ.
Теперь противъ страстей возставъ, какъ храбрый воинъ,
Небесъ вниманія и славы ты достоинъ;
Они велѣли мнѣ гремящею трубой
Твой разумъ испытать, бесѣдуя съ тобой:
Се каменна гора, се поле передъ нами;
Тамъ видишь ты стези, усыпанны цвѣтами;
Зефиры царствуютъ, утѣхи видны тутъ;
Подъ тѣнью миртовыхъ древесъ они живутъ;
Безцѣнны бисеры идущимъ предлагаютъ.
Вѣнцы на нихъ кладутъ, въ нихъ страсти возжигаютъ,
Которы наконецъ, преобращаясь въ ядъ,
Изъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ влекутъ идущихъ въ адъ.
Гора является ужасною въ началѣ,
Но страховъ меньше тамъ; чѣмъ ты восходишь далѣ:
Тамъ встрѣтишь пламенемъ зіяющихъ зміевъ;
Висящія скалы, услышишь звѣрскій ревъ;
Стези препутанны, какъ верви, кривизнами,
И камни сходные движеньемъ со волнами.
Когда вниманіемъ не будешь подкрѣпленъ,

Падешь въ развалины, разбитъ и ослѣпленъ.
Но если твердости душевной не погубишь,
По долгомъ странствіи труды свои возлюбишь;
Увидишь вскорѣ ты небесный чистый свѣтъ!
Во храмъ пророчества твой Богъ тебя зоветъ.
О Царь мой! избирай изъ двухъ стезю едину,
И знай, что я тебя на трудной не покину.
Какъ нектаръ Іоаннъ въ бесѣдѣ сей вкушалъ;
Взявъ руку старцеву, къ горѣ онъ поспѣшалъ,
И рекъ: иду съ тобой на твой совѣтъ въ надеждѣ;
Но сей хотѣлъ склонить ко сну Алея прежде,
Дабы единый Царь позналъ судьбу небесъ:
Напитокъ нѣкакій сопутнику поднесъ,
Который силы въ насъ тѣлесны ослабляетъ;
И вдругъ у дна горы Алея усыпляетъ.
Царю пустынникъ рекъ: иди, и буди смѣлъ!
Потомъ на крутизну горы его повелъ:
По дебрямъ провождалъ, держа его рукою,
Въ немъ силы ободривъ бесѣдою такою:
О Царь! вѣщаетъ онъ, себя ты ввѣрилъ мнѣ,
Во мрачной сей нощи, въ незнаемой странѣ;
Сомнѣніемъ твоей души не востревожилъ,
И тѣмъ вниманіе мое къ тебѣ умножилъ;
Я дружество тебѣ взаимно докажу;
О имени моемъ, о званіи скажу:
Познай во мнѣ того, которому гонитель
И ближній сродникъ былъ усопшій твой родитель;
Я тотъ, котораго онъ презрилъ родъ и санъ:
Я есмь несчастливый пустынникъ Вассіанъ [1]).
Но горести мои и слезы я прощаю,
И сыну за отца любовью отомщаю;

---

[1]) Сей Вассіанъ сосланъ былъ въ заточеніе Царемъ Василіемъ Іоанновичемъ. Многіе думаютъ, что былъ то князь Голицынъ, но его имя мнѣ неизвѣстно.

Не онъ мнѣ былъ врагомъ, враги мои льстецы,
Преображающи въ колючій тернъ вѣнцы;
Я былъ гонимъ отъ нихъ. За слезы и терпѣнье
Душевное теперь вкушаю утѣшенье;
И если слушаетъ Господь молитвъ моихъ,
Враговъ моихъ проститъ, молюся я за нихъ.
Мнѣ рай, душевный рай въ пустынѣ отворился;
Я тридесяти лѣтъ въ пустыню водворился;
Здѣсь плачу о грѣхахъ мірскихъ наединѣ;
Нѣтъ злата у меня, чего бояться мнѣ?
Тѣ, кои приключить мнѣ бѣдство уповали,
Тѣ, злобствуя, мнѣ жизнь святую даровали...
Гряди! мужайся, Царь!... смотри на сихъ зміевъ;
Они, срѣтая насъ, обуздываютъ гнѣвъ;
Здѣсь камни дикіе устроились вратами,
Широкій путь отверзтъ идущимъ тѣснотами;
Кремни содѣлались зеленою травой;
Се награждается, о Царь, мой трудъ и твой;
Пойдемъ!... Идущіе всѣ силы вновь подвигли,
И горныя они вершины вдругъ достигли.
Уже по розовымъ они грядутъ цвѣтамъ;
На самой вышинѣ строенье зримо тамъ:
Не мраморомъ оно, не кровлею златою,
Оно гордилося пріятной простотою;
Развѣсисты древа стояли близъ него,
Зеленый зрѣлся холмъ подпорой у него;
Тамъ нѣжилась кругомъ роскошная природа;
Во зданіе сіе не видно было входа.
Водимый тако Царь пустынникомъ молчалъ;
Но духомъ возмущенъ, смутился и вскричалъ:
Я чувствую тщеты, со трономъ сопряженны;
Колико предъ Царемъ пустынники блаженны!
Какъ тихая вода, ихъ сладкій вѣкъ течетъ;
Хочу въ пустынѣ жить! стоная Царь речетъ;
Иди, о старче! вынь изъ сердца смертно жало,

Меня видѣніе которымъ поражало;
Оно напастію грозило мнѣ такой,
Которая уже отъемлетъ мой покой;
Открой судьбину мнѣ!... Взглянувый кроткимъ взоромъ
Пустынникъ ободрилъ Монарха разговоромъ:
Уединенія желаешь ты вотще;
Ты долженъ царствовать до старости еще;
Судьба, которую никто не умоляетъ,
Короны бремя несть тебя опредѣляетъ.....
Угрозъ сердитаго видѣнья не забудь,
Коль хочешь счастливъ быть, Царемъ правдивымъ будь.

Но трудно достигать намъ тайности небесной,
Доколь мы плотію одѣяны тѣлесной;
Превѣчную судьбу отъ смертнаго очей
Сокрылъ на вѣки Богъ во глубинѣ ночей.
Сіяньемъ окруживъ Царя, сіе вѣщаетъ,
И духомъ онъ его на небо восхищаетъ,
Гдѣ животворный огнь, какъ свѣтлый токъ, течетъ;
Градъ Божій указавъ, Вассьянъ царю речетъ:
Здѣсь пламенны стоятъ во мракѣ Херувимы,
Стрегущи дверь судебъ, и имъ судьбы не зримы;
Превыше сихъ, гдѣ звукъ небесныхъ слышенъ лиръ,
Неосязаемый, но чувственный есть міръ;
Сей міръ блистательный, пріятный и нетлѣнный
Есть въ Духѣ Божіемъ чертежъ всея вселенной;
Тамъ солнца нѣтъ во дни, и нѣтъ луны въ ночи,
Но вѣчно тамъ горятъ Всевышняго лучи.
Се! зришь обители, которыя Содѣтель
Устроилъ, гдѣ вмѣщать священну добродѣтель;
Селеньемъ Ангельскимъ сіи мѣста зовутъ,
Нетлѣнны въ храминахъ нетлѣнныхъ здѣсь живутъ:
Которы Бога чтутъ, пороки отметаютъ,
Тѣ скоро въ сей предѣлъ по смерти возлетаютъ.
Здѣсь предка твоего Создатель помѣстилъ,
Который полночь всю крещеньемъ просвѣтилъ:

На третьемъ небеси Владимиръ обитаетъ,
И Божій видя ликъ, восторгомъ духъ питаетъ.
Се! Ольга мудрая, пріемля горній свѣтъ,
Въ безсмертныхъ радостяхъ съ безплотными живетъ;
Превыше всѣхъ планетъ и движимаго неба,
Къ веселіямъ вознесъ Господь съ Борисомъ Глѣба;
Се! храбрый Александръ, включенъ въ верховный санъ;
Се! общій сродникъ нашъ, се! дѣдъ твой Іоаннъ:
Являются очамъ всѣ души тамъ святыя,
Которыми по днесь спасается Россія;
На небѣ Іоаннъ живущу мать узрѣлъ,
Вокругъ ея главы изъ звѣздъ вѣнецъ горѣлъ;
Увы! вскричалъ въ слезахъ, назначено ль судьбою
Мнѣ въ небѣ обитать, любезна мать! съ тобою?
Въ восторгахъ онъ желалъ ее облобызать,
Но тѣла не возмогъ устами осязать;
То былъ единый духъ; и Вассіянъ вѣщаетъ:
Пойдемъ отсель! тебя сей нѣжный видъ смущаетъ;
Имѣющъ радости сіяніе въ лицѣ,
Царю отецъ его встрѣчается въ вѣнцѣ,
И Царь сіи слова отъ Вассіяна внемлетъ:
Воззри, какую мзду мужъ праведный пріемлетъ!
И наша въ Божествѣ почерпнута душа,
Оковы плотскія и узы разрѣша,
Достигнуть райскаго свѣтилища удобна,
Когда на сей землѣ была чиста, незлобна;
Исчезнетъ передъ ней сгущенный звѣздный мракъ;
Познаетъ все она, увидитъ Божій зракъ.
Уже я познаю, въ восторгѣ Царь вѣщаетъ,
Что Богъ и въ жизни сей твой разумъ просвѣщаетъ;
И то, что намъ сулятъ по смерти небеса,
То видятъ на земли премудрыхъ очеса;
Твои уста мнѣ гладъ и бури предсказали,
И бѣдствія меня предвидѣнны терзали;
Прости ты, отче мой! сомнѣнью моему,

Твой свѣтъ не могъ прогнать мою душевну тьму.
Коль мрачны Царскіе безъ мудрости престолы!...
Вѣщалъ, и старцевы сіи внималъ глаголы:
О! если, Іоаннъ, позналь я что нибудь,
Смиренна жизнь моя мнѣ сей отверзла путь;
Душѣ отъ сей земли на небо есть дорога:
Душа есть точное изображенье Бога,
Живетъ и движится въ объятіяхъ Его;
Нашъ духъ есть лучъ живый, Богъ солнце у него!
Отъ мысли сей въ моихъ мольбахъ не удаляюсь,
И сердцемъ въ небеса всечасно воскриляюсь.
Что могъ проразумѣть о будущей судьбѣ,
О Царь! открою то во храмѣ и тебѣ;
Оставимъ небеса; но тайны сей во вѣки
Да слышать отъ тебя не будутъ человѣки!
Отверзу взоръ тебѣ на будущіе дни;
Гряди!... И шествуютъ ко зданію они.
Врата, которыя между стѣнами крылись,
Врата нетронуты входящимъ отворились;
Съ священнымъ трепетомъ грядетъ за старцемъ Царь
И видитъ посредѣ устроенный олтарь;
Подъ нимъ живой воды извился ключъ біющій.
Пустынникъ, къ олтарю рукой Царя ведущій,
На персты взявъ воды, къ Монарху приступилъ,
Онъ очи и чело Царево окропилъ.
Какъ нѣкая кора съ очей его ниспала,
Очистился олтарь, мгновенно тьма пропала,
И будто усладилъ Царя пріятный сонъ;
Что вижу предъ собой? вѣщаетъ старцу онъ;
Или я пренесенъ въ небесную вершину?...
Ты видишь, старецъ рекъ, божественну судьбину;
Колѣна преклони! се книга предлежитъ;
Зри буквы тайныя. И Царь на книгу зритъ:
Крестообразно вкругъ нее лучи спирались,
Въ ней сами отъ себя листы перебирались.

Какъ чистою брега наполненны водой
Являютъ небеса свѣтящи надъ рѣкой:
Во книгѣ ясно такъ изображенно зрится,
Чему назначено въ грядуще время сбыться.
Недвижимъ зритель былъ, пустынникъ замолчалъ.
Се! вижу я себя! въ восторгѣ Царь вскричалъ;
Безъ долговременной и многотрудной брани,
Врата отверзлися мнѣ гордыя Казани;
Ордынскій сильный царь у ногъ моихъ лежитъ,
Приноситъ Волга дань, Кавказъ отъ стрѣлъ дрожитъ;
Смущенна Астрахань упала на колѣни:
Уже моихъ знаменъ въ Сибирь простерлись тѣни;
На Шведовъ громъ падетъ изъ храбрыхъ Росскихъ рукъ,
Вкругъ Белта внемлю я Московской славы звукъ;
Мятежная Литва, какъ агнецъ, усмирилась,
И Нарва съ трепетомъ Россіи покорилась;
Тревожный Новгородъ на вѣки укрощенъ:
Побѣдами покой народамъ возвращенъ;
Поляковъ усмиривъ, я царствую во славѣ;
Сосѣдямъ миръ дарю и миръ моей державѣ...
Престань тщеславиться! смиренный старецъ рекъ,
И знай, что ты не Богъ, но смертный человѣкъ:
Блаженства самъ себѣ не можешь ты устроить,
Коль счастьемъ Богъ тебя не хощетъ удостоить.
　　На оживленныя картины взоръ простри;
Будь твердъ и суету земнаго счастья зри:
Вдругъ виды страшные Монарха поражаютъ:
Тамъ отрока въ крови листы изображаютъ,
Обвившись змій кругомъ, гортань его грызетъ.
Кто отрокъ сей? Монархъ ко старцу вопіетъ.
Я зрю жену надъ нимъ рыдающу, стенящу,
Терзающу власы и жизнь пресѣчь хотящу...
Ты видишь мать его, вѣщаетъ Вассіанъ,
Се сынъ твой! се твоя супруга, Іоаннъ!
О славолюбія неслыханное дѣйство!

Корысти поострятъ убійцевъ на злодѣйство;
Димитрій въ юности увянетъ, яко цвѣтъ.
Царь стонетъ, и едва на землю не падетъ:
Но въ немощи его пустынникъ подкрѣпляетъ,
Во свѣтлыхъ небесахъ Димитрія являетъ.
Скрѣпися, рекъ Царю, во славѣ сына зри,
Какой немногіе причастны суть Цари;
Неувядаему корону онъ получитъ;
Во адѣ вѣчный огнь его убійцевъ мучитъ.
    Спокоило Царя видѣніе сіе;
Но гдѣ, онъ вопросилъ, потомство гдѣ мое?
Какъ вихремъ нѣкакимъ мгновенно отдѣлились,
Вдругъ многіе листы во книгѣ преложились.
Не все испытывай, пустынникъ рекъ Царю,
Я вѣтви твоего потомства отворю:
Ѳеодоръ царствуетъ! не буди безотраденъ;
Но въ немъ изсякнетъ кровь, онъ кончитъ жизнь безчаденъ.
    Со стономъ Іоаннъ, потупя взоръ, молчалъ;
Потомъ, на небеса возведъ глаза, вскричалъ:
Ты, Боже! зиждешь все, Твоя да будетъ воля!
Тобой предписана моя мнѣ въ жизни доля;
Но мучится мой духъ, и слезный токъ течетъ,
Что корень Рюриковъ судьбина пресѣчетъ.
Не сѣтуй! старецъ рекъ: твой плодъ не истребится,
Но долженъ въ нѣдра онъ на время углубиться;
Въ благословенной онъ утробѣ презябетъ,
И выступитъ потомъ торжественно на свѣтъ;
Отъ вѣтви, Царскому колѣну пріобщенной,
Изыдутъ отрасли въ Россіи возмущенной;
Какъ сильный кедръ, они до облакъ возрастутъ,
Народы ликовать подъ сѣнью ихъ придутъ;
Россія возгремитъ и славу узритъ нову!
Но нынѣ обрати твой взоръ ко Годунову,
И другъ и родственникъ онъ сына твоего;
По немъ пріемлюща ты зришь вѣнецъ его;

*

Ты видишь вкругъ его рѣками кровь текущу,
Стенящу истину, невинность вопіющу.
Царь въ черныхъ мракахъ зритъ преемника сего;
Какъ облакъ, носится печаль кругомъ его;
Не веселитъ души ни трономъ онъ, ни славой;
Рукою держитъ мечъ, другой сосудъ съ отравой;
Крѣпитъ на тронѣ власть кровавымъ онъ перомъ;
Но видитъ молніи, вдали внимаетъ громъ,
Смущенные глаза на тучу взводитъ черну,
И Годунова тронъ подобенъ зрится терну.
Кто дни спокойствія Царева погасилъ?
У Вассіана Царь со стономъ вопросилъ.
Раскаянье и грѣхъ, пустынникъ отвѣчаетъ,
Убійца Дмитріевъ отравой жизнь скончаетъ.
Смотри, какъ дѣйствуетъ въ его утробѣ ядъ;
Отрепьева на тронъ Поляки протѣснятъ;
Димитрій убіенъ, но именемъ возстанетъ;
Отмщенье въ образѣ чернца перуномъ грянетъ,
И сына Царскаго на тронѣ умертвитъ.
Но горести въ Москвѣ Отрепьевъ оживитъ;
Не есть и не было толикихъ золъ примѣра:
Благочестивая тѣснима будетъ вѣра;
Въ Россіи тишина исчезла, яко дымъ,
Тамъ страждетъ Патріархъ въ темницѣ Іакимъ;
Латинской вѣрою и лестью упоенный,
Игнатій жезлъ беретъ и санъ первосвященный;
Ко благочинію утратилась любовь;
Сыновъ отечества рѣкой ліется кровь.
Изъ рукъ Отрепьева перунъ въ столицѣ грянулъ;
Но Шуйскій на него съ мечемъ отъ сна воспрянулъ;
Онъ, пламенникъ нося, отъ Россовъ гонитъ страхъ,
Предавъ огню чернца, его развѣялъ прахъ.
Ты видишь Шуйскаго, носящаго корону;
Но зло къ Россійскому прильнетъ, какъ язва, трону.
Междоусобіе въ Россіянахъ горитъ,

Се жало на него злонравіе острить!
Забвенна древняя твоимъ народомъ слава;
На царство Польскаго онъ призвалъ Владислава;
И въ ризу черную Василій облеченъ,
Постриженъ и врагамъ отечества врученъ.
Все царство мракъ покрылъ; ищи въ темницѣ свѣта!
Являетъ онъ Царю въ оковахъ Филарета;
Въ темницу вверженный, но въ ней неустрашимъ,
Изъ Польши пишетъ онъ къ собратіямъ своимъ,
Дабы въ любви сердца къ отечеству крѣпили,
Вѣнца Россійскаго Литвѣ не уступили;
Несчастный старецъ зритъ оковы, пламень, мечъ;
Безсильна смерть его къ предательству привлечь;
Онъ славу соблюсти отечество заставитъ,
И пастырствомъ свой санъ въ Москвѣ потомъ прославитъ.
Се нощь скрывается; зри солнечный восходъ!
Романовыхъ грядетъ отъ Филарета родъ;
Явится въ полномъ онъ сіяньи при началѣ,
И больше свѣта дастъ, чѣмъ въ вѣчность пройдетъ далѣ.
Увы! доколь заря въ Россіи не взойдетъ,
На всю твою страну глубокій мракъ падетъ!
Се тронъ колеблется, хранимый многи вѣки;
Москву наполнили Поляки, будто рѣки;
Забвенны древніе природные Князья;
Ты стонешь, Іоаннъ! стеню и плачу я;
Иноплеменники Москвою овладѣли...
При семъ видѣніи небесны своды рдѣли;
Опустошенныя открылися поля;
Кровавые ручьи, багровая земля;
Растерзанны тѣла гробовъ не обрѣтаютъ,
И птицы хищныя надъ ними вкругъ летаютъ.
Отринула Москва отъ персей томныхъ чадъ.
Къ Россійскимъ ратникамъ приходитъ блѣдный гладъ;
Мечи изъ рукъ падутъ, душевны тлѣютъ силы;
Преобращатся вокругъ стѣнъ шатры въ могилы;

И гладъ бы мужества остатки погасилъ,
Когда бы Мининъ искръ въ сердцахъ не воскресилъ.
Сей другъ отечества на бѣдность взоръ возводитъ:
Беретъ сокровища, къ Пожарскому приходитъ;
Богатство тлѣнъ и прахъ, но славно есть оно,
Коль будетъ общему добру посвящено.
Позналъ имѣнія такую Мининъ цѣну;
Онъ злато изострилъ, дабы сразить измѣну;
Россійской храбрости удерживаетъ вѣсъ,
И се разитъ Орла Россійскій Геркулесъ:
Какъ бурный вихрь Москву Пожарскій окружаетъ,
Кидаетъ молніи, Поляковъ поражаетъ;
Съ другой страны даритъ отечеству покой,
Бросая громъ на нихъ, Димитрій Трубецкой.
Сей родъ современемъ съ тѣмъ родомъ съединится,
Отъ коего пѣвецъ Казанскихъ дѣлъ родится;
Увидѣть свѣтъ ему судьбина повелитъ,
Гдѣ Польшу бурный Днѣпръ съ Россіею дѣлитъ.
Прости, коль онъ тебя достойно не прославитъ,
Любовь къ отечеству писать его заставитъ.
Но взоры Іоаннъ къ Героямъ устреми,
И черную печаль отъ сердца отъими;
Пожарскій съ Трубецкимъ побѣду совершаютъ;
Женутъ враговъ, разятъ и въ бѣгство обращаютъ.
Очистились теперь отъ мрака небеса.
Москвѣ возвращена и слава и краса;
Пожарскому вѣнецъ народомъ поднесется,
Но сей великій мужъ отъ царства отречется,
И сею кротостью Монарховъ превзойдетъ;
Избрать Романова на царство дастъ совѣтъ;
Въ уединеніе потомъ восхощетъ скрыться;
И Филаретовъ сынъ со славой воцарится.
Смотри, какъ мать ему принять вѣнецъ претитъ,
Колеблемый престолъ душѣ ея не льститъ,
И сына образу въ слезахъ она вручаетъ;

Сигклитъ его беретъ, и бармами вѣнчаетъ:
На царство отрокъ сей со славою вступилъ,
И жало Польскаго дракона притупилъ;
Склоненную главу при немъ подъемлетъ царство,
Пріосѣнилося спокойствомъ государство.
Пріемлетъ сынъ его корону Алексѣй,
Законодателемъ владѣтель будетъ сей;
Благоустройство онъ даетъ своей державѣ.
Уготовляется Россія къ новой славѣ.
Преемникомъ своимъ онъ сына наречетъ;
Но смерть Ѳеодора въ цвѣтущи дни ссѣчетъ.
Горька отечеству такая будетъ трата!
Оставитъ по себѣ юнѣйшаго онъ брата.
Что вижу? Царь вскричалъ: что вижу я? Скажи,
Родятся новые въ Россіи мятежи:
Зрю вкупѣ двухъ Царей, и вижу двѣ короны;
Трепещетъ стольный градъ, трепещутъ Царски троны!
Расторглось дружество и братская любовь;
Въ Москвѣ грабежъ и вопль, течетъ по стогнамъ кровь.
Кто сей несчастный мужъ на крестъ въ слезахъ взираетъ,
И за власы влекомъ, на копьяхъ умираетъ?
Кто хитрая сія и гордая жена,
Мнѣ видится, въ вѣнцѣ мечемъ воружена?
Свирѣпыя змѣи свои разверзли зѣвы,
Хотящи жалами язвить уста Царевы [1]).
Но вдругъ печальная простерлась тишина,
Междоусобная укрощена война.
Кто отрокъ сей, скажи, что громы взявъ рукою,
Разитъ мятежниковъ для общаго покою?
Коварство плачуще у ногъ его лежитъ,
Злоумышленіе отъ стрѣлъ его бѣжитъ.

---

[1]) Одинъ изъ стрѣльцовъ прикасался копьемъ своимъ къ устамъ юнаго Петра и кричалъ: ты ли это? Государь много лѣтъ спустя узналъ сего злодѣя, постриженнаго въ монахи и раскаявшагося о его варварствѣ.

Но что! не новые ль рождаются народы?
Иль въ годъ вмѣстилися безчисленные годы?
Столицу вижу я, но вижу не мою!
Въ Москвѣ Россіянъ зрю, но ихъ не познаю!
Се Царь, оставивъ тронъ, простеръ къ работѣ руки;
Цвѣтутъ кругомъ его художества, науки.
Или я вижу сонъ, иль очарованъ взглядъ?
Се вдругъ рождается у Белта пышный градъ!
Скажи, коликими созижденъ онъ Царями?
Единымъ!... Сей единъ да чтится алтарями...
Державу осѣнитъ сей мужъ, какъ нѣкій кедръ...
Се Богъ иль человѣкъ?... Се твой потомокъ, Петръ!
Онъ людямъ дастъ умы, дастъ образъ нравамъ дикимъ,
Россіи нову жизнь, и будетъ слыть Великимъ.
Свѣтило оное вначалѣ мракъ затмитъ,
Сестра противъ него злодѣевъ устремитъ;
Ты видишь, какъ она владѣть престоломъ жаждетъ!
Москва отъ хитрости Софіи гордой страждетъ:
Стрѣльцы Матвѣева безвинну кровь ліютъ.
Се! чашу смертную Нарышкины піютъ.
Но зри Петра, своимъ народомъ окруженна;
Его перуномъ лесть и гордость пораженна:
Тамъ гонитъ онъ за Днѣпръ съ полей Полтавскихъ Льва,
И видитъ новый градъ во дни его Нева.
Парящимъ онъ орломъ въ чужихъ странахъ явился;
Весь свѣтъ его трудамъ и свойствамъ удивился;
Превыше смертныхъ силъ подъемлетъ онъ труды;
Се флотъ, се воинство, науки и суды
Его перунъ въ моряхъ, и громъ на сушѣ грянулъ;
Но въ самыхъ торжествахъ сей мудрый Царь увянулъ!...
Смущенъ пріятною и жалостной мечтой,
Воскликнулъ Іоаннъ: о грозна смерть, постой!
Оставь потомка мнѣ! Но свѣтъ Петра объемлетъ,
И Царь сіи слова отъ Вассіана внемлетъ:
Сей мужъ великими дѣлами долго жилъ,

И жизнямъ Богъ предѣлъ и славѣ положилъ;
Пресвѣтлый духъ Петромъ на небо преселится!
Но онъ въ другомъ лицѣ на землю возвратится,
Познаетъ свѣтъ, когда его прервется вѣкъ,
Лишь только по тому, что былъ онъ человѣкъ.
Во всей подсолнечной сей мужъ себя прославитъ;
Онъ въ плачѣ по себѣ Россію всю оставитъ.
Образованіе душѣ и славѣ сей
Въ крови Нарышкиной устроитъ Алексѣй;
Примѣромъ будетъ онъ всего земнаго круга.
Взойдетъ на царскій тронъ по немъ его супруга;
И славы странъ твоихъ пріумножая звукъ,
Оставитъ Аннѣ тронъ его безчадный внукъ...
И се, Россійскаго къ усугубленью свѣта,
Петрова Дщерь грядетъ на тронъ—Елисавета;
Ознаменуется правленіе сіе
Щедротой, счастіемъ и кротостью ее;
При ней расторгнутся наукъ словесныхъ узы,
Россію посѣтятъ возлюбленныя Музы;
Сѣдящи миртовыхъ древесъ въ густой тѣни,
На лирахъ возгласятъ онѣ златые дни;
Подъ скипетромъ ея цвѣтутъ обильны нивы,
Корону обвіютъ и лавры и оливы,
Науки процвѣтутъ, какъ новый виноградъ,
Шуваловъ ихъ раститъ, Россійскій Меценатъ.
Но кое зрѣлище въ восторгъ мой духъ приводитъ?
Свѣтило новое въ странѣ полночной всходитъ,
Вѣщаетъ Іоаннъ... Теряется мой взоръ;
Колики радости, какой торжествъ соборъ!...
Се! лучшая временъ, пустынникъ рекъ, судьбина,
Пріемлетъ царствія вожди Екатерина;
Премудрость съ небеси въ полночный край сойдетъ,
Блаженство на престолъ въ лицѣ ея взведетъ.
Предъ Ней усердіемъ отечество пылаетъ,
Любовь цвѣтами путь Ей къ трону устилаетъ,

Тѣсна ея лучамъ Россійская страна,
Должна бы озарять вселенну всю Она:
Божественны Она народамъ дастъ уставы,
Гласящи подданныхъ и Государей правы;
Содѣйствуетъ Ея намѣреніямъ Богъ;
Устроитъ совѣсти и милостямъ чертогъ.
Она стенанію вдовицъ и сирыхъ внемлетъ,
Отверженныхъ дѣтей подъ свой покровъ пріемлетъ,
Питаетъ, грѣетъ ихъ, имъ нову жизнь даетъ;
Судя преступниковъ, какъ Матерь слезы льетъ;
Дать подданнымъ покой, лишается покою,
И щедрости ліетъ на всѣхъ людей рѣкою.
Учися царствовать, учися ты у Ней;
Будь подданныхъ отцемъ и жизни ихъ жалѣй!
Какъ крины процвѣтутъ въ Ея державѣ грады,
Упьются тишиной, насытятся отрады;
Училища при Ней какъ маслины цвѣтутъ;
Куда свой взоръ прострετъ, сіяетъ благо тутъ.
Въ великой сей душѣ вмѣщенная Россія,
Преобразивъ свой видъ, увидитъ дни златые.
Екатерина вѣкъ Астреинъ возвратитъ;
Что въ мысляхъ Петръ имѣлъ, то дѣломъ совершитъ;
Отъ гордыхъ пирамидъ и титловъ отречется,
Но Матерью Она сердцами наречется;
Прибѣжищемъ Она народамъ будетъ всѣмъ:
Пріидутъ къ ней Цари, какъ въ древній Виѳліемъ,
Не злато расточать, не зданіямъ дивиться
Пріидутъ къ ней Цари, но царствовать учиться.
Блаженствомъ озаритъ отечество Она,
Въ трудахъ Ее найдутъ Аврора и Луна.
Но буря бранная правленіе тревожитъ,
Шумитъ, и тѣмъ лучей вѣнца и трона множитъ;
Кротка въ отечествѣ, премудра въ тишинѣ,
Явилась грозною и страшной на войнѣ;
Чрезъ дальнія моря восточнымъ движетъ краемъ,

Вѣнцы и славный миръ пріемлетъ за Дунаемъ.
Зри новый на челѣ Екатерины лавръ,
Подносятъ ей вѣнцы Херсонъ и древній Тавръ.
Восточну трепетать Луну Она заставитъ,
Сарматовъ укротивъ, свой вѣкъ Она прославитъ.
Безплоднымъ цвѣсть полямъ въ отечествѣ велитъ;
Расширивъ свой предѣлъ, народы въ немъ селитъ;
Въ пространствѣ черныя восточныя пучины
Шумитъ названіе Второй Екатерины;
Россійски корабли черезъ Босфоръ летятъ,
Югъ, западъ и востокъ, весь сѣверъ богатятъ.
Увеселятъ Ее не лавры, не оливы,
То сердце усладитъ, что люди съ Ней счастливы;
Утѣшитъ страждущихъ, несчастныхъ оживитъ;
Побѣдой возгремѣвъ, щедротой удивитъ;
Возвыситъ разумы, Она исправитъ нравы,
Достигнетъ мудростью безсмертной въ мірѣ славы!
Се Павелъ! старецъ рекъ, душа Ея и кровь;
Зри! коль сильна къ Нему народная любовь;
Приходитъ смерть къ нему въ дни юности съ косою,
Народъ потокомъ слезъ кропится какъ росою;
Проникнулъ небеса Екатерининъ стонъ,
И паки возвращенъ и Ей и Россамъ Онъ.
И вскорѣ томная утѣшилась Россія,
Се! входитъ съ Павломъ въ бракъ прекрасная Марія.
Ликуй со мною, Царь, и веселися ты,
Се вѣтви возрасли отъ корня сей четы;
О коль возлюбленны! о коль они прекрасны!
И вѣки потекутъ въ Россіи безопасны.
Цвѣтами въ честь для нихъ украсились поля,
И въ даръ приноситъ имъ богатый плодъ земля;
Неизмѣримая отверглась благъ пучина;
Безсмертной славою гремитъ Екатерина...
Грядущи времена познать полночныхъ странъ,
Желалъ еще взглянуть во книгу Іоаннъ;

Но вдругъ огонь блеснулъ! Царь къ старцу обратился;
Алтарь затрепеталъ, и мракъ надъ нимъ сгустился.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Отверзъ небесну дверь Денницы перстъ златой,
Румяная заря встрѣчалась съ темнотой;
Гдѣ кисть густую тѣнь отъ свѣта отличаетъ,
Тамъ зрѣніе черты межъ ими не встрѣчаетъ,
Смѣшенье, сходное при утреннихъ часахъ,
Въ сліянномъ съ нощью дни казалось въ небесахъ;
Мракъ тонкій исчезалъ, сіяніе рождалось,
И каждо существо со свѣтомъ пробуждалось.
Тьму гонитъ съ небеси пріятная заря;
Видѣнье гнало прочь печали отъ Царя:
Изъ храма Іоаннъ съ пустынникомъ выходитъ,
И зрѣніе на долъ съ вершины горъ возводитъ;
Сквозь чистый воздухъ зритъ пріятныя поля;
Тамъ нѣжной зеленью одѣлася земля,
И представлялася цвѣты производяща,
Какъ въ первый разъ изъ рукъ Господнихъ исходяща;
Зефиры тихіе играютъ по лѣсамъ,
И свѣжесть отдаютъ землѣ и небесамъ;
Поля жемчужною росою орошенны,
Со мрачностью ночной бѣгутъ пары сгущенны.
Когда бесѣдовалъ съ Монархомъ Вассіанъ,
Сокрылись ужасы отъ сихъ угрюмыхъ странъ,
И дождь, небесный дождь, лѣсовъ и горъ питатель,
Прохлады алчущимъ и жизни сталъ податель:
Какъ будто старцевыхъ внимая силѣ словъ,
Рѣкою зашумѣлъ изъ хладныхъ облаковъ;
Долины томныя и рощи оживились,
Былинки напились, цвѣты въ лугахъ явились;
Лазоревый покровъ одѣлъ поверхность горъ.
Взводя на все сіе Монархъ веселый взоръ,

Вѣщалъ: Великій Богъ! о коль Тебѣ нетрудно
Во свѣтѣ то творить, что дивно намъ и чудно!
Но трудно намъ Твои щедроты заслужить,
Ты Богъ, и Бога мы умѣемъ раздражить.
Глубоку мысль сію питай всегда о Богѣ;
Но, старецъ рекъ, иди; твой станъ теперь въ тревогѣ;
Иди! друзей твоихъ и войски успокой,
Неизреченною снѣдаемы тоской;
При семъ не забывай ужаснаго видѣнья:
Твой Богъ тебѣ Отецъ; ты будь отцемъ владѣнья!
Разумный Царь почтенъ, хотя несчастенъ онъ;
Но злоключенія, пороки зыблютъ тронъ.
Пріосѣнивъ Царя, съ горы его низводитъ,
Гдѣ спящаго въ травѣ Алея Царь находитъ;
Се вѣрный рабъ тебѣ! Монарху старецъ рекъ,
Не въ дружбѣ, но въ любви онъ слабый человѣкъ;
Люби и чти его!... Алей свой сонъ оставилъ.
Сокрылся Вассіанъ... Царь къ войску путь направилъ;
И слезы радостны лія въ сей мирный часъ,
По бѣдствахъ видъ имѣлъ спокойный въ первый разъ.
Во станѣ между тѣмъ, когда Монархъ сокрылся,
Неизрѣченный страхъ и ужасъ воцарился;
Адашевъ по шатрамъ ходилъ какъ внѣ ума,
Ему казалася мрачнѣе нощи тьма,
Колеблемой—земля, по коей онъ ступаетъ;
Молчитъ, языкъ его къ гортани прилипаетъ;
Трепещетъ какъ тростникъ, во всѣ страны смотря;
Не смѣетъ вымолвить, что нѣтъ нигдѣ Царя;
Онъ рыщетъ по лѣсамъ, на холмы онъ взбѣгаетъ;
Услышать ходъ Царевъ, къ землѣ онъ прилегаетъ;
Не внемлетъ и не зритъ!... Толико грозный рокъ
Надолго скрытымъ быть отъ воинства не могъ:
Царево тайное отсутствіе познали;
Винить лишеньемъ симъ другъ друга начинали;
Претерпѣвающи злосчастье многи дни,

Въ сей часъ несчастными почли себя они;
Печали, гладъ, тоска, гоненья, скорби люты,
Явились страшны имъ, лишь только съ сей минуты.
Гдѣ Царь нашъ? гдѣ нашъ другъ? повсюду вопіютъ;
Умолкнутъ вдругъ они и токи слезъ ліютъ!...
Но ратниковъ въ сей часъ внимая сокрушенью,
Послали Небеса прохладу къ утѣшенью:
Древами зашумѣлъ зефиръ издалека,
И многоводныя надвинулъ облака,
Которы въ воздухѣ какъ горы вкругъ ходили,
Сперлись, и вдругъ поля и рощи одождили.
Владѣющій до днесь Ордынскою страной,
Отъ вѣтровъ прячется подъ жаркій поясъ зной;
Цвѣты и былія въ долинахъ оживали;
А ратники Царя лишенны унывали;
Омытые дождемъ среди своихъ прохладъ,
Вѣщали: зной пошли, о Небо! намъ пазадъ;
Да голодъ насъ мертвитъ и жажда несказанна,
Лишь только намъ отдай обратно Іоанна!
Разсыпались они по дебрямъ и лѣсамъ,
Простерлись голоса плачевны къ Небесамъ;
Отдайте, горы, намъ Царя! они взываютъ:
Изъ рощей, изъ пещеръ Монарха призываютъ;
Но повторяемый стократно въ дебряхъ гласъ
Имъ будто отвѣчалъ: Монарха нѣтъ у насъ.
Съ вечернія зари до утренней ходили;
Безстрашнымъ, тропки имъ сумнѣнье наводили.
Уже предъ свѣтлою зарей исчезла тѣнь,
Луна подъ землю шла и воцарялся день;
Адашевъ, слѣдуя склоненію Цареву,
Рыдая шелъ къ тому развѣсистому древу,
Подъ коимъ Іоаннъ въ нощи видѣнье зрѣлъ.
Онъ шлемъ и мечъ его подъ древомъ усмотрѣлъ,
Которые Монархъ въ забвеніи оставилъ,
Когда къ пустыннику съ Алеемъ путь направилъ.

Какое смутное видѣнье для него!
Оледенѣла кровь вкругъ сердца у него;
Воскрикнуть хощетъ онъ, но не имѣетъ мочи;
Остановилися стопы его и очи.
Такое зрѣлище, какъ острая стрѣла,
Пронзила грудь его и сердце сквозь прошла;
Онъ руки къ небесамъ трепещущи возноситъ,
Истолкованія въ семъ дѣлѣ темномъ проситъ;
Взрыдалъ, и предъ собой воителей узрѣлъ!
Какъ хладный истуканъ, на нихъ Герой смотрѣлъ;
Воители его болѣзнью сострадаютъ,
Бія во грудь себя, на землю упадаютъ.
Волнующійся духъ въ Адашевѣ утихъ,
И вопрошающу о Іоаннѣ ихъ,
Объемлющи его колѣни повторяли:
Увы! и мы Царя Алея потеряли!
Тогда повѣдаютъ, гонимы рокомъ злымъ,
Свое свиданіе и разлученье съ нимъ;
Адашева въ тоскѣ ихъ повѣсть утѣшаетъ,
Онъ къ рощѣ, гдѣ Алей сокрылся, поспѣшаетъ;
Летитъ чрезъ холмы онъ, усердіемъ горя,
И зритъ вдали... онъ зритъ... идущаго Царя!
Какъ огнь влечетъ къ себѣ свѣтильникъ потушенный,
Такъ былъ къ Царю влекомъ Адашевъ восхищенный;
Онъ будто Ангела сходяща зрѣлъ съ небесъ,
Въ объятія къ Царю повергся съ токомъ слезъ.
Ты вѣрнымъ другомъ быть, вѣщаетъ Царь, умѣешь;
Единаго искавъ, ты двухъ друзей имѣешь;
Объ отлученіи моемъ не сожалѣй;
Не плачь, я здравъ, и вѣренъ намъ Алей.
Тѣ рѣчи общее спокойство увѣнчали.
Зефиры къ воинству слова сіи помчали;
Пріятнѣй вѣсть была зари лучей златыхъ,
И сладостнѣй дождя по многихъ дняхъ сухихъ,
Свѣтлѣе небеса и солнце появилось;

Вѣщаньемъ о Царѣ все войско оживилось.
Пришелъ нашъ Царь! пришелъ! повсюду вопіютъ;
Имъ взгляды Царскіе обратно жизнь даютъ!
Касаясь ризъ его, стопы его лобзаютъ,
И воплемъ радостнымъ небесный сводъ пронзаютъ.
Какъ токомъ водъ Мойсей пустыню усладилъ,
Которы онъ жезломъ изъ камня исцѣдилъ:
Подобно Царскій взоръ, едино къ войскамъ слово,
Прохладу имъ сулятъ, покой и счастье ново;
Его присутствіе блаженство принесло;
Воскресли радости и стало мертво зло.
Внимая грому трубъ Россійскихъ, смутны Орды
Престали дерзки быть, престали быти горды;
Какъ юница падетъ къ стопамъ идуща льва,
Простерлись предъ Царемъ Кокшайцы и Мордва;
Приходятъ, въ дань ему корысть и жизнь приносятъ,
За наглости свои помилованья просятъ,
Вѣщая искренно, что двигли ихъ на брань
И суевѣріе, и гордая Казань;
Два мрака души ихъ и мысли ослѣпили,
Что въ буйности они къ измѣнѣ приступили;
Но совѣсть изгнала вражду изъ ихъ сердецъ,
И быть они хотятъ рабами наконецъ.
Со умиленіемъ Монархъ просящимъ внемлетъ,
И въ подданныхъ число своихъ враговъ пріемлетъ.
Тогда наполнился ущербъ его полковъ,
Донынѣ множимый отъ скорби и враговъ;
На мѣсто страждущихъ, на мѣсто умерщвленныхъ,
Находитъ храбростью людей одушевленныхъ.
Такое диво зрѣлъ въ Колхидіи Язонъ,
Когда, разсѣя тамъ зміины зубы, онъ
Увидѣлъ шлемы вдругъ, щиты, мечи блестящи
И войски изъ земли какъ класы исходящи.
Кочующи Мурзы, внимая ратный шумъ,
Потупили глаза, унизивъ гордый умъ;

Изъ подъ Казанскаго расторженна покрова,
Отъ молніи, что ихъ разить была готова,
Россійскаго Орла подъ крылья притекли,
И тамъ пристанище отъ бурей обрѣли.
Склонилися къ нему Висей со Еникеемъ;
Монархъ отнынѣ сталъ ихъ другомъ, не злодѣемъ.
Какъ бурная рѣка со воинствомъ своимъ
Къ Свіяжску двигнулся, и страхъ пошелъ предъ нимъ;
Соединилися—о дивная премѣна!—
Махометанскія съ Россійскими знамена.
Уже, какъ два крыла раскинувый орелъ
По воздуху съ дѣтьми, такъ Царь на брань летѣлъ;
Подобны тучамъ двумъ, двѣ зрѣлись войска части,
Предохраняющи Россію отъ напасти.
Когда вступилъ Герой въ Свіяжскія поля,
Ликующей ему представилась земля;
Которыхъ жители Россіи покорились,
Тѣ селы въ тишинѣ какъ садъ изобразились;
Щедротой ихъ привлекъ къ покорству Іоаннъ:
Исчезла злоба ихъ противу Христіанъ;
Не изнуренные ни данью, ни трудами,
Между великими покоятся скирдами;
Тамъ нивы тучныя, тамъ сладкіе плоды,
Казали роскоши и счастія слѣды;
Среди прозрачныхъ водъ, въ лугахъ, въ долинахъ мирныхъ,
Срѣтаются стада воловъ и агнцевъ жирныхъ;
Подъ тѣнію древесъ вѣнки пастушки вьютъ,
Пріятну жизнь онѣ и нѣжности поютъ.
Тамъ ризу пеструю раскинула природа;
Написанна въ очахъ у всѣхъ цвѣла свобода;
Ласкаютъ воинство, за войскомъ идутъ въ слѣдъ
Усердны жители, нося млеко и медъ.
Какое двухъ державъ несходство предлежало!
Увеселивъ глаза, оно сердца сжимало,
И жалость, во слезахъ на воиновъ воззрѣвъ,

Умножила въ Царѣ стремленіе и гнѣвъ;
Не смѣлъ ни зной, ни вихрь въ пути его тревожить,
Но радость общую и Царскую умножить.
Едва полки въ Свіяжскъ оружія внесли,
Съ Морозовымъ ладьи ко брегу притекли,
И вопль, веселый вопль небесный сводъ пронзаетъ!
Отъ волнъ спасеннаго какъ сына мать лобзаетъ:
Съ такимъ восторгомъ Царь пловущихъ цѣловалъ,
Которыхъ потерять на вѣки уповалъ.
Умысливъ дать примѣръ Казани горделивой,
Едва вступилъ въ Свіяжскъ сей Царь миролюбивой,
Со увѣщаніемъ и кротостію словъ,
Оливку вѣтвь вручилъ, послалъ туда пословъ;
Велѣлъ мятежникамъ кичливыя Казани
Миръ вѣчный предложить или кровавы брани.
Ведущая меня донынѣ на Парнассъ,
О Муза! укроти на время трубный гласъ.
Послы грядутъ въ Казань со миромъ, не съ войною;
Въ сей градъ, мятежный градъ, прейди и ты со мною;
Повѣдай прежнихъ бѣдствъ Алеевыхъ вину,
Развратъ его представь,—дай лиру, пѣть начну!
Подъ лунною чертой Духъ темный обитаетъ,
Который день и ночь по всѣмъ странамъ летаетъ,
Рождаетъ онъ вражды между земныхъ Князей,
Рождаетъ мятежи, разрывы межъ друзей,
Онъ вноситъ огнь и мечъ въ естественны законы,
Гражданску точитъ кровь, колеблетъ Царски троны;
Сердца тревожитъ онъ, супружни узы рветъ;
Всѣхъ мучитъ, всѣхъ крушитъ, Раздоромъ онъ слыветъ.
Сей Духъ существовалъ при сотвореньи неба;
Единородный сынъ и Нощи и Ереба,
Во мракѣ утаясь, сіянье похищалъ,
Молчащу тишину, ставъ бурей, возмущалъ;
Во мразѣ кроясь, сражался съ теплотою;
Онъ воздухъ вооружалъ на брань съ водой густою.

Когда въ Едемѣ жилъ безбѣдно человѣкъ,
Во древѣ знанія скрывалъ желѣзный вѣкъ;
Надъ нашимъ праотцемъ, праматерью прельщеннымъ,
Плодомъ возликовалъ вкушенью запрещеннымъ:
На шарѣ здѣшнемъ онъ отъ тѣхъ временъ живетъ;
Гнѣздилище его и царство—цѣлый свѣтъ.
Онъ сѣетъ тамо зло, гдѣ только есть народы;
Пустыни гдѣ найдетъ, мутитъ песчаны воды;
Дыхаетъ пламенемъ изъ чрева онъ земли;
Бросаетъ въ ярости о камень корабли;
Въ пучинѣ воздуха онъ скорби растравляетъ,
Онъ движетъ бурями, и громы составляетъ;
Болѣзни, горести, земное каждо зло—
Изъ мрачныхъ чреслъ его въ сей міръ проистекло.
Безбожіе, во тму бездонну погруженно,
Лежало будто бы перуномъ пораженно;
Кометѣ пламенной его подобенъ видъ;
Терзаютъ грудь его досада, гнѣвъ и стыдъ.
Туманны очеса на Іоанна взводитъ,
Ожесточается, трепещетъ, въ ярость входитъ,
Вѣщаетъ: Нѣтъ! Москвѣ не дамъ торжествовать!
Смущу Казань, смущу! адъ будетъ ликовать!
И страшный пламенникъ рукой дрожащей емлетъ;
Изъ вѣчной тьмы ползетъ, главу свою подъемлетъ;
Шипящи у него ехидны вкругъ чела,
Изображая страхъ разгнѣваннаго зла;
Куда ни ступитъ, все мертвитъ и пожигаетъ;
Въ свирѣпствѣ, въ бѣшенствѣ къ Раздору прибѣгаетъ:
Чего ты мѣшкаешь? со стономъ вопіетъ;
Въ пріятной тишинѣ покоится весь свѣтъ;
Казань безпечною любовью услажденна,
Иль скоро быть должна Россіей побѣжденна,
Или не постыдясь невольническихъ узъ,
Съ Москвою рабственный содѣлаетъ союзъ.
Настанетъ здѣсь покой! Почто, почто коснѣешь?

Стыдись, что званіе Раздора ты имѣешь;
Смутило бъ я весь міръ, но дѣло то твое:
Для сихъ великихъ дѣлъ имѣешь бытіе.
Безбожіе раздоръ къ злодѣйству ополчаетъ,
И пламенникъ ему изъ рукъ своихъ вручаетъ,
Со скрежетомъ сказавъ: Гряди, гряди въ Казань,
И тамо сѣй вражду, мятежъ, измѣну, брань!...
Ко поднебесности восточной уклонился,
И пламенной змѣей Раздоръ въ Казань пустился.
Любовью видитъ онъ Сумбекинъ полный взоръ;
Но въ грудь ея взглянувъ, прочелъ на ней притворъ,
Примѣтилъ скрытую у ней на сердцѣ рану,
Къ Алею хладъ одинъ, но всю любовь къ Осману.
Тогда, объемля градъ геенскихъ мракомъ крылъ,
Съ Сумбекой на вражду Османа примирилъ.
Любовной страстію Царица ослѣпленна
Не зрѣла бездны той, въ котору углубленна;
И терна межъ цвѣтовъ не чувствуя, она
Склонила злобнаго къ совѣту Сагруна;
Признаніемъ болѣзнь сердечну облегчила;
Несчастная! она злодѣю мечъ вручила;
Открылася во всей мучительной любви,
Возобновленный жаръ казала во крови;
Но миръ уставленный, пріятный миръ съ Османомъ
Еще прикрасила лукавствомъ и обманомъ;
Повѣдала она предвозвѣщанья тѣ,
Которы ей изрекъ супругъ ея въ мечтѣ,
Что грома страшнаго не будетъ слышно брани,
Доколѣ Царь Алей не выдетъ изъ Казани.
Коль мнѣ изгнать его, воскрикнула она,
Мгновенно закипитъ кровавая война;
Когда съ нимъ купно жить, и здѣсь Царя оставить,
Спокойства сладкаго не можно мнѣ возставить;
Что дѣлать и къ чему несчастной прибѣжать?
Того люблю, того не смѣю раздражать.

Сагрунъ, который ихъ, какъ тартаръ, ненавидѣлъ,
Внимая рѣчи тѣ, вблизи надежду видѣлъ,
Надежду лестную, котора наконецъ
Казанской для него вдали плела вѣнецъ;
Густыми мраками лукавства онъ увился,
Недоумѣвающимъ задумчивымъ явился;
Не показующій измѣны никакой
Нахмуренно чело дрожащей теръ рукой;
Потомъ, какъ будто бы тревожась и робѣя,
Вѣщалъ: усилила, Царица, ты Алея;
Мы бременемъ его руки угнетены;
Кѣмъ сѣти для него быть могутъ сплетены?
Я только то скажу, что жалость я имѣю;
Но далѣе вѣщать не долженъ и не смѣю.
Вѣщай, и не страшись, Сумбека вопіетъ;
Ахъ! если грѣхъ любить, такъ цѣлый грѣшенъ свѣтъ.
Увы, несчастная! но я вѣнца лишуся,
Когда отсель изгнать Алея соглашуся;
Слова пророчески могу-ль пренебрегать?
Могу ли завсегда Османа убѣгать?
Сумбека мучилась, Сумбека тосковала,
И руки у раба рыдая цѣловала.
Къ толикимъ низостямъ приводитъ нѣжна страсть!
Влекущій по цвѣтамъ Сумбеку въ стыдъ, въ напасть
Сагрунъ вздыхая рекъ: Несчастная, тобою,
Твоей любовію и лютою судьбою
Растрогалась душа; подамъ тебѣ совѣтъ;
Но, можетъ быть, его почтетъ жестокимъ свѣтъ;
Однако гдѣ волна ладью къ скаламъ бросаетъ,
Тамъ каждый плаватель себя отъ волнъ спасаетъ.
Ты вѣдаешь, что два столѣтія назадъ,
На мертвомъ черепѣ воздвигнутъ здѣшній градъ,
Но вмѣсто должныя главы Махометанской,
Обманомъ въ землю скрытъ невольникъ Христіанской;
И здѣсь погребена Россійская глава,

А тѣмъ пророчески нарушены слова,
Которыхъ никогда Сагрунъ не позабудетъ:
Чья будетъ здѣсь глава, того и царство будетъ!
И такъ прейдетъ во власть Россіянъ городъ сей,
Коль мы не отвратимъ погибели своей;
Когда пророчества народу не припомнимъ,
И ясныхъ словъ такихъ мы свято не исполнимъ.
Въ вѣщаніяхъ всегда безплотный справедливъ:
Алей во градѣ семъ не долженъ быти живъ.
Не мысли, чтобы сей совѣтъ внушала злоба;
Но чаю, твой супругъ не съ тѣмъ возсталъ изъ гроба,
Чтобъ главный нашего отечества злодѣй
Супругу получилъ и тронъ его—Алей;
Не можно склонну быть ему на мысль такую;
Я инако слова пророчески толкую,
И тако думаю, что втайнѣ думалъ онъ
Для точной пагубы Алея звать на тронъ.
Алей уйдетъ отсель, я то вѣщаю смѣло;
Но не уйдетъ его изъ стѣнъ Казанскихъ тѣло;
Махометаниномъ развратникъ сей рожденъ,
И долженъ быть на немъ сей городъ утвержденъ.
Невольничью главу его главой замѣнимъ,
Себя чрезъ то спасемъ, во благо зло премѣнимъ,
Его погибелью Казанцевъ оживимъ,
Супругу твоему вниманіе явимъ;
Но, впрочемъ, на моихъ словахъ не утверждайся,
Страдай, крушись, терпи и браней дожидайся!
Сіе вѣщалъ Сагрунъ, имѣвый тусклый взглядъ;
Свирѣпство отрыгалъ его устами адъ;
Коварства у него, что въ сердцѣ обитали,
Невидимую сѣть Сумбекѣ соплетали;
Хотя ослѣплена, хотя была страстна,
Но заразилася свирѣпствомъ и она,
И грознымъ кажду рѣчь сопровождая взоромъ,
Ко злобѣ двигнута содѣлалась Раздоромъ;

Онъ крылья распростеръ, къ темницѣ полетѣлъ,
Нашелъ Османа тамъ, его въ чертогъ привелъ,
И тамъ, разсудки ихъ лишивъ съ Сумбекой свѣта,
Составилъ точный видъ геенскаго совѣта;
Тамъ Злоба извлекла окровавленный мечъ;
Она клялась народъ къ предательству возжечь;
Простительнымъ сей грѣхъ имъ зло изобразило,
И жало имъ свое, какъ мечъ, въ сердца вонзило;
Заставила Вражда убійство имъ любить.
Тогда условились Алея погубить.
Сагрунъ съ веселіемъ безумной волѣ внемлетъ,
Народъ возволновать на свой отвѣтъ пріемлетъ,
Но чая умыслъ свой съ успѣхомъ предначать,
Довѣренности въ знакъ взялъ царскую печать.
  Вѣщай Сумбекинъ гнѣвъ печальнымъ звономъ, лира:
Въ любови сдѣлавшись вторая Деянира [1]),
Притворно пламенна, притворно ставъ нѣжна,
Прислала съ ризою раба къ Царю она;
Но твердую щитомъ имѣя добродѣтель,
Отъ смерти близкія избавился владѣтель;
Въ сіи часы Османъ къ нему съ мечемъ влетѣлъ,
И смерти пагубной предать его хотѣлъ,
И въ самы тѣ часы, раздоръ въ народѣ сѣя,
Сагрунъ изображалъ измѣнникомъ Алея;
Отъ Царскаго двора отгнать сомнѣнье прочь,
Для возмущенія глубоку избралъ ночь.
  Внутри Казанскихъ стѣнъ, надъ тинистымъ Булакомъ [2]),

---

[1]) Дейянира—дочь царя Энея Калидонскаго, жена Геркулеса, извѣстная печальной судьбой, составляющей содержаніе „Трахинянокъ“ Софокла: кентавръ Нессъ, убитый Геркулесомъ, отмстилъ своему убійцѣ, подаривъ его женѣ, въ качествѣ драгоцѣннаго талисмана, окровавленную тунику, въ которой заключался ядъ. Дейянира, желая привлечь къ себѣ любовь своего супруга, облеклась въ эту тунику, и такимъ образомъ, пала жертвою своей любви.

[2]) Названіе ручейка или канала, протекающаго по г. Казани.

Висящій холмъ сѣдый есть многихъ лѣтъ признакомъ;
Тамъ дубы гордые разметисто расли,
Они верхи свои до облакъ вознесли,
И вѣтви по струямъ далеко простирали,
Отрубленну главу подъ корнями скрывали;
На сей-то дикій холмъ, ко брегу мутныхъ водъ,
Въ полночный часъ прійти Сагрунъ склонилъ народъ.
Всегда бываетъ чернь къ премѣнамъ ненасытна,
И легкомысленна она, и любопытна.
Едва свѣтило дня спустилося въ моря,
Погасла въ небесахъ вечерняя заря
И звѣзды отъ страны полночной возблистали,
Казанцы подъ стѣной сбираться въ груду стали;
Немолкный шумъ древесъ, блистающа луна
И царствующа вдругъ глухая тишина
Непостижимый страхъ въ сердцахъ производили;
Казалось, тѣни вкругъ невидимо ходили;
Вдругъ нѣкій бурный вѣтръ по рощѣ зашумѣлъ,
Сагрунъ, держащъ кинжалъ, толпы въ средину вшелъ;
Былъ видѣнъ на лицѣ лишенный духъ покою;
Онъ хартію держалъ дрожащею рукою;
Кровавыми народъ глазами озиралъ;
Безмолствуя, и страхъ и ужасъ онъ вперялъ;
Вздохнулъ, и тако рекъ со стономъ лицемѣрнымъ:
Скажите: точно ли пришелъ я къ правовѣрнымъ?
Не знаю, говорить, или еще молчать?
Но какъ я утаю Царицину печать!
Она вамъ истину рѣчей моихъ докажетъ,
И то, что думаетъ Царица, вамъ разскажетъ;
Я токмо есмь ея истолкователь словъ:
Казанцы! громъ съ небесъ ударить въ насъ готовъ;
Вы льститесь, увѣнчавъ Алея, быть въ покоѣ:
О! коль обманчиво спокойствіе такое!
Подъ видомъ дружества сей врагъ пришелъ въ Казань,
Дабы въ корысть собравъ съ Махометановъ дань,

Ордынцевъ разорить и, давъ уставы новы,
Казанцевъ заманить въ Московскія оковы:
Сей извергъ естества (злокозненный вѣщалъ)
На васъ кресты взложить Россіи обѣщалъ.
Изображаетъ онъ ужаснымъ Христіанство,
Народъ въ страданіи, во тьмѣ Махометанство,
Вельможей въ нищетѣ, Сумбеку во плѣну
И въ рабствѣ горестномъ Казанскую страну;
О други! говоритъ, прощайтесь со женами
И дщерей горькими оплачьте вы слезами!
Какъ стрѣлы, тѣ слова, вѣщая, онъ кидалъ,
Сумбекою свои доводы подтверждалъ...
Вдругъ ропотъ возстаетъ, народъ поколебался;
Какъ будто бы вода при бурѣ взволновался.
Движенія придать волненію сему,
Сагрунъ стеная рекъ собранію всему:
Хотите ль, братія, отечеству радѣя,
Хотите ль истребить измѣнника Алея?
Хотимъ! вскричалъ народъ... Клянитеся мнѣ въ томъ;
Зло должно истреблять равнообразнымъ зломъ;
И если къ вѣрѣ вы привязаны любовью,
Запечатлѣйте вашъ союзъ злодѣйской кровью;
Здѣсь Христіанская глава въ землѣ лежитъ,
Надъ ней присягу намъ устроить надлежитъ,
Дабы вѣнчаннаго злодѣя въ градѣ вами
Привыкнуть поражать неробкими руками;
То дѣлайте, что я... Онъ, въ руки взявъ кинжалъ,
Который у него отъ варварства дрожалъ,
Разрылъ всю землю вкругъ: въ ней кости осязаетъ,
Влечетъ главу, и мечъ въ чело ея вонзаетъ;
Но пламень издала разрушася она,
И въ ужасъ привела народъ и Сагруна...
Казанцы, варварскій примѣръ въ очахъ имѣя,
Разятъ главу, разить готовяся Алея;
Поднявъ кинжалы вверхъ, клянутся Сагруну,

Призвавъ въ свидѣтельство свирѣпства ихъ луну.
Луна подвиглась вспять, когда на нихъ воззрѣла,
И темной тучею лицо свое одѣла;
Но въ ярости народъ толико дерзокъ сталъ,
Что онъ небесну тьму за добрый знакъ считалъ.
Роптанье, буйство, шумъ, проклятія народны
Производили громъ, какъ рѣки многоводны.
Убійствомъ жаждущій Сагрунъ, исторгнувъ мечъ,
Ведетъ Казанску чернь всеобщій бунтъ возжечь;
Ругаются они вѣнцомъ и Царскимъ саномъ.
Но вдругъ встрѣчаются внутри двора съ Османомъ,
Который, шествуя, стеналъ, блѣднѣлъ, дрожалъ,
И вшедшимъ возвѣстилъ, что Царь Алей бѣжалъ.
Земля подъ Сагруномъ тогда поколебалась,—
Толико страшной вѣсть преступнику казалась!
По сердцу у него распростирался мразъ,
И слезы потекли отъ ярости изъ глазъ;
Но свѣдавъ, кто сокрылъ отъ звѣрства ихъ Алея,
Всю ярость устремилъ и злобу на Гирея;
Свой мечъ, кровавый мечъ въ невинну грудь вонзить...
Вздохнулъ, и клятву далъ Гирея поразить...
Лѣнивою ногой къ намъ счастіе приходитъ,
На крыльяхъ зло летитъ и пагубу наводитъ;
Святые алтари разитъ нерѣдко громъ!
Спокоенъ шелъ Гирей, избавивъ друга, въ домъ;
Благополучнымъ быть своею дружбой чаетъ,
Грядетъ, и Сагруна съ народомъ онъ встрѣчаетъ.
Какъ хищный вранъ летящъ по воздуху шумитъ,
Сагрунъ, изсунувъ мечъ, такъ бѣгъ къ нему стремитъ;
И громко возопилъ: Отдай ты намъ Алея,
Или въ тебѣ почту отечества злодѣя!
Но будто страшную увидѣвый змію,
Гирей подвигся вспять, внимая рѣчь сію;
Врагами окруженъ и видя мечъ блестящій,
Мгновенной смертію за дружество грозящій,

Алея ищете, отвѣтствуетъ, стеня:
Алей недалеко: онъ въ сердцѣ у меня!
И если вы узнать, гдѣ скрылся онъ, хотите,
Такъ вскройте грудь мою, и въ ней его ищите;
Онъ былъ, и нынѣ тутъ!... Сія святая рѣчь,
Которая бъ должна потоки слезъ извлечь,
Подвигла къ лютости сердца сіи суровы;
Гирея повлекли и ввергнули въ оковы.
Влекомый Сагрономъ сей мужъ на смертну казнь,
Спокойный видъ имѣлъ, а тотъ въ очахъ боязнь;
Порокъ всегда унылъ, спокойна добродѣтель:
Сагрунъ повелѣвалъ народомъ, какъ владѣтель.
И самовластенъ ставъ по злобѣ при дворѣ,
Назначилъ смертну казнь Гирею на зарѣ.
Межъ тѣмъ крушенія и безпокойства многи,
Какъ адъ, наполнили Сумбекины чертоги:
Тамъ черная печаль, разлившися кругомъ,
Своею ризою покрыла Царскій домъ;
Сумбеку и любовь и совѣсть угрызаетъ,
Надежда веселитъ, отчаянье терзаетъ,
Любовь утѣхи ей, невѣрность страхъ сулитъ;
Алея въ миртовыхъ садахъ искать велитъ.
Сѣтьми еленница какъ будто устрашенна,
Бѣжитъ по комнатамъ спокойствія лишенна.
Алея въ комнатахъ, въ садахъ—Алея нѣтъ;
Стеняща, Сагруна коварнаго клянетъ.
Не нѣжность клятвы тѣ, не жалость извлекала,
Пророчества страшась, утекшаго искала;
И токи слезъ ея единый былъ обманъ;
Ей нуженъ не Алей, но нуженъ ей Османъ:
Казалося, въ одномъ другова погубила
И паче, нежель честь, порокъ она любила;
Гирея плѣннаго истязывать велитъ;
Ему сокровища за искренность сулитъ.
Но сей примѣрный другъ, какъ нѣкій твердый камень,

Пренебрегающій валы и молній пламень,
Въ бездонной глубинѣ недвижимо стоитъ,
Взнося чело свое, на громъ спокойно зритъ.
Безсильна искусить честнаго человѣка,
Съ Гирея снять главу дозволила Сумбека.
Притворство, хитрости, лукавство и боязнь
Гирею скорую приготовляли казнь.
Уже небесное горящее свѣтило
Ордынскія поля и горы озлатило;
Но будто бы Казань гнусна была ему,
Взирая на нее, скрываетъ лучъ во тьму;
Несчастье ли оно Казанцамъ предвѣщало,
Или свое лицо отъ зла ихъ отвращало,
Но солнце чрезъ Казань подобно такъ текло,
Какъ будто зрѣлося сквозь темное стекло.
Погасъ небесный огнь, но не угасла злоба;
Невинность повлекла она ко дверямъ гроба;
Подобенъ многому сліянью шумныхъ водъ,
Тѣснится стекшійся по улицамъ народъ.
За добродѣтели на смерть безчеловѣчну,
Изъ временной идетъ Гирей въ темницу вѣчну:
У ногъ трепещущихъ сѣкиру смертну зритъ;
Се жребій твой,—Сагрунъ Гирею говоритъ,
Въ услугахъ ты своихъ Алею сталъ безплоденъ,
Яви ты намъ его, и будешь ты свободенъ.
Похвально дружество; но ежели мы имъ
Наносимъ общій вредъ, мы дружбою грѣшимъ!...
Тебѣ ли чувствовать, рекъ узникъ, дружбы благо?
Не посрамляй, злодѣй! ты имени святаго;
Небесна дружества извѣстна тѣмъ степень,
Кто совѣстію чистъ, какъ солнце въ ясный день;
А ты, носящій ядъ и хитрость во утробѣ,
Какъ ноющую кость и тьму во хладномъ гробѣ,
Учися твердости, злодѣй, у чувствъ моихъ,
И знай, что дружество мнѣ даровало ихъ;

Оно безцѣннѣй всѣхъ богатствъ земнаго круга;
Пріятна съ другомъ жизнь, и смерть сладка за друга;
О мой любезный Царь! о часть моей души!
Спокоенъ будь, Алей, отъ сихъ убійцъ спѣши;
Гдѣ ты ни странствуешь, въ лѣсахъ, въ вертепахъ, въ морѣ,
Мой духъ, безплотный духъ, тебя обрящетъ вскорѣ;
Заставитъ онъ узнать по нѣжностямъ себя,
Дохнетъ и спрячется онъ въ сердцѣ у тебя.
А вы, несчастные вельможи и граждане!
Рыдаю, видя васъ во пагубномъ обманѣ;
Прощаетъ васъ моя ко ближнему любовь;
Но, ахъ! невинная отмстится вскорѣ кровь;
Сагрунъ!... се смерть тебя крылами осѣняетъ!...
Вѣщая то, главу подъ острый мечъ склоняетъ.
Сагрунъ умножить зла, а страхи уменьшить,
Уже повелѣвалъ скорѣе казнь свершить.
Се мечъ уже сверкнулъ! но вдругъ, какъ вихрь шумящій,
Народъ разсѣлся отъ казни прочь бѣжащій;
Тамъ лица блѣдныя, тамъ трепетъ, тамо стонъ;
И се является ужасный Асталонъ!
Какъ будто зданіе, грозящее паденьемъ,
Иль нѣкимъ темна нощь грозяща привидѣньемъ:
Такъ рыцарь сей народъ по стогнамъ разсыпалъ;
Гремящъ оружіемъ, передъ Гиреемъ сталъ.
Подобно какъ главу увидящій Медузы,
Или почувствуя на членахъ тяжки узы,
Свершитель казни, мечъ хотя въ рукахъ имѣлъ,
Недвижимъ сдѣлался отъ страха, онѣмѣлъ.
Спокойно Асталонъ безвинной казни внемлетъ,
Онъ узы тяжки рветъ, Гирея онъ объемлетъ,
Вскричавъ: О дружеской сокровище любви!
Не бойся никого; живи, Гирей! живи!
Гонителямъ твоимъ во градѣ смерть готова!
Почто не я имѣлъ наперсника такова?
Межъ тѣмъ Сагрунъ уже во Царскій дворъ вбѣжалъ,

Царицѣ рыцаря врагомъ изображалъ.
Лукавство никогда во злыхъ не умираетъ,
Изгнать соперника Османа поощряетъ.
Увѣренъ дерзости о слѣдствіяхъ худыхъ,
Скрываетъ горькій ядъ сей змій въ рѣчахъ своихъ:
Теперь, онъ говоритъ, коль храбрымъ ты явишься,
Казанцевъ устрашишь, на тронѣ укрѣпишься,
Народную молву и наглость усмиришь;
Единымъ словомъ ты Ордынцевъ покоришь,
И непрепятственно облекшись во порфиру,
Царицу прочь отгнавъ, на тронъ взведешь Эмиру.
Обнявъ Османа, онъ слова сіи речетъ
И силою его на торжище влечетъ.
Сумбека на него изъ терема взираетъ,
Дрожащи руки въ слѣдъ Осману простираетъ;
Постой, Османъ! постой! рыдая вопіетъ...
Любовь его къ себѣ, а рокъ отъ ней влечетъ.
Сей Князь, развратный Князь, любовникъ малодушный,
Не дѣйствамъ разума, но слабостямъ послушный,
И нѣжности однѣ имѣющъ во умѣ,
Идетъ за Сагруномъ, какъ блѣдна тѣнь во тьмѣ;
Къ Эмирѣ обративъ желанье и ко трону.
Дрожащею стопой приходитъ къ Асталону.
Онъ трижды блѣдныя уста отверзть хотѣлъ,
Но трижды во устахъ языкъ его хладѣлъ,
И будто на змію ступивый странникъ въ полѣ,
Сказалъ, не храбростью, но страхомъ двигнутъ болѣ:
Кто звалъ тебя сюда: вражда, или пріязнь?
Коль другъ ты намъ, такъ дай свершить намъ смертну казнь;
Мы общаго врага въ Гиреѣ наказуемъ,
Но дружествомъ тебѣ весь городъ обязуемъ.
Какъ будто гордый кедръ вершиной съ высоты
Является взирать на слабые цвѣты:
Такъ взоры Асталонъ на юношу низводитъ,
Съ презрѣніемъ къ нему, со скрежетомъ подходитъ;

Но ты кто? онъ вѣщалъ, какъ трубъ гремящихъ звукъ.
Османъ отвѣтствовалъ: Царицынъ я супругъ!
Тогда вступила кровь ко Асталону въ очи;
Онъ, вкупѣ всѣ свои собравъ тѣлесны мочи,
Османа сильною рукой за грудь схватилъ
И трижды, какъ перо, вкругъ шлема обратилъ,
Тряхнулъ и возопилъ: Се мзда ея измѣны!
И на Казанскія Османа вергнулъ стѣны;
Разсѣлаеся глава, по камнямъ мозгъ потекъ.
Взирая, Асталонъ, на страждущаго, рекъ:
Вотъ твой вѣнецъ и тронъ! и въ злобѣ многоплодной
Онъ палицу свою повергъ къ толпѣ народной;
Окаменѣвшему онъ такъ ему вѣщалъ:
Я смертію казнить измѣну обѣщалъ!
Теперь исполнилъ то. Скажите вы Сумбекѣ,
Чтобы не плакала о слабомъ человѣкѣ;
Во градъ сей не принесъ пріятныхъ взоровъ я,
Но тронъ ея спасутъ рука и страсть моя;
Однако я себя предъ нею не унижу;
Я хитрости ея и всѣ коварства вижу;
За то, что пренебречь меня она могла,
Хочу, чтобы теперь ко мнѣ въ шатеръ пришла;
Я стану на лугахъ за градскими стѣнами
И утромъ жду ея съ Ордынскими Чинами;
Я тамо сердце съ ней на вѣки обручу;
Исполните сіе... велю! и такъ хочу!
А ежели она еще не покорится,
Польется ваша кровь, сей городъ разорится;
Не нужно будетъ вамъ Россіянъ ожидать,
Одинъ дерзну огню и смерти васъ предать.
Безстрашенъ на копя, вѣщая то, садился,
Щитомъ хребетъ покрывъ, за стѣны удалился;
Не вѣдалъ въ тѣ часы несчастный Асталонъ,
Что съ палицей своей и жизнь теряетъ онъ.
Гирея заключивъ во мрачную темницу,

Сагрунъ спѣшилъ разить перунами Царицу...
Въ какомъ отчаяньѣ находитъ онъ ее?
Уже плачевна вѣсть достигла до нее:
Вѣщаютъ, будто бы Царицѣ ослѣпленной
Явился сквозь туманъ Османъ окровавленной;
Струей изъ ранъ его кровь черная лилась,
На сердцѣ, на челѣ ручьями запеклась;
Трепещущій онъ рекъ: Погибъ я Асталономъ!
Преобратился въ дымъ, и вдругъ исчезъ со стономъ.
Какъ вѣтвь отторжена ударомъ громовымъ,
Сумбека зрѣлищемъ была сраженна симъ.
Сагрунъ со трепетомъ къ одру ея приходитъ,
И на безпамятну веселый взоръ возводитъ.
Такъ смотритъ радостно на горлицу стрѣлокъ,
Пронзенну въ облакахъ, трепещущу у ногъ.
Есть нѣкій звѣрскій духъ у злого человѣка.
Кого бъ не тронула несчастная Сумбека?
Какъ розы сорванной увядшія красы,
Полуумершій взоръ, растрепанны власы,
Подъемлющася грудь, тяжелое вздыханье,
Являютъ страждущу при самомъ издыханьѣ;
Уже отъ глазъ ея небесный крылся свѣтъ;
Но ей Сагрунъ еще готовилъ злой совѣтъ;
Онъ рекъ: И такъ ты жизнь кончаешь безъ отмщенья,
Сего послѣдняго несчастнымъ утѣшенья?
Оставь тоску и стонъ, Царица! укрѣпись,
За смерть Османову къ возмездію склонись;
Се тѣнь его стоитъ въ крови передъ тобою!
Симъ словомъ злый Сагрунъ, какъ громкою трубою,
Лишенну памяти Царицу возбудилъ;
Совѣты ей свои и страхи подтвердилъ...
Открывъ печальный взоръ, Сумбека замолчала;
Но силы вдругъ собравъ, терзая грудь, вскричала:
Ахъ! нужно ли мнѣ то, что рушится Казань,
Когда ужасна смерть взяла Османа въ дань!

Мнѣ нѣтъ пристанища теперь въ противномъ свѣтѣ;
Сагрунъ! ты ядъ скрывалъ въ неискреннемъ совѣтѣ;
Да будутъ прокляты минуты и мѣста,
Гдѣ въ первый разъ твои отверзлися уста,
Отверзлися моей души ко погубленью;
Почто давалъ ты видъ пріятный преступленью?
Измѣнницей бы я Алею не была,
И въ сладкой тишинѣ спокойны дни вела;
Теперь престолъ, и честь, и славу я теряю;
Уже Остана нѣтъ!... Почто не умираю!
Вѣщая тѣ слола исторгнула кинжалъ;
Но вдругъ Сумбекинъ сынъ въ чертогъ ея вбѣжалъ.
Сей отрокъ плачущій, ея познавый муки,
Бросается къ ногамъ, ея цѣлуетъ руки;
Припалъ на грудь ея, рѣкою слезы льетъ;
Увы! не умирай! рыдая вопіетъ;
Не оставляй меня несчастнымъ сиротою!...
Сумбека тронулась невинностію тою;
Ей кажется въ лицѣ сыновнемъ Сафгирей,
Послѣдня зрится вѣтвь Казанскихъ въ немъ Царей;
И сердце у нея расторглося на части,
Возопіяла кровь, умолкли вредны страсти;
Кинжала удержать руками не могла,
Простерла ихъ стеня и сына обняла;
Ланиты токомъ слезъ смоченны лобызала;
Живи, мой сынъ, живи! и мсти врагу! сказала;
Рѣчей не докончавъ, безмолвна и блѣдна,
Поверглась на одрѣ безпамятна она....
Младенецъ онѣмѣлъ. Сагрунъ свирѣпый льстится,
Что жизнь Сумбекѣ вновь уже не возвратится;
Онъ помыслы свои вѣнчанными считалъ,
И паче яростенъ и дерзновененъ сталъ;
Ко предстоящимъ рекъ, которыхъ грусть терзала:
Вы слышали, что намъ Сумбека приказала;
Она велѣла мстить злодѣямъ и врагамъ,

Услугу я мою явлю и ей, и вамъ;
Погибнетъ Асталонъ!... Отторгся съ грознымъ словомъ,
Смятеніе нося въ лицѣ своемъ суровомъ.
Гдѣ палицу свою оставилъ Асталонъ,
Пришелъ на торжище къ толпѣ народа онъ.
Сіе оружіе имъ ужасъ наводило,
Почтеніе и страхъ въ сердцахъ производило;
Взирая на него, какъ будто на перунъ,
У робкой черни страхъ отнять хотѣлъ Сагрунъ;
О други! онъ вскричалъ, отъ бѣдства градъ избавимъ,
У Асталона силъ въ сей палицѣ убавимъ,
И намъ грозящую судьбину устрашимъ;
Тогда отмстить за плачъ Сумбекинъ поспѣшимъ;
Она отъ ужаса и скорби умираетъ.
Съ симъ словомъ палицу чеканомъ [1]) ударяетъ;
Народъ ее разитъ, взирая на сіе:
Незапно страшный громъ ударилъ изъ нее.
    Увидя палицу огнями сокрушенну,
Къ свирѣпству обратилъ онъ душу развращенну....
Се первый нашъ успѣхъ! Казанцамъ возопилъ,
О! если бъ сей рукой я варвара убилъ!
Коль видѣть плѣнницей Царицу не хотите,
Друзья! и за себя, и за нее отмстите;
Въ шатрѣ своемъ лежитъ свирѣпый Асталонъ,
И члены у него во узахъ держитъ сонъ;
Сумбекѣ, городу, отечеству радѣя,
Пойдемъ и умертвимъ тщеславнаго злодѣя!
За стѣны градскія, вѣщая то, грядетъ,
Онъ двадцать воиновъ въ ночи съ собой ведетъ.
Тогда небесный сводъ звѣздами украшался,
Сагрунъ уже къ шатру съ дружиной приближался.
Ко стану древнему, гдѣ спалъ несчастный Ризъ,

---

[1]) Чеканъ—оружіе и, вмѣстѣ, знакъ начальническаго достоинства, состоявшій изъ металлическаго молотка, насаженнаго на топорикъ.

Подобно шествовалъ во тьмѣ нощной Улиссъ.
Казалося, Сагрунъ свой ликъ преображаетъ,
Поникнувъ, во травѣ на чрево упадаетъ,
Какъ хищная змія, землею онъ ползетъ;
Но сердце у него и страхъ и злость грызетъ.
Онъ входитъ, и грядетъ къ одру стопой дрожащей,
На коемъ возлежалъ безпечно рыцарь спящій;
Сагрунъ, успѣхами злодѣйскій духъ маня,
Чеканомъ поразить хотѣлъ сперва коня,
Дабы послѣднихъ средствъ герою не оставить,
Коль бѣгствомъ онъ себя подумаетъ избавить;
Но видя при лунѣ блистающій кинжалъ,
Браздами загремѣлъ строптивый конь, заржалъ.
Мгновенно Асталонъ, какъ аспидъ, пробудился;
Вскочилъ, заскрежеталъ, за острый мечъ схватился;
Но мечъ его Сагрунъ уже въ рукахъ имѣлъ;
Смутился Асталонъ и на коня взлетѣлъ;
Бронями зашумѣлъ, какъ вѣтвистое древо.
Сагрунъ, разя его, коня ударилъ въ чрево,
Который бѣгъ къ брегамъ Казанскимъ обратилъ;
Но рыцарь за власы противника схватилъ,
И буйнаго коня сдержать не въ силахъ болѣ,
Летѣлъ, какъ молнія, на немъ къ рѣкѣ чрезъ поле.
Конь вихрю бурному подобенъ въ бѣгѣ былъ:
Крутился, ржалъ, пыхтѣлъ, ногами воздухъ билъ.
И се въ полночный часъ недремлющая злоба,
Въ лицѣ Османовомъ возставъ изъ хладна гроба,
Касаясь облаковъ, во слѣдъ врагу текла,
И пламеннымъ бичемъ въ струи коня гнала:
Пріявъ ихъ всѣхъ на дно, Казанка зашумѣла.
Такой конецъ вражда и наглость возъимѣла!

Казанцы грознымъ то предвѣстіемъ почли.
Въ то время въ градъ Послы Россійскіе пришли,
Нехитрыя слова народу предлагали;
Лукавствомъ въ оный вѣкъ еще пренебрегали!

*

Равняя съ бурными спокойства тихи дни,
Казанцамъ вѣчный миръ представили они.
Отъ мира мы не прочь, Казанцы отвѣчали;
Виновны, что по днесь о мирѣ мы молчали;
Но просимъ у Царя для точной мысли сей
Не года, мѣсяца, но трехъ мы просимъ дней.
Узнавъ, что ихъ Князья Россіи покорились,
Тѣ волки агнцами на время притворились;
Но мира, иль войны понудимы желать,
Условились къ Царю Сумбеку въ плѣнъ послать;
Всю винность на нее и злобу обратили:
Пронырствомъ таковымъ ядъ черный позлатили;
Смиренья видъ придавъ недружескимъ дѣламъ,
Отвѣтъ свой принесли на третій день Посламъ.
Лишенны совѣсти, они клянутся Богомъ,
Что вѣрности къ Царю Царицу шлютъ залогомъ,
И данниками быть Россіянамъ хотятъ.
Но, ахъ! какія мнѣ то Музы возвѣстятъ,
Какой былъ стонъ, тоска, коликое рыданье,
Когда услышала Сумбека о изгнаньѣ?
Печаль ея вѣщать мнѣ силъ не достаетъ;
Помедлимъ!... я стеню... перо изъ рукъ падетъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

О Нимфы красныя лѣсовъ и рощей злачныхъ!
Наяды, во струяхъ живущія прозрачныхъ!
Оставьте водный токъ, оставьте вы лѣса,
И дайте ваши мнѣ услышать голоса:
Украсьте пѣснь мою, и лиру мнѣ настройте,
Любезну тишину кругомъ Казани пойте.
Уже въ поляхъ у васъ кровавыхъ браней нѣтъ;
Гдѣ прежде кровь лилась, тамъ малый Тибръ течетъ;
Парнасскіе цвѣты, какъ благовонны крины [1]),

---

[1]) Лиліи.

Цвѣтутъ подъ сѣнію щедротъ Екатерины;
Ликуютъ жители во счастливой странѣ,
Въ прохладномъ житіи, въ безбѣдной тишинѣ.
Недавній грозный рокъ вы, Нимфы, позабудьте,
Вкушая сладкій миръ, благополучны будьте;
Съ моей свирѣлію хощу пристать я къ вамъ,
Придайте вы моимъ пріятности стихамъ.
Вы зрѣли шествіе прекрасныя Сумбеки,
Когда ее изъ стѣнъ несли къ Свіяжску рѣки;
Вы видѣли тогда страданіе ее;
Вложите плачъ и стонъ въ сказаніе мое,
Дабы Царицы сей вѣщалъ я о судьбинѣ,
Какъ бѣдства, страхи, брань умѣлъ вѣщать донынѣ;
Отъ браней ко любви я съ лирой прелеталъ:
Недовершенный трудъ моимъ друзьямъ читалъ.
О! если истину друзья мои вѣщали,
Мои составленны ихъ пѣсни восхищали;
И Музъ любители у Невскихъ береговъ
Сихъ часто слушали внимательно стиховъ.
Придайте, Нимфы, мнѣ цвѣтовъ и силы нынѣ,
Да будетъ пѣснь моя слышна Екатеринѣ;
Цвѣтущій предъ Ея престоломъ, яко кринъ,
Да внемлетъ пѣнію Ея любезный Сынъ.
О праотцѣ твоемъ, Великій Князь! вѣщаю,
Военную трубу Тебѣ я посвящаю;
Геройскія дѣла поютъ стихи мои,
Да будутъ нѣкогда воспѣты и твои.
Еще печальна ночь Сумбеку окружала,
Еще рыдающа въ одрѣ она лежала,
Когда достигла къ ней не сладостная лесть,
Но слухъ разящая изгнаньемъ вѣчнымъ вѣсть;
Въ лицѣ пріятный цвѣтъ, въ очахъ тускнѣетъ пламень
И сердце у нея преобратилось въ камень.
Какъ плѣнникъ, внемлющій о смерти приговоръ,
Сомкнула страждуща полуумершій взоръ;

Однимъ стенаніемъ пришедшимъ отвѣчала,
Лишенна плотскихъ чувствъ душа ея молчала;
Въ устахъ языкъ хладѣлъ, въ груди спирался стонъ;
Сумбеку наконецъ крылами обнялъ сонъ,
И мысли усыпивъ, тоску ея убавилъ;
Тогда въ мечтаніи ей Ангела представилъ,
Который ризою небесною блисталъ;
Держащъ лилейну вѣтвь, Царицѣ онъ предсталъ
И съ кротостію рекъ: О чемъ, о чемъ стенаешь?
Взгляни, несчастная! и ты меня узнаешь;
Я руку у тебя въ то время удержалъ,
Когда вносила ты на грудь свою кинжалъ;
Я посланъ былъ къ гробамъ всесильною судьбою,
Когда супругъ въ нощи бесѣдовалъ съ тобою;
Что сердце ты должна отъ страсти отвращать,
Я тѣни страждущей велѣлъ сіе вѣщать;
Но ты любовію твой разумъ ослѣпила,
Совѣты данные и клятву преступила,
И бѣдства на тебя рѣкою потекли;
Въ пучину бурную отъ брега отвлекли.
Однако не крушись, печальная Сумбека:
Богъ смерти грѣшнаго не хочетъ человѣка;
Послѣдуй здраваго сіянію ума.
Сей городъ мрачная покроетъ вскорѣ тьма.
Взгляни ты на Казань!... На градъ она взглянула,
И зря его въ крови, смутилась, воздохнула;
Узрѣла падшую огромность градскихъ стѣнъ,
Рыдающихъ дѣвицъ, влекомыхъ юношъ въ плѣнъ;
Зритъ старцевъ плачущихъ, во грудь себя разящихъ,
Оковы тяжкія Казанцевъ зритъ носящихъ....
Се рокъ твоей страны! небесный Ангелъ рекъ;
Настанетъ по златомъ Ордамъ желѣзный вѣкъ;
Тебя въ Свіяжскѣ ждетъ пріятная судьбина,
Гряди, и не забудь Гирея взять и сына,
Гряди!... И, возсіявъ, какъ свѣтлая заря,

На небо возлетѣлъ, то слово говоря.
Видѣнье скрылося. Сумбека пробудилась,
Мечтой подкрѣплена, въ надеждѣ утвердилась;
Невѣста будто бы ликующа въ вѣнцѣ,
Имѣла радости сіяніе въ лицѣ;
Величественный видъ изгнанница имѣла,
И къ шествію ладьи готовить повелѣла.
О коль поспѣшно былъ исполненъ сей приказъ!
Но какъ смутилась ты, Сумбека, въ оный часъ?
Какою горестью душа твоя разилась,
Когда судьба твоя тебѣ изобразилась?
Когда взглянула ты ко брегу шумныхъ водъ,
Гдѣ вкругъ твоихъ судовъ стѣсняется народъ?
Повинна слѣдовать Небесъ опредѣленью,
Сумбека власть дала надъ сердцемъ умиленью;
Взглянула на престолъ, на домъ, на вертоградъ,
И смутнымъ облакомъ ея покрылся взглядъ;
Всѣ, кажется, мѣста уже осиротѣли,
Но прежни прелести отъ нихъ не отлетѣли.
Тогда, отъ видовъ сихъ не отъимая глазъ,
Рекла: И такъ должна я въ вѣкъ оставить васъ!
И вѣчно васъ мои уже не узрятъ взоры?
Любезный градъ! прости, простите, стѣны, горы!...
Объемлетъ во слезахъ всѣ вещи, всѣ мѣста;
Примкнула ко стѣнамъ дрожащія уста;
Прости, Казань, прости! Сумбека возопила,
И томнымъ шествіемъ въ другой чертогъ вступила.
Лишь только довлеклась она златыхъ дверей,
Изъ мѣди изваянъ гдѣ видѣнъ Сафгирей,
Взоръ кинувъ на него, она затрепетала,
Простерла длани вверхъ и на колѣни стала;
Порфиру свергнула; пеняющей на рокъ,
Въ очахъ супруговыхъ ей зрится слезный токъ;
Терзая грудь, рекла: Супругъ великодушный!
О мнѣ несчастнѣйшей ты плачешь и бездушный!

Ты чувствуешь, что я въ позорный плѣнъ иду;
Ты видишь токи слезъ, мою тоску, бѣду;
Въ послѣдній разъ, мой Царь! стопы твои объемлю,
Въ послѣдній, гдѣ ты скрытъ, сію цѣлую землю;
Не буду въ ней лежать съ тобою, мой супругъ...
Лобзая истуканъ, затрепетала вдругъ.
Какъ будто ночь ее крылами окружала,
Въ объятіяхъ она бездушный ликъ держала.
Вѣщаютъ, будто бы внимая плачу онъ,
Иль мѣдь звенящая произносила стонъ.
Но свѣтомъ нѣкакимъ незапно озаренна,
Отторглась отъ Царя Сумбека ободренна.
Вѣнецъ и тронъ! рекла, уже вы не мои!
Бѣги, любезный сынъ! въ объятія сіи;
Отъ многихъ мнѣ богатствъ мнѣ ты единъ остался,
Почто, несчастный сынъ, надеждой ты питался,
Что будешь нѣкогда престоломъ обладать?
Невольница твоя, а не Царица мать;
О Князи сей страны и знамениты мужи!
Простите, стали мнѣ въ отечествѣ вы чужи;
Вы мнѣ враги теперь! Россіяне друзья;
Гирея одного прошу въ награду я:
Въ моемъ злосчастіи мнѣ онъ остался вѣренъ,
Онъ мало чтилъ меня, но былъ нелицемѣренъ!
Ахъ! если есть еще чувствительны сердца,
Послѣдуйте за мной, хотя я безъ вѣнца.

Какъ дщери, видя мать отъ свѣта отходящу,
Уже безчувственну въ одрѣ ея лежащу,
Рабыни, возрыдавъ, произносили стонъ,
Воскрикнувъ: Чуждъ и намъ Казанскій нынѣ тронъ!
Послѣдуемъ тебѣ въ неволю и темницу;
Въ тебѣ мы признаемъ въ изгнаніи Царицу.

Сумбека, снявъ вѣнецъ съ потупленной главы,
И зря на истуканъ, рекла: Мой Царь! увы!
Не долго будешь ты въ семъ ликѣ почитаться,

Спокоенъ и въ мѣди не можешь ты остаться;
Ты узришь городъ весь горящій вкругъ себя;
На части разбіютъ безгласнаго тебя;
И тѣнь твоя, кругомъ летая въ сокрушеньѣ,
Попраннымъ Царское увидишь украшенье;
Попраннымъ узришь ты сей домъ и сей вѣнецъ,
И кровь текущую рѣками наконецъ;
Гробницы праотцевъ граждане позабудутъ,
Мои гонители меня несчастнѣй будутъ!
Опустошится градъ!—Сумбека вопіетъ;
Терзающа власы руками грудь біетъ.
Когда рыдающа изъ храминъ выступала,
Въ объятія она къ невольницамъ упала;
Какъ Пиѳія она казалася тогда;
Трепещетъ, и грядетъ съ младенцемъ на суда.
Коль басня истины не помрачаетъ вида,
Такъ шествуетъ въ моряхъ торжественно Ѳетида;
Съ весельемъ влажные простря хребты свои,
Играютъ вкругъ нее прозрачныя струи;
Готовятъ сребряны стези своей Царицѣ,
Сѣдящей съ скипетромъ въ жемчужной колесницѣ;
Тритоны трубятъ вкругъ въ извитые рога,
Ихъ гласы звучные пріемлютъ берега;
И погруженныя во рвахъ сѣдыя пѣны
Поютъ съ цѣвницами прекрасныя Сирены;
Тамъ старый видится въ срединѣ Нимфъ Нерей,
Вождями правящій богининыхъ коней;
Главы ея покровъ Зефиры развѣваютъ,
И въ воздухъ ароматъ крылами изливаютъ.
Такое зрѣлище на Волгѣ въ мысляхъ зрю,
Сумбеку вобразивъ плывущую къ Царю.
Со стономъ пѣніе повсюду раздавалось;
Гордилася рѣка, и солнце любовалось;
Златыми тканями покрытыя суда
Изображала тамъ во глубинѣ вода;

Рабыни пѣснями Сумбеку утѣшаютъ,
Но горести ея души не уменьшаютъ.
Тогда увидѣла она сквозь токи слезъ,
Увидѣла вдали почтенный оный лѣсъ,
Гдѣ сердце нѣкогда Алеево пронзила;
Его любовь, свою невѣрность вобразила;
Въ смятеніе пришли душа ея и кровь;
И зритъ по воздуху летающу Любовь,
Котора, пламенникъ пылающій имѣя,
Пеняетъ и грозитъ Сумбекѣ за Алея.
Кипридинъ сынъ во грудь ей искру уронилъ,
И страсть къ Алею въ ней мгновенно воспламенилъ.
Сумбека чувствуетъ смущеній нѣжныхъ свойство;
Не вожделѣнное и сладкое спокойство,
Но тѣнь одну утѣхъ, спокойства нѣкій родъ,
Тронувшій какъ зефиръ крыломъ поверхность водъ;
Сумбеку стыдъ смутилъ, разсудокъ подкрѣпляетъ,
Надежда веселитъ и горесть утоляетъ.

Межъ тѣмъ Россійскій Царь, осматривая градъ,
Услышалъ пѣніе, простеръ по Волгѣ взглядъ;
Не постигаетъ онъ, чей гласъ несутъ зефиры,
Который слышится пріятнѣй нѣжной лиры;
Но Царскіе Послы, ходившіе въ Казань,
Принесшіе къ Царю вѣтвь масличну, не брань,
Отвѣтомъ ихъ Вельможъ Россіянъ восхищаютъ,
И шествіе Царю Сумбекино вѣщаютъ.
Царь выгоднымъ себѣ признакомъ то почелъ,
Сумбекѣ радостенъ во срѣтеніе шелъ;
Подъ градомъ зритъ ладьи, у брега пѣсни внемлетъ
И съ полнымъ торжествомъ Царицу онъ пріемлетъ.

Подобну грудь имѣвъ колеблемымъ волнамъ,
Сумбека къ княжескимъ не падаетъ стопамъ;
Какихъ еще побѣдъ, вскричала, ищешь болѣ?
Казань ты побѣдилъ, коль я въ твоей неволѣ;
Смотри, о Государь! вѣнца на суету,

И счастье почитай за тщетную мечту!
Я узница твоя, но я была Царица:
Всему начало есть, средина и граница;
Когда мнѣ славиться нельзя уже ничѣмъ,
Несчастіе мое почти въ лицѣ моемъ;
Признаться я должна: какъ трономъ я владѣла,
О пагубѣ твоей и день и ночь радѣла;
Я съ воинствомъ тебя хотѣла истребить;
Но можешь ли и ты враговъ твоихъ любить?
Враговъ, которые оружіе подъемлютъ,
И царство у тебя, и твой покой отъемлютъ?
Что сдѣлать хочешь ты, то дѣлала и я;
И если я винна, свята вина моя;
Но, ахъ! за то, что я отечество любила,
Свободу, счастіе и скипетръ погубила.
О! для чего не твой побѣдоносный мечъ
Судьбы моей спѣшилъ златую нить пресѣчь?
Утратила бъ мое со трономъ я спокойство,
Но побѣдителемъ мнѣ было бы геройство;
Вдовицѣ плачущей вниманіе яви,
Съ несчастнымъ сиротой меня усынови;
Въ Казани не имѣвъ ни дружества, ни трону,
Все я хочу забыть, и даже до закону;
На погруженную сомнѣнія въ ночи,
Вели, о Царь! простерть крещенія лучи.
Царь въ сердцѣ ощутилъ, ея пронзенный стономъ,
Любовь ко ближнему, предписанну закономъ;
Обнявъ ее вѣщалъ: не врагъ несчастнымъ я;
Твой сынъ—сынъ будетъ мой, ты будь сестра моя.
Любовь, которая на небѣ обитаетъ,
На шаръ земной въ сей часъ мгновенно низлетаетъ;
Сіе пріятное вселенной божество,
Которое живитъ и краситъ естество,
Златыми въ воздухѣ носимое крылами,
Двумя свой крѣпкій лукъ направило стрѣлами,

И предназначенны для брачнаго вѣнца,
Пронзило ими вдругъ погасшія сердца.
Какъ нѣжная весна ихъ страсть возобновилась;
Любовь изъ воздуха въ ихъ души преселилась;
Алей готовился невѣрность позабыть;
Сумбека искренно готовилась любить.
Какъ солнце съ высоты на шаръ земной взираетъ,
И въ небѣ царствуя всѣ вещи озаряетъ,
Такъ взоръ, Сумбекинъ взоръ, хотя къ Царю сіялъ,
Но онъ Алея жегъ, который близъ стоялъ.
Сей мужъ противъ нее колико былъ ни злобенъ,
Сталъ воску мягкому въ сіи часы подобенъ;
Суровый сей Катонъ есть нѣжный Ипполитъ;
Прости меня! прости! вѣщалъ Сумбекинъ видъ.
Душа Алеева всю нѣжность ощутила,
Какъ томный взоръ къ нему Сумбека обратила.
Монархъ томящимся ихъ чувствамъ сострадалъ;
Любовь Алееву къ Сумбекѣ оправдалъ
И рекъ: разстроилъ васъ законъ Магометанскій,
Теперь да съединитъ на вѣки Христіанскій;
Злопамятнымъ Царевъ не долженъ быти другъ;
Ты былъ любовникъ ей, и буди ей супругъ!
Мятежная Казань которыхъ разлучаетъ,
Хочу, да тѣ сердца Россія увѣнчаетъ.
Алей на то сказалъ: примѣры, Царь! твои
Обезоружили суровости мои;
Но я униженъ былъ позорною любовью;
Мнѣ время оправдать сердечну слабость кровью;
Прости, что предпочту супружеству войну;
Я счастливъ не совсѣмъ: мой другъ еще въ плѣну!
Когда та рѣчь въ кругу стоящихъ раздалася,
И Волга на его слова отозвалася;
Вступилъ на брегъ рѣки печальный человѣкъ,
Дрожащею рукой онъ цѣпь землею влекъ;
Лишенный зрѣнія воззвалъ сей мужъ Алея.

Алей вострепеталъ, и въ немъ позналъ Гирея....
Се ты! вскричалъ Гирей, благодарю судьбѣ!
Лишился я очей, рыдая по тебѣ;
Но я уже теперь о свѣтѣ не жалѣю,
Коль отданъ мнѣ Алей, коль отданъ я Алею;
Та цѣпь, которую влечетъ моя рука,
Чѣмъ я окованъ былъ, мнѣ цѣпь сія легка.
Алей возопіялъ, проливъ источникъ слезный,
Достоинъ ли такихъ я жертвъ, мой другъ любезный?
Я мало вѣрности взаимной докажу,
Коль мстящій за тебя животъ мой положу;
Сумбека! зри теперь, и зрите, Христіане,
Какіе могутъ быть друзья Магометане.
Тогда вѣщалъ Гирей: Хвалы сіи оставь;
Я чуждъ въ народѣ семъ, Царю меня представь;
Одѣянъ въ рубище, предстать ему не смѣю,
Но дѣло важное открыть ему имѣю;
Гдѣ онъ стоитъ, скажи; я ночь едину зрю.
Взявъ руку у него, Алей привелъ къ Царю
И возопилъ къ нему: Се! видишь Царь Гирея,
Другого зришь меня, другого зришь Алея;
Отъ рубищъ ты моихъ очей не отвратилъ,
И преступившаго ты нѣкогда простилъ;
Къ сему, покрытому всегдашнимъ мракомъ ночи,
Простри кротчайшій слухъ и милосерды очи.
Рукою ощутилъ Царя вблизи Гирей,
Повергся и вѣщалъ: О сильныхъ Царь Царей!
Дозволь мнѣ тайное простерти нынѣ слово;
Я сердце къ вѣрности принесъ къ тебѣ готово;
Алея любишь ты, довольно и сего.
Для изъявленія усердья моего,
Мятежную Орду на вѣки забываю;
Что совѣсть мнѣ велитъ, Россіи открываю:
Отечество мое Москва, а не Казань;
Казань вѣщаетъ миръ, а я вѣщаю брань;

Ордынской лести я не вѣдаю примѣра:
Склонясь на миръ, они склонили Едигера,
Склонили, да на ихъ престолѣ бъ онъ возсѣлъ;
Сей Князь на берегахъ Каспійскихъ тронъ имѣлъ,
И скоро въ стѣны онъ Казанскія приспѣетъ;
Шесть храбрыхъ рыцарей въ дружинѣ Царь имѣетъ,
Которы подкрѣплять клялись Казань и тронъ,
И каждый есть изъ нихъ воскресшій Асталонъ;
Межъ ими есть одна безстрашная дѣвица,
Смѣла, какъ лютый вепрь, свирѣпа яко львица.
Война тебѣ грозитъ, когда уступишь градъ;
Война послѣдуетъ, когда пойдешь назадъ;
Въ темницѣ свѣдалъ я о замыслахъ Казанскихъ;
Орда невольниковъ тиранитъ Христіанскихъ;
Угрозами теперь желаетъ ихъ склонить,
Иль муки претерпѣть, иль вѣру премѣнить!
Но я безбожную ихъ вѣру отметаю,
Ордынцевъ я кляну, Россіянъ почитаю;
Хочу я истину питать въ душѣ моей,
Какую знаешь ты и знаетъ Царь Алей.
Простерши руку, Царь отвѣтствовалъ Гирею:
Тотъ будетъ другъ и мнѣ, кто вѣрный другъ Алею;
Твой разумъ слѣпота безсильна ослѣпить;
Тебя не просвѣщать, осталось подкрѣпить;
Ты братъ Россіянамъ! но что Орда мутится,
На ихъ главу ихъ мечъ и злоба обратится;
Я дѣтскою игрой считаю ихъ совѣтъ;
Россійскому мечу дадутъ они отвѣтъ.
Тогда онъ повелѣлъ въ Россійскую столицу
Отправить плѣнную съ рабынями Царицу...
Насталъ разлуки часъ! въ ней духъ вострепеталъ,
Уже онъ пламенну къ Алею страсть питалъ;
Объемлетъ Царь ее, стенящъ объемлетъ друга,
И рекъ: Священна есть для васъ моя услуга!
Рыдающи они другъ съ другомъ обнялись,

Какъ розы винныя руками соплелись;
Другъ друга долго бы изъ рукъ не отпустили,
Но шествіе ея Сумбекѣ возвѣстили;
Алей въ слезахъ стоялъ; Гирей, обнявъ его,
Не могъ прощаяся промолвить ничего;
Сумбека, обомлѣвъ, повергласъ въ колесницу,
И зрѣніемъ Алей препровождалъ Царицу.
Тогда простерла нощь свою вечерню тѣнь;
Назначилъ Царь походъ въ послѣдующій день.
Лишь только путь часы Аврорѣ учредили,
Гремящія трубы героевъ возбудили;
И купно съ солнцемъ вставъ, Россійскіе полки
Дерзали за Царемъ на оный брегъ рѣки.
Какъ туча двигнувшись, военная громада
На многи поприща лежала окрестъ града:
Свіяжскъ, который тѣнь далеко простиралъ,
Какъ дубъ на листвія, на воинство взиралъ.
Се брани предлежатъ! О вы, Казански волны,
Которы звуками Россійской славы полны!
Представьте мнѣ, полки, вѣщайте грозну брань;
Явите во струяхъ разрушенну Казань;
Мнѣ стѣны въ пламени, трепещущія горы,
Сраженія, мечи представьте передъ взоры.
Да громче воспѣвать военну пѣснь могу,
Сѣдящій съ лирою на Волжскомъ берегу.
Умыслилъ Іоаннъ, боярской ввѣривъ власти,
Все войско раздѣлить на полчища и части,
Дабы извѣдать ихъ къ отечеству любовь,
И порознь разсмотрѣть геройску въ каждомъ кровь.
Ты, Слава, подвиги Россійскіе любила,
Казанской брани ты донынѣ не забыла!
Повѣдай мнѣ теперь героевъ имена,
Вѣнчанныя тобой во древни времена [1]).

[1]) Сіе ополченіе изъ подлинныхъ тогдашнихъ записокъ взято.

Большій пріемлетъ полкъ, какъ левъ неустрашимый,
Микулинскій, въ войнѣ вторымъ Иракломъ чтимый.
Мстиславскій съ Пенинскимъ сотрудники его,
Они перуны суть и щитъ полка сего.
Щенятевъ правую при войскѣ принялъ руку,
Сей мужъ отмѣнно зналъ военную науку.
Князь Курбскій раздѣлялъ начальство вмѣстѣ съ нимъ:
Сей рыцарь славенъ былъ, кипячъ, неустрашимъ;
Имѣлъ цвѣтущихъ лѣтъ съ собою брата купно,
Который слѣдовалъ герою неотступно;
Ихъ смѣлость, дружба ихъ, пылающая кровь,
Жарчае дѣлали въ нихъ братскую любовь.
Причисленъ Пронскій Князь къ полку передовому;
Онъ тучѣ сходенъ былъ, его доспѣхи грому.
Хилковъ опредѣленъ помощникомъ ему:
Никто не равенъ есть съ нимъ въ войскѣ по уму.
Неужасаемый боязнью никакою,
Романовъ лѣвою начальствовалъ рукою,
И храбрость на лицѣ сіяла у него;
Плещеевъ, твердый мужъ, сотрудникъ былъ его.
Главой былъ Палецкій полка сторожевого;
Во браняхъ вихря видъ имѣетъ онъ крутого;
Преходитъ сквозь ряды, что встрѣтится, валитъ.
Герой Серебрянной начальство съ нимъ дѣлитъ;
Два рыцаря сіи и Шереметьевъ съ ними
Казались воинства Ираклами троими.
Шемякинъ строевымъ повелѣвалъ челомъ.
Князь Троекуровъ несъ и молніи и громъ.
Отмѣнной храбростью сіяющи во станѣ,
Сложились Муромски въ особый полкъ дворяне;
Являлися они, какъ страшны львы въ бою,
И славу сдѣлали безсмертною свою.
Царь войска знатну часть на сотни раздѣляетъ,
И бодрыхъ юношей межъ нихъ распредѣляетъ;
Твердыней каменной казалась кажда часть,

Въ которой сердцемъ былъ имущъ надъ нею власть.
За сими двигались военные снаряды,
Сіи надежныя воителей ограды;
Начальство Розмыслу надъ ними Царь вручилъ [1]),
На сихъ сподвижникахъ надеждой опочилъ.
Какъ сильный Богъ, на всю вселенную смотрящій,
И цѣпь, связующу весь міръ, въ рукѣ держащій:
Такъ властью въ войскѣ Царь присутствуетъ своей;
Сопутствуютъ ему Адашевъ и Алей.
Царь, воинство свое устроевающъ къ бою,
Какъ вихрь листы, подвигъ полки передъ собою;
Казалось, каждый валъ, поднявъ главу свою,
По шумной Волгѣ несъ съ перунами ладью,
Какъ множествомъ цвѣтовъ среди весенней нѣги
Покрылись воинствомъ противоположны бреги;
Уготовляемы орудія къ войнѣ
Блестятъ на луговой у Волги сторонѣ.
Тогда, великому подобясь войско змію,
Къ Казани двигнулось, прошедъ чрезъ всю Россію,
Тимпановъ громкихъ звукъ, оружій многихъ шумъ,
Ко брани въ ратникахъ воспламеняли умъ.
Уже прекрасное вселенныя свѣтило
Два раза небеса и землю озлатило,
И дважды во звѣздахъ являлася луна;
Еще Казань была идущимъ не видна;
Недальное градовъ сосѣдственныхъ стоянье
Далекимъ сдѣлало всемѣстно препинанье;
Казанцы, дивныя имѣющи мечты,
Разрушили кругомъ преправы и мосты;

---

[1]) Кто сей Розмыслъ былъ, въ Исторіи не означено. Нѣкоторые думаютъ, что имя Розмыслъ означало инженера; но кажется многимъ бы Розмысламъ въ томъ смыслѣ быть надлежало при воинствѣ, а я ни прежде, ни послѣ не нашелъ такого названія въ нашей Исторіи; слѣдственно остаюсь въ нерѣшимости.

Потоки душные, озера, топки блата
Для войска времени была излишня трата,
Чрезъ всѣ препятства Царь стремительно парилъ;
Идущимъ воинамъ съ весельемъ говорилъ:
О други, бодрствуйте; не долго намъ трудиться;
Вы видите теперь, что насъ Казань страшится;
Когда бъ не ужасалъ ихъ славы нашей гласъ,
Они бы стрѣтили на сихъ равнинахъ насъ.
Коль бодрость у врага боязнь превозмогаетъ,
Онъ къ подлой хитрости воюя прибѣгаетъ;
Дерзайте, воины! намъ стыдно унывать,
Познавъ, съ какимъ врагомъ мы будемъ воевать...
Не страшны Орды намъ! Россіяне вскричали;
Возстали, двигнулись, и путь свой окончали.
Едва сокрылася съ луною нощи тѣнь,
Казань представилась ихъ взорамъ въ третій день.
Сей градъ, приволжскій градъ, великъ, прекрасенъ, славенъ.
Обширностію стѣнъ едва Москвѣ не равенъ;
Казанка быстрая, отъ утреннихъ холмовъ
Ушедъ изъ гордыхъ стѣнъ, течетъ среди луговъ;
Отъ запада Булакъ выходитъ непроходный,
И тиной заглушенъ, влечетъ источникъ водный.
Натура двѣ рѣки старалась вкупѣ свесть,
Бойница первая твердынь гдѣ градскихъ есть;
Тѣсня ногой Кабанъ, другою Арско поле,
Подъемлется гора высокая оттолѣ:
Не можетъ досязать ея вершины взглядъ.
На пышной сей горѣ стоитъ въ полкруга градъ;
Божницы пышныя и Царскіе чертоги
Имѣютъ на своихъ вершинахъ лунны роги,
Которые своимъ символомъ чтитъ Казань;
Но имъ она сулитъ не миръ, кроваву брань.
Казанцы робкіе въ стѣнахъ высокихъ скрыты,
Отъ нихъ, не отъ луны надежной ждутъ защиты,

На рвы глубокіе на стѣны Царь воззрѣвъ,
Почувствовалъ въ душѣ крушеніе и гнѣвъ;
Вообразилъ себѣ обиды, страхи, брани,
Которы пренесла Россія отъ Казани:
Воспламенилась въ немъ ко сродникамъ любовь,
Которыхъ на стѣнахъ еще дымится кровь;
Воображаетъ онъ невольниковъ стенящихъ,
О помощи его въ отчаяньѣ молящихъ;
Внимаетъ гласъ вдовицъ, онъ видитъ токи слезъ;
Простерты длани зритъ ко высотѣ небесъ,
И слышитъ вопль сиротъ, на небо вопіющихъ,
Спасенья отъ него въ неволѣ тяжкой ждущихъ;
Но вдругъ представился необычайный свѣтъ:
Явился въ облакахъ Царю усопшій дѣдъ;
Онъ, перстомъ указавъ на гордыя бойницы,
На возвышенные чертоги и божницы,
Вѣщалъ: О храбрый внукъ! смиряй, смиряй Казань;
Не жалость ко стѣнамъ тебя звала, но брань!
Какъ будто бы отъ сна Владѣтель пробудился;
Мгновенно бодрый духъ въ немъ къ брани воспалился;
Глаза къ видѣнію и длани устремилъ,
Сокровища Творцу сердечны отворилъ:
О Боже! помоги! возопіялъ предъ войскомъ...
И зрѣлися лучи въ его лицѣ геройскомъ.
Тогда на всю Казань, какъ верьви наложить,
Полкамъ своимъ велѣлъ сей городъ окружить;
И смертоносною стрѣльбою ненасытны,
Оружія велѣлъ устроить стѣнобитны.
Казалось, мѣдяны разверзивъ смерть уста,
По холмамъ и лугамъ заемлетъ всѣ мѣста;
И стрѣлы и мечи во втулахъ зашумѣли,
Которы храбрые воители имѣли.

Дабы начальникамъ осаду возвѣстить,
Велѣлъ Монархъ Хоругвь святую распустить.
Князь Пронскій, жаждущій сего священна знака,

Съ отборнымъ воинствомъ проходитъ токъ Булака;
Стоящій близъ его въ лугахъ съ полкомъ своимъ
И Троекуровъ Князь подвигся купно съ нимъ.
Какъ туча воинство ко граду воздымалось,
И молніями въ немъ оружіе казалось.
Преходятъ; зрится имъ Казань, какъ улій пчелъ,
Который межъ цвѣтовъ стоящій запустѣлъ;
Молчаща тишина во градѣ пребывала,
Но бурю грозную подъ крыльями скрывала.
Такъ часто Окіянъ предъ тѣмъ впадаетъ въ сонъ,
Когда готовится къ великой бурѣ онъ;
И многи ратники, войной неискушенны,
Казанской тишиной казались восхищенны.
Но два начальника молчащу злость сію
Почли за скрытую въ густой травѣ змію.
 Съ орлиной быстротой прешедъ холмы и рвины,
Едва крутой горы достигли половины,
Отверзивъ пламенны уста, какъ страшный адъ,
И вдругъ затрепетавъ, изрыгнулъ войска градъ:
Казанцы бросились полкамъ Россійскимъ встрѣчу,
И съ воплемъ начали они кроваву сѣчу.
Какъ волки, нашихъ силъ въ средину ворвались,
Кровавые ручьи мгновенно полились.
Россійски ратники, на части раздѣленны,
Быть скоро не могли въ полки совокупленны;
Съ одной страны, какъ градъ, летѣла туча стрѣлъ;
Съ другой, ревѣла смерть, пищальный огнь горѣлъ.
Послѣдующи два героя Едигеру,
Покинувъ смутный градъ, какъ страшны львы пещеру,
Оставивъ двѣ четы героевъ во стѣнахъ,
Смѣшали воинство, какъ вихрь смущаетъ прахъ;
Ихъ стрѣлы не язвятъ, и копья устремленны,
Ломаясь о щиты, падутъ, какъ трости тлѣнны.
Озмаръ единъ изъ нихъ, производящій родъ
Отъ храбрыхъ рыцарей у Крымскихъ черныхъ водъ,

На Россовъ страхъ въ бою, какъ грозный левъ, наводитъ,
Трепещутъ всѣ, куда сей витязь ни приходитъ;
Главу единому какъ шаръ онъ разрубилъ;
Другова въ чрево онъ мечемъ насквозь пронзилъ;
Всѣхъ коситъ какъ траву, кто щитъ свой ни уставитъ;
Строптивый конь его тѣла кровавы давитъ;
Уже съ Русинскаго съ размаху ссѣкъ главу,
Она роптающа упала на траву.
Угримова повергъ немилосердый воинъ:
Сей витязь многіе жить вѣки былъ достоинъ;
Единый сынъ сей мужъ остался у отца,
И въ юности не ждалъ толь скораго конца.
Отъемлетъ лютый Скиѳъ супруга у супруги;
Восплачутъ отъ него и матери и други.
Тогда злодѣй полки какъ волны раздѣлилъ,
На Троекурова всю ярость устремилъ.
Воитель, въ подвигахъ неукротимый, злобный,
Закинувъ на хребетъ свой щитъ, лунѣ подобный,
Въ уста вложивъ кинжалъ и въ руки взявъ мечи,
Которы у него сверкали, какъ лучи,
Бѣжитъ; но встрѣтилъ Князь мечемъ сего злодѣя;
Текуща кровь съ броней на землю каплетъ рдѣя;
Наводитъ ужасъ онъ, какъ близкая гроза;
Сверкаютъ подъ челомъ у варвара глаза;
Героя поразить мечами покушался,
Подвигся, отступилъ, во всѣ страны метался;
Хотѣлъ со двухъ сторонъ мечи свои вонзить,
Но Князь успѣлъ его сквозь сердце поразить;
Злодѣй заскрежетавъ сомкнулъ кровавы очи,
И гордый духъ его ушелъ во мраки ночи.
Повержена врага увидѣвъ своего,
Герой Россійскій снять спѣшитъ броню съ него;
Удары злобныхъ Ордъ щитомъ своимъ отводитъ;
Ихъ нудитъ отступить, съ коня на землю сходитъ;
Поникъ, но храбрость ту другой злодѣй пресѣкъ.

Съ копьемъ въ одной рукѣ, въ другой съ чеканомъ текъ;
Шумитъ, какъ древній дубъ, великъ тяжелымъ станомъ,
И Троекурова ударилъ въ тылъ чеканомъ:
Свалился шлемъ съ него какъ камень на траву;
Злодѣй, алкающій разсѣчь его главу,
Направилъ копіе рукою въ саму выю,
И скоро бы лишилъ поборника Россію;
Уже броню его и кольцы сокрушилъ,
Но Пронскій на конѣ къ сей битвѣ поспѣшилъ;
Узнавый, что его сподвижникъ погибаетъ,
Какъ молнія ряды смѣшенны прелетаетъ;
Разитъ, и руку прочь успѣлъ онъ отдѣлить,
Которой врагъ хотѣлъ геройску кровь пролить;
Свирѣпый витязь палъ. Ордынцы встрепетали;
Воскрикнули, щиты и шлемы разметали;
Смѣшались, дрогнули, и обратились въ бѣгъ.
Съ полками Пронскій Князь на ихъ хребты налегъ.
Какъ волны предъ собой Борей въ пучинѣ гонитъ,
Или къ лицу земли древа на сушѣ клонитъ,
Такъ гонятъ Россы ихъ, въ толпу соединясь.
Рубите! бодрствуйте! имъ вопитъ Пронскій Князь.
Весь воздухъ огустѣлъ шумящими стрѣлами,
И долъ наполнился кровавыми тѣлами;
Звукъ слышится мечный и ржаніе коней;
Летаетъ грозна смерть съ косою межъ огней;
Катятся тамъ главы, ліются крови рѣки,
И человѣчество забыли человѣки!
Что было бъ варварствомъ въ другія времена,
То въ полѣ сдѣлала достоинствомъ война.
Отрубленна рука, кровавый мечъ держаща,
Ни страшная глава въ крови своей лежаща,
Ни умирающихъ прискорбный сердцу стонъ,
Не могутъ изъ сердецъ изгнать свирѣпства вонъ.
За что бы не хотѣлъ герой принять короны,
То дѣлаетъ теперь для царства обороны;

Недосягающій бѣгущаго мечемъ
Старается его достигнуть копіемъ;
Бросаетъ вдаль копье, и кровь течетъ багрова;
Лишь только умерщвлять, на мысли нѣтъ инова!
Окровавилися лазоревы поля,
И стонетъ, кажется, подъ грудой тѣлъ земля.
Казанцы робкіе свой путь ко граду правятъ,
Тѣснятся во вратахъ, сѣкутъ, другъ друга давятъ;
Безвременно врата сомкнувши робкій градъ,
Какъ вихремъ отразилъ вбѣгающихъ назадъ.
Казанцы гордый духъ на робость премѣнили,
Спираяся у вратъ, колѣна преклонили.
Князь Пронскій, мщеніемъ уже не ослѣпленъ,
Ихъ просьбой тронутъ былъ и принялъ ихъ во плѣнъ.
Тогда луна свои чертоги отворила,
И ризой темною полки и градъ покрыла.
Но кровію своей и потомъ омовенъ,
Князь Троекуровъ былъ во Царскій станъ внесенъ.
Какое зрѣлище! съ увядшимъ сходенъ цвѣтомъ,
Который преклонилъ листы на стеблѣ лѣтомъ,
На персяхъ онъ главу висящую имѣлъ.
Взглянувый на Царя, вздохнулъ и онѣмѣлъ.
Рыдая Іоаннъ бездушнаго объемлетъ,
Но Царь, обнявъ его, еще дыханье внемлетъ:
Герой сей живъ!... онъ живъ!... въ восторгѣ вопіетъ;
Самъ стелетъ одръ ему и воду подаетъ.
Коль такъ Владѣтели о подданныхъ пекутся,
Они безгрѣшно ихъ отцами нарекутся.
Ахъ, для чего не всѣ, носящіе вѣнцы,
Бываютъ подданнымъ толь нѣжные отцы!
Но Царь при горестяхъ веселье ощущаетъ,
Исходитъ изъ шатра и воинству вѣщаетъ:
Вашъ подвигъ намъ врата ко славѣ отворилъ
И наши будущи побѣды предварилъ;
Мужайтеся, друзья! мы зримъ примѣры ясны,

Что брани наглыхъ Ордъ для Россовъ безопасны;
Увидя Пронскаго, о Князь! вѣщалъ ему,
Коль мы послѣдуемъ примѣру твоему,
Наутріе Орда и градъ ихъ сокрушится....
Сіе пророчество внедолгѣ совершится!
Ордамъ поборникъ адъ, поборникъ Россамъ Богъ;
Начальникъ храбрый Царь: кто быть имъ страшенъ могъ?
О Муза! будь бодра, на крилѣхъ вознесися,
Блюди полночный часъ и сномъ не тяготися.
Что медлишь, мрачна ночь, что волны спятъ въ рѣкѣ?
Лишь вѣютъ тихіе зефиры въ тростникѣ;
Что солнца изъ морей денница не выводитъ?
Натура спитъ, а Царь уже по стану ходитъ.
Доколѣ брани духъ въ сердцахъ у васъ горитъ,
Крѣпитесь, воины! Владѣтель говоритъ;
Казань меня и васъ польстила миромъ ложнымъ;
Мы праведной войной отмстимъ врагамъ безбожнымъ.
Во взорахъ молніи; нося перунъ въ рукахъ,
Онъ храбрость пламенну зажегъ во всѣхъ сердцахъ.
Но чьи простерлися отъ града черны тѣни,
Текущія къ полкамъ какъ быстрые елени?
Какъ въ стадѣ агничемъ, смятенномъ страшнымъ львомъ,
Ужасный слышанъ вопль въ полкѣ сторожевомъ:
Россійски ратники порядокъ разрываютъ,
И тинистый Булакъ поспѣшно преплываютъ;
Открыла ужасъ ихъ блистающа луна,
Которая была въ окружности полна.
Тамъ шлемы со холма кровавые катятся;
Тамъ копья, тамъ щиты разбросанные зрятся;
Какъ овцы, воины разсыпавшись бѣгутъ;
Четыре рыцаря сей полкъ къ шатрамъ женутъ;
То были рыцари, исшедши изъ Казани,
Отмщать Россіянамъ успѣхъ вечерней брани:
Изъ Индіи Мирседъ, Черкешенинъ Бразинъ,
Рамида Пѣрсянка и Гидромиръ Срацинъ,

Горящіе огнемъ неистовой любови,
Алкаютъ жаждою ко Христіанской крови;
Исторгнувъ въ ярости блестящіе мечи,
Какъ вѣтры бурные повѣяли въ ночи,
И войска нашего ударили въ ограду;
Какъ стадо лебедей скрывается отъ граду,
Такъ стражи по холмамъ отъ ихъ мечей текли...
Злодѣи скоро бы вломиться въ станъ могли,
Когда бъ не прекратилъ сію кроваву сѣчу
Князь Курбскій съ Палецкимъ, врагамъ изшедши встрѣчу.
Но вдругъ нахмурила златое ночь чело;
Блистающа луна, какъ въ тусклое стекло,
Во мрачны облака свое лице склонила,
И звѣзды въ блѣдныя свѣтила премѣнила;
Сгустилась вскорѣ тьма, предшественница дня.
Лишенны витязи небеснаго огня,
Другъ къ другу движутся, другъ къ другу ускоряютъ;
Но воздухъ лишь во мглѣ мечами ударяютъ,
И слышится вдали отъ ихъ ударовъ трескъ;
Встрѣчаяся, мечи кидаютъ слабый блескъ;
О камни копья бьютъ, когда другъ въ друга мѣтятъ;
Имъ пламенны сердца въ бою при мракѣ свѣтятъ.
Тогда, кристальну дверь небесну отворя,
Рождаться начала багряная заря,
И удивилася, взглянувъ на мѣсто боя,
Что бьются съ четырьмя Россійскихъ два героя;
Дивилася Казань, взглянувъ съ крутыхъ вершинъ,
Что Палецкій съ тремя сражается единъ;
Какъ левъ среди волковъ, ихъ скрежетъ презираетъ,
Такъ Палецкій на трехъ Ордынцевъ не взираетъ;
Кидается на нихъ, кидается съ мечемъ,
Который тройственнымъ является лучемъ,
Толь быстро обращалъ Герой свой мечъ рукою!
Онъ съ кровью бъ источилъ Ордынску злость рѣкою;
Но Гидромиръ, взмахнувъ велику булаву,

Вдругъ съ тыла поразилъ героя во главу;
Потупилъ онъ чело, сомкнулъ померклы очи
И, руки опустивъ, нисшелъ бы въ бездну ночи,
Когда бъ не прерванъ былъ незапно смертный бой.
Со Курбскимъ на холмѣ біющійся герой,
Въ изгибахъ ратничихъ подобенъ змію зрится;
Чѣмъ больше есть упорствъ, тѣмъ больше онъ ярится.
Къ главѣ коня склонивъ тогда чело свое,
Пустилъ онъ въ Курбскаго шумяще копіе;
Но язву легкую принявъ въ ребро едину,
Князь Курбскій, быстроту имѣющій орлину,
Толь крѣпко мечъ во шлемъ противника вонзилъ,
Что въ части всѣ его закрѣпы раздробилъ.
Воителя ручьи кровавы обагрили;
Волнистые власы плеча его покрыли;
По бѣлому челу кровь алая текла,
Какъ будто по сребру... Рамида то была!
И рану на челѣ рукою захватила,
Вздохнула, и коня ко граду обратила.
Увидя витязи ея текущу кровь,
Чего не дѣлаетъ позорная любовь!
Что ратуютъ они, что въ полѣ, что сразились,
Забыли рыцари, и къ граду обратились;
Имъ стрѣлы въ слѣдъ летятъ, они летятъ отъ нихъ;
Во пламенной любви снѣдала ревность ихъ;
Рамиду уступить другъ другу не хотѣли;
Отъ славы ко любви какъ враны полетѣли.

Но въ чувство Палецкій межъ тѣмъ уже пришелъ;
Онъ взоры томные на рыцарей возвелъ;
Бѣгутъ они! вскричалъ... и скорбь пренебрегаетъ;
Коня пускаетъ въ слѣдъ, за ними въ градъ влетаетъ;
Онъ гонитъ, бьетъ, разитъ, отмщеньемъ ослѣпленъ;
Сомкнулись вдругъ врата, и Князь пойманъ въ плѣнъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ НА ДЕСЯТЬ.

Багровые лучи покрыли небеса,
Упала на траву кровавая роса;
Червленные земля туманы испустила,
Обоимъ воинствамъ бой смертный возвѣстила;
Тамъ топотъ отъ коней, тяжелый млатъ стучитъ;
Желѣзо движется, и мѣдь въ шатрахъ звучитъ.
Казанскій Царь, внутри Казани затворенный,
Свирѣпствуетъ какъ вепрь въ пещерѣ разъяренный,
Гремящи внемлющій оружія вокругъ,
Реветъ, и кинуться въ злодѣевъ хочетъ вдругъ.
Свирѣпый Едигеръ, осады не робѣя
И Князя плѣннаго подъ стражею имѣя,
Четырехъ витязей скрывая во стѣнахъ,
Надежду основалъ на твердыхъ сихъ столпахъ;
Пищалей молніи и громы презираетъ,
Какъ будто на тростникъ, на стрѣлы онъ взираетъ,
И яко лютый тигръ спокойно пищи ждетъ,
Когда пастухъ къ нему со стадомъ подойдетъ.
Имѣющъ мрачну мысль и душу къ миру мертву,
Россіянъ подъ стѣной себѣ назначилъ въ жертву;
Тогда велѣлъ Ордамъ, таящимся въ лѣсахъ,
Когда покажутся знамена на стѣнахъ,
Оставить ратную въ глухихъ мѣстахъ засаду,
И грянуть Россамъ въ тылъ, когда приступятъ къ граду.
Свирѣпствомъ упоенъ, успѣхами манимъ,
Онъ чаетъ славу зрѣть летающу предъ нимъ.
Надежда мрачными его мечтами водитъ;
Отъ звѣрства Едигеръ ко хитрости проходитъ.
Несчастный Палецкій въ неволю увлеченъ,
Израненъ, скованъ былъ, въ темницу заключенъ.
Благочестивый Царь посла въ Казань отправилъ:
Сто знатныхъ плѣнниковъ за выкупъ Князя ставилъ;
Но яростью кипящъ и зла не зная мѣръ,

Посла изгналъ изъ стѣнъ съ презрѣньемъ Едигеръ.
Едва златую дверь Аврора отворила,
Дремучіе лѣса и горы озарила,
Имѣющъ бодрый духъ и мужество въ очахъ
Влечется Палецкій на торжище въ цѣпяхъ;
Народомъ окруженъ, зритъ мѣсто возвышенно,
Червленными кругомъ коврами облеченно.
Ужасно зрѣлище для сердца и очей:
Тамъ видно множество блистающихъ мечей;
Тиранства вымыслы, орудія боязни,
Огни, сѣкиры тамъ, различны смертны казни.
Князь очи отвратилъ въ противную страну,
Тамъ видитъ бисеромъ украшенну жену,
Подобное водѣ сквозь тонко покрывало
Неизреченныя красы лице сіяло.
Среди позорища представился тиранъ;
Сидитъ держащъ въ рукахъ разгнутый Алкоранъ
И Князю говоритъ: Зри казни, зри на дѣву,
Измѣщу красы небесны, кровь Цареву;
Едино избери, когда желаешь жить:
Казани обяжись, какъ вѣрный другъ, служить;
Понявъ жену сію для вящаго обѣта,
Склони твое чело предъ книгой Магомета;
Невольникъ! пользуйся щедротою моей;
На Русскаго Царя надежды не имѣй:
Приди и преклонись!... Отъ гнѣва Князь трепещетъ;
Онъ взоры пламенны на Едигера мещетъ
И тако отвѣчалъ: Иду на смертну казнь!
Оставь мнѣ мой законъ, себѣ оставь боязнь!
Ты смѣлымъ кажешься сидящій на престолѣ,
Не такъ бы гордъ ты былъ предъ войскомъ въ ратномъ полѣ;
Не угрожай ты мнѣ мученьями, тиранъ!
Господь на небесахъ, у града Іоаннъ!...
Жестокій Едигеръ, словами уязвленный,
Весь ядъ почувствовалъ отвѣтомъ воспламененный;

Біющій въ грудь себя, онъ ризу растерзалъ,
И Князя плѣннаго тиранить приказалъ.
Но гордый Гидромиръ, на мѣстѣ казни сущій,
Достойныхъ рыцарей престола выше чтущій,
Изъ рукъ воителя у воиновъ извлекъ,
И къ трону обратясь, Царю со гнѣвомъ рекъ:
О Царь! ты, рыцарскихъ священныхъ правъ не зная,
Караешь узника, казнить героя чая;
Онъ въ полѣ предложилъ сраженіе тебѣ;
Стыдись робѣть, меня имѣя при себѣ.
Съ молчаніемъ народъ и Царь Срацину внемлетъ;
Спокойно Гидромиръ со Князя узы съемлетъ;
За стѣны подъ щитомъ препроводилъ его
Сразиться въ битвѣ съ нимъ, взявъ клятву отъ него.
　　Межъ тѣмъ Россійскій Царь, занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ ко граду взоры;
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ перуны скрывъ, въ ночи привезть подъ градъ.
Какъ нѣкій Исполинъ раскатъ стопы подвигнулъ,
Потрясся, заскрипѣлъ и градскихъ стѣнъ достигнулъ;
Разверзлись пламенны громады сей уста,
Сверкнула молнія на градскія врата;
Казань кичливую перуны окружаютъ,
По стогнамъ жителей ходящихъ поражаютъ.
Пресѣчь пути врагамъ, весь градъ разрушить вдругъ,
Царь турами велѣлъ обнесть твердыни вкругъ,
И будто малый холмъ объемлющій руками,
Столицу окружилъ Россійскими полками.
Рѣшась отважную осаду довершить,
Велѣлъ онъ Розмыслу подкопомъ поспѣшить;
Казанцы, кои взоръ недремлющій имѣли,
Оружія схвативъ, какъ пчелы, восшумѣли;
Тогда явился знакъ колеблемыхъ знаменъ,
Зовущій изъ засадъ Ордынску рать со стѣнъ.
　　И се! изъ градскихъ вратъ текутъ рѣкѣ подобны,

Текутъ противъ Царя, текутъ Ордынцы злобны;
Вскричали, сдвинулись, и сѣча началась;
Ударилъ громъ, и кровь ручьями полилась.
Стенанья раненыхъ небесный сводъ пронзаютъ,
Казанцы въ грудь полковъ Россійскихъ досязаютъ;
И силѣ храбрый духъ Россійскій уступилъ,
Засада наскочивъ, на нихъ пустилась въ тылъ.
Войну побѣдою Казанцы бы рѣшили,
Дворяне Муромски когда бъ не поспѣшили.
Сіи воители, какъ твердая стѣна,
Котора изъ щитовъ единыхъ сложена,
Летятъ, стѣсняютъ, жмутъ, Ордынцовъ раздѣляютъ,
Жаръ множатъ во своихъ, въ Казанцахъ утоляютъ;
Какъ прахъ развѣяли они враговъ своихъ,
Прогнали; брани огнь отъ сей страны утихъ.
Но три воителя, сомкнувшися щитами,
Изъ градскихъ вышли стѣнъ особыми вратами;
Какъ облако, отъ ихъ коней сгустился прахъ;
На крыліяхъ летятъ предъ ними смерть и страхъ;
Ихъ взоры молніи, доспѣхи громъ метали;
Ступай къ намъ, Курбскій Князь! они возопіяли,
Шемякинъ! Палецкій! и кто изъ храбрыхъ есть?
Придите воспріять единоборства честь!...
И тако Гидромиръ: Осмѣльтесь биться съ нами!
Иль нравно только вамъ сражаться со женами...
Онъ кожей тигровой какъ ризою покрытъ,
Въ очахъ его и злость и тусклый огнь горитъ;
Свирѣпость на лицѣ, въ устахъ слова безбожны,
Неблаговѣрному хулителю возможны;
Подобенъ видится ожесточенну льву,
Рукою онъ вращалъ желѣзну булаву;
И громко возопилъ: Вы зрите не Рамиду!
Россіянамъ хочу отмстить ея обиду,
Ступайте казнь принять!... Воспѣнясь, какъ котелъ,
Мстиславскій дать отвѣтъ Срацыну восхотѣлъ.

Сей мужъ въ сраженіяхъ ни дерзокъ былъ, ни злобенъ,
Но твердому кремню казался онъ подобенъ,
Который искръ ручьи въ то время издаетъ,
Когда желѣзомъ кто его поверхность бьетъ.
Стоящъ недвижимо въ рядахъ, какъ нѣкій камень,
Мстиславскій ощутилъ горящій въ сердцѣ пламень.
Царь выступить велѣлъ противу трехъ троимъ;
Мстиславскій двигнулся и Курбскій вмѣстѣ съ нимъ;
На битву Палецкій въ условіе стремится.
Сближаются: земля дрожитъ, и небо тмится.
Подобенъ бурному приливу шумныхъ водъ,
Стекается уже и нашъ и ихъ народъ.
Но камень будто бы въ рѣку изъ рукъ падущій,
Изъ точки дѣлаетъ далеко кругъ растущій:
Противоборники, мечи исторгнувъ вдругъ,
Такъ двигали народъ изъ круга въ большій кругъ;
Тогда, свой мечъ склонивъ, Бразинъ сіе вѣщаетъ:
Сей день побѣду намъ иль гибель обѣщаетъ;
Когда побѣды вы получите вѣнецъ,
Поставите войнѣ и пренію конецъ;
Въ отечество свое клянемся возвратиться:
Однако льзя ли симъ, о Россы! вамъ и льститься?
Но если будетъ такъ, безъ насъ возьмите градъ:
Вы сильны покорить тогда и самый адъ.
Когда же васъ троихъ во брани одолѣемъ,
О чемъ ни малаго сомнѣнья не имѣемъ,
Мы въ узахъ повлечемъ противоборцевъ въ плѣнъ
И будетъ нами родъ Московскій истребленъ;
Рабы вы будьте намъ! клянемся нынѣ въ ономъ
Мечами нашими, Рамидой, Царскимъ трономъ;
Когда сраженіе не ужасаетъ васъ,
Завѣтъ исполнить сей клянитесь вы сейчасъ!

От сей кичливости исполненные гнѣва
Герои ждутъ на брань велѣнія Царева,
Да словомъ подтвердитъ ихъ клятвы онъ печать;

На все рѣшился Царь, и бой велѣлъ начать.
Все войско раздалось для важнаго предлога;
Герои, шлемы снявъ, зовутъ на помощь Бога.
Жестокій Гидромиръ безумства не скрывалъ:
Не Бога въ помощь онъ, Рамиду призывалъ,
И рекъ Россіянамъ: Сраженія не длите!
Не о побѣдѣ вы, о жизни днесь молите;
Готовьтесь смерть принять! Съ симъ словомъ, какъ орелъ,
На Палецкаго мечъ исторгнувъ полетѣлъ;
Съ Бразиномъ копьями Мстиславскій князь сразился;
Мечъ Курбскаго во щитъ Мирседу водрузился;
Весь воздухъ восшумѣлъ, и битва началась...
Сражаются, но кровь нескоро полилась.
Мстиславскій на врага перунъ изъ рукъ кидаетъ,
То съ лѣвыя страны, то съ правой нападаетъ;
Но будто стѣну онъ орудіемъ біетъ,
Уже разить копьемъ Бразина устаетъ;
Онъ зрится каменнымъ нечувственнымъ кумиромъ.
Схватился Палецкій съ свирѣпымъ Гидромиромъ:
Кони споткнулися, упали шлемы съ нихъ,
Закрыли ихъ щиты главы у обоихъ;
Склоненные къ землѣ еще они біются;
Вспрянули, сдвигнулись, удары раздаются;
Спираясь три четы, изображаютъ кругъ,
То въ груду сложатся, то раздадутся вдругъ;
Отвсюду зрится смерть, отвсюду и побѣда.
Князь Курбскій копіемъ ударилъ въ грудь Мирседа;
Щитомъ себя Мирседъ закрыть не ускорилъ,
Взревѣлъ, и тыломъ онъ хребетъ коня покрылъ.
Рамида въ оный часъ со стѣнъ на брань взглянула,
И видя во крови Мирседа, воздохнула;
Къ Мирседу паче всѣхъ склонна была она;
Забыла, что сама въ чело поражена,
Мгновенно въ сердце къ ней Мирседовъ стонъ преходитъ,
И въ духѣ жалость, гнѣвъ, отмщенье производитъ;

Бѣжитъ и встрѣшняго мечемъ своимъ сѣчетъ,
На копья, на мечи Рамиду страсть влечетъ.
Прервать неравный бой Россіяне возстали,
Ихъ очи и мечи какъ звѣзды заблистали,
И вдругъ сраженіе со всѣхъ сторонъ зажглось,
Все войско на лугу какъ туча развилось;
Кипитъ кровава брань, полки съ полками бьются;
Герои съ вящшею досадой разстаются.
Князь Курбскій, обратясь, унять мятежъ хотѣлъ,
Во время то Мирседъ на Князя налетѣлъ,
Копьемъ ребро его подъ сердцемъ прободаетъ,
Разитъ въ главу, и Князь безчувственъ упадаетъ.
Пылаютъ мщеніемъ Россійскіе полки,
Слились съ Казанскими, какъ будто двѣ рѣки,
Гдѣ волны бурное теченье составляютъ,
Другъ друга прутъ назадъ, другъ друга подавляютъ,
Сперлися воины въ поднявшейся пыли;
Безгласенъ Курбскій Князь простерся на земли.
Тогда совокупясь, какъ страшныя стихіи,
Четыре витязя пошли противъ Россіи,
Подобно слившися четыре вѣтра вдругъ,
Бунтуютъ Океанъ, летая съ шумомъ вкругъ;
Ихъ жадные мечи въ густой пыли сверкаютъ,
Разятъ, свирѣпствуютъ, какъ страшны львы, рыкаютъ.
Россіяне уже хотѣли отступить,
Но силы новыя пришли ихъ подкрѣпить,
Богъ волею своей, Царь бодрыми очами,
Вельможи твердыми и мудрыми рѣчами.
Но Курбскій между тѣмъ почти во смертномъ рвѣ,
Едва дыша лежалъ, израненъ на травѣ;
Вблизи стеналъ одинъ изъ витязей Казанскихъ,
Глоталъ онъ пыль, отъ рукъ поверженъ Христіанскихъ:
Сей вдругъ опомнился, на Курбскаго взглянулъ,
Онъ мужество его и силы вспомянулъ;
Зря Князя дышуща, злодѣйство долгомъ ставитъ;

На локоть опершись, песокъ колѣномъ давитъ,
По собственной крови нога его скользитъ,
И умирающій безгласному грозитъ;
Онъ свой кинжалъ рукой дрожащей исторгаетъ,
Какъ змій раздавленный, все тѣло предвигаетъ;
Послѣдню варваръ кровь стремится источить,
И чаетъ тѣмъ вѣнецъ на небѣ получить.
Велика бы сія была Россіи трата;
Но младшій старшаго Князь Курбскій встрѣтилъ брата,
Убійцѣ острое копье въ хребетъ вонзилъ,
Надъ тѣломъ братнинымъ злодѣя поразилъ.
Залившись юный Князь горчайшихъ слезъ рѣками,
Объемлетъ блѣдный трупъ дрожащими руками,
Увы, любезный братъ! стоная вопіетъ,
Покинулъ ты меня и сей покинулъ свѣтъ.
Но, нѣтъ! ты живъ еще ко мнѣ твоей любовью,
И дружествомъ во мнѣ, и братней живъ ты кровью;
Я гнѣва моея души не насыщу,
Доколѣ въ пепелъ всю Казань не превращу.
Израненный взглянулъ, пожавъ у брата руку,
Болѣзненну его убавилъ въ сердцѣ муку;
О братъ мой! онъ вскричалъ, ты живъ, на часъ прости!
И ратниковъ созвавъ, велѣлъ его нести.
Героя ратники какъ пчелы окружили,
Поднявъ стенящаго, на твердый щитъ взложили:
Коль бремя легкое воительскимъ рукамъ,
Почтенное для нихъ, но тяжкое сердцамъ!
Межъ тѣмъ, какъ левъ младый, повсюду Курбскій рыщетъ,
Бразина въ тѣснотѣ и Гидромира ищетъ;
Рамидѣ хочетъ онъ за брата отомстить,
Въ Мирседовой крови блестящій мечъ омыть.
Водимый мщеніемъ и храбростью слѣпою,
Онъ вдругъ объемлется Казанскою толпою,
И стрѣлы на него какъ градъ густой падутъ.

Тамъ видитъ онъ мечи, чеканы, копья тутъ;
Но тяжко то ему, что мщеніемъ коснѣетъ:
Пять стрѣлъ вонзенныхъ онъ въ ногѣ своей имѣетъ;
Преломленно копье въ щитѣ его виситъ,
И кровь изъ ранъ его всходящу пыль роситъ;
Но тучу онъ враговъ какъ стогны расширяетъ,
Однихъ мечемъ, другихъ сѣкирой ударяетъ,
И въ полѣ на конѣ какъ молнія летитъ,
Ласкаясь, что врагамъ за брата отомститъ.
Въ различныя мѣста начавшагося боя,
Какъ вихри, разошлись Казанскихъ три героя;
Мирседъ съ Рамидою, спасти желая градъ,
Взявъ пламенникъ, зажгли придвигнутый раскатъ.
Какъ нѣкая гора, громада истлѣваетъ;
Мирседъ съ Рамидой ровъ глубокій преплываетъ,
На стѣны градскія скорѣе бурь текутъ,
И лѣстницы въ стѣнахъ приставленны сѣкутъ;
Колеблются они, падутъ; и Россы съ ними
Тѣлами градскій ровъ наполнили своими.
Стоящу на стѣнѣ Мирседу Курбскій рекъ:
Ты счастливъ, что во градъ какъ робкій звѣрь утекъ!
Но мстить другимъ врагамъ за брата не оставлю:
Я раны и твои ко ранамъ ихъ прибавлю.
Текущу кровь унявъ, летитъ скорѣе стрѣлъ
Туда, гдѣ брани огнь свирѣпѣе горѣлъ.
Готовься къ дивному повѣствованью, лира.
Средь Муромскихъ дворянъ князь видитъ Гидромира,
Которы витязя отрѣзавъ отъ полковъ,
Его объемлютъ вкругъ, какъ стадо юныхъ львовъ;
Межъ ними зміемъ онъ является крылатымъ,
И движетъ онъ щитомъ, какъ крыліемъ пернатымъ;
Ни онъ себя отъ нихъ не можетъ свободить,
Ни Муромцы его не могутъ побѣдить.
Какъ вѣтвія свои на землю дубъ кидаетъ,
Но движимъ бурями, стоитъ, не упадаетъ:

Такъ весь оружіемъ обремененъ своимъ,
Осыпанъ тучей стрѣлъ, стоитъ неколебимъ.
Князь Курбскій возопилъ, алкая съ нимъ сразиться:
Не стыдно ль множеству съ единымъ купно биться?
Храните рыцарскій, герои, въ бранѣхъ чинъ;
Оставьте насъ, хочу съ нимъ ратовать единъ.
Услышавъ Гидромиръ отважну рѣчь толику,
Висящу вдоль бедры взялъ палицу велику,
Онъ ею въ воздухѣ полкруга учинилъ,
Часть Муромскихъ дворянъ на землю преклонилъ,
И князя бъ разразилъ шумящей булавою,
Но онъ къ главѣ коня приникъ своей главою,
И тако ускользнулъ, не поврежденъ ничѣмъ;
Но Гидромира онъ поранилъ въ пахъ мечемъ.
Разсвирѣпѣлъ злодѣй, болѣнію не внемлетъ,
Какъ мачту, палицу тяжелую подъемлетъ,
И Муромскихъ дворянъ, и Курбскаго разитъ:
Тамъ шлемы сокрушилъ, тамъ латы, тамо щитъ.
Какъ дикій вепрь въ чело стрѣлою уязвленный,
Такъ мечется вездѣ сей витязь разъяренный.
Князь Курбскій въ грудь его пускаетъ копіе:
Онъ палицей отбилъ оружіе сіе;
Дворяне копьевъ лѣсъ въ Ордынца направляютъ,
Тѣснятся, но его ни въ чемъ не уязвляютъ:
Во твердую броню одѣянъ былъ злодѣй;
Но кровь текущая изъ раны, какъ ручей,
Ослабила его нечеловѣчьи мочи;
Онъ тяжко обращать померклы началъ очи,
Едва и палицу изъ рукъ не упустилъ,
Шатнулся, и коня ко граду обратилъ.
Младому Курбскому привѣтствуетъ побѣда,
Бѣгущаго врага не покидаетъ слѣда:
Стрѣлой разитъ его, сѣкирою, мечемъ;
Онъ быстро въ градъ скакалъ, влекомъ своимъ конемъ;
Но Курбскій бы низвергъ его въ предѣлы ада,

Вдругъ пуля, засвиставъ со стѣнъ мятежна града,
Младому рыцарю ударилась во грудь:
Врагу очистила, ему пресѣкла путь.
Тогда рѣкой текли Казанцы въ градъ бѣгущи,
И бурей кажутся имъ Россы въ слѣдъ текущи.
Изображеніе Ордынскія бѣды,
Бѣгущихъ къ граду кровь означила слѣды;
Но окомъ различить, въ пыли, въ толпахъ смятенныхъ,
Со побѣдительми не можно побѣжденныхъ:
Равно стремителенъ и сихъ, и тѣхъ побѣгъ;
Такъ съ градомъ иногда совокупляясь снѣгъ
Летитъ въ ущеліе широкой полосою,
И вкупѣ падаетъ, віясь чертой косою;
Лишь можно Росса тѣмъ съ Ордынцомъ распознать,
Что сей спѣшилъ утечь, а тотъ стремился гнать.
Казанцы робкіе не вдругъ врата отверзли,
Ихъ войски многія въ горахъ, въ рѣкахъ исчезли.
И се! бѣжитъ Бразинъ, какъ молніей, гонимъ;
Оборонялся онъ еще мечемъ своимъ.
Микулинскій у рва злодѣя достигаетъ,
Но онъ въ глубокій ровъ стремглавъ себя ввергаетъ;
Кидается съ бреговъ, ко граду онъ плыветъ;
Микулинскій коня за нимъ пускаетъ въ слѣдъ.
Какъ выжлецъ скачущій далеко волка гонитъ,
Туда склоняя бѣгъ, куда онъ бѣгъ уклонитъ,
Зубами, кажется, касается ему:
Такъ рыщетъ въ слѣдъ герой злодѣю своему;
Въ водѣ его разитъ: онъ трижды погрузился;
Микулинскаго мечъ въ хребетъ ему вонзился:
Но зря разсѣлину, какъ змій, утекъ онъ въ градъ.
Еще Микулинскій не шествуетъ назадъ:
За камень на стѣнѣ рукою ухватился,
Тряхнулъ его, и съ нимъ сей камень отвалился;
Осыпанъ прахомъ весь, Микулинскій падетъ,
Главу щитомъ покрывъ, ко брегу вспять плыветъ.

Свирѣпа смерть блюсти Казанцевъ восхотѣла,
На черныхъ крыліяхъ превыше стѣнъ взлетѣла;
Омытымъ кровію покровомъ облеклась,
И молнія вкругъ ней струями извилась;
Дыханьемъ воздухъ весь селитренымъ сгустила,
Со ужасомъ огонь какъ градъ со стѣнъ пустила;
Въ Россійскіе полки онъ тучей ударялъ;
За громомъ громъ другій мгновенно ускорялъ.
Благочестивый Царь, людей своихъ жалѣя,
Съ плѣненными послалъ Ордынцами Алея;
Передъ стѣнами ихъ велѣлъ къ столбамъ вязать:
Не ярость тѣмъ хотѣлъ надъ ними оказать,
Но войски собственны отъ гибели избавить,
Ордынцевъ укротить и звѣрства ихъ убавить.
Какъ жертву плѣнниковъ ко граду повлекли,
Ихъ видя у тыновъ Казанцы, имъ рекли:
Вамъ лучше умереть отъ рукъ Махометанскихъ,
Чѣмъ кончить свой животъ въ плѣну отъ Христіанскихъ.
По словѣ варварскомъ ударилъ паки громъ.
Какую пѣснь мнѣ пѣть, какимъ писать перомъ!
Ордынцы лютые единовѣрныхъ губятъ!...
И се! къ отшествію трубы Россійски трубятъ;
Напрасной смерти Царь злодѣямъ не хотѣлъ,
Отверженныхъ враговъ друзьями пожалѣлъ;
Влеките! возопилъ, невольниковъ обратно;
Похвально побѣждать, но миловать пріятно!
Тогда все войско вспять какъ море отлилось;
Сраженье у бойницъ еще не прервалось.
Пылаютъ мужествомъ изъ Мурома дворяне;
Но имъ даютъ отпоръ изъ засѣкъ Агаряне,
Которы въ лѣсъ хотятъ орудія увлечь.
Какъ хворостъ огонь спѣшитъ въ сухой печи возжечь,
Такое въ Муромцахъ свирѣпство вспламенилось,
Пожаромъ гибельнымъ Ордынцамъ учинилось:
Разсыпавшись какъ дождь, бѣгутъ отъ стрѣлъ они.

Такъ пламень ѣстъ траву во знойны лѣтни дни.
Очистилось уже отъ битвы ратно поле;
Ордынцы скрылись въ лѣсъ, не видно брани болѣ.
Но полемъ шествуя, съ печалью Царь воззрѣлъ
На груды цѣлыя въ крови лежащихъ тѣлъ.
Лицемъ ко небесамъ Россіяне лежали,
Восшедши души ихъ туда изображали.
Ордынцы, ницъ упавъ, потупя тусклый взглядъ,
Являли души ихъ нисшедшія во адъ.
Царь, сѣтуя о сихъ, болѣзнуя о чадахъ,
Крушеніе носилъ въ величественныхъ взглядахъ;
Тогда предать землѣ тѣла ихъ повелѣлъ;
Но витязя межъ нихъ стенящаго узрѣлъ,
Который ослабѣвъ на мечъ свой опирался,
Три раза упадалъ, три раза поднимался:
То Курбскій былъ младый; лишаемаго силъ
Царь витязя сего въ объятія схватилъ;
Возставилъ, и въ душѣ смущенъ его судьбою,
Помалу шествуя, во станъ привелъ съ собою.

Не долженъ Князь отъ ранъ подъ градомъ умереть;
Но матерь въ старости его не будетъ зрѣть:
Въ ея объятія едва онъ возвратится,
Цвѣтущій вѣкъ его отъ раны прекратится,
Скорбящій братъ его разслабленъ, утомленъ,
Къ несчастью своему, явится исцѣленъ.

Сумнительная брань Цареву грудь печалитъ,
Но мужество однихъ, другихъ успѣхи хвалитъ,
Лобзаетъ витязей, какъ чадъ своихъ отецъ,
Награда взоръ его, а слово имъ вѣнецъ.
Возженны пламенной къ отечеству любовью,
Запечатлѣть ее клянутся вѣрной кровью.

Уже покровомъ ночь объемлется густымъ,
Въ поляхъ явилися огни и синій дымъ,
Какъ будто бы свѣщи, возженныя при гробѣ;
Убитыхъ предаютъ въ слезахъ земной утробѣ;

Преобращается въ могилу чистый лугъ...
Но вѣтры бурные въ брегахъ взревѣли вдругъ!
Гремятъ, какъ будто-бы перуномъ воруженны,
Россійскія суда снарядомъ нагруженны;
И гибнетъ твердая ограда всѣхъ полковъ,
Металы тяжкіе летаютъ средь валовъ:
Напружилась вода, Борей въ пучину дуетъ;
Съ водою бурный вихрь, а съ нимъ вода воюетъ;
Но вихрь хребетъ рѣки трезубцемъ поразилъ,
Усталъ, на волну легъ, снаряды погрузилъ.
Какое зрѣлище Царю, вельможамъ, войску!
Вода вливаетъ страхъ во грудь и въ мысль геройску.
Царь, будто вдругъ претя смятенью и волнамъ,
Вѣщалъ: погибло все, осталась храбрость намъ!
На храбрость, воины, надежду возложите,
И грудью грады брать искусство покажите;
Мы грудью градъ возмемъ! всѣ воины рекли,
И съ шумомъ какъ орлы ко стану потекли.
Тогда увидѣли при мѣсячномъ сіяньѣ,
Котораго на станъ простерлося блистанье,
Что нѣкій юноша скитался межъ шатровъ:
Онъ Русскій щитъ имѣлъ и шлемъ себѣ въ покровъ;
Но робкій ходъ его и мѣста обозрѣнье
Вселяютъ во Царя и въ войско подозрѣнье.
Прерѣзанъ путь ему, и юноша схваченъ;
Между мечами онъ къ Монарху привлеченъ.
Кто ты? у плѣнника герои вопрошаютъ;
Но твердости его вопросомъ не лишаютъ.
Увы! отвѣтствуетъ, бѣда мнѣ съ вами брань!
Не кроюся, мое отечество Казань;
Но что въ одеждѣ сей пришелъ толико смѣло,
Ищу, хочу найти родительское тѣло.
Синонъ! вторый Синонъ возопіялъ стеня,
Отецъ мой въ брань пошелъ сражаться за меня;
Увы! онъ кончилъ жизнь; мнѣ тѣнь его явилась,

И прахъ землѣ предать, рыдая, мнѣ молилась,
Ахъ! дайте тѣло мнѣ бездушное обнять:
По крови мнѣ моей легко его познать;
Имѣете отцевъ, о Россы! вы и сами;
Надъ сыномъ сжальтеся, молю васъ Небесами;
Мое усердіе за щедрость вамъ явлю:
Вамъ тайны, умыслъ вамъ Казанцевъ объявлю...
Но Царь, познавый въ немъ духъ лести и измѣны,
Вѣщалъ: Бѣги скорѣй, несчастный, въ градски стѣны!
Бѣги ты! опиши Казанцамъ Россій станъ;
Скажи, что съ войскомъ въ немъ не дремлетъ Іоаннъ,
Что безъ побѣды онъ отъ града не отступитъ,
И славы никогда измѣнами не купитъ...
Едва сіи слова съ презрѣньемъ Царь изрекъ,
Какъ громомъ пораженъ, лазутчикъ въ градъ потекъ.
Но гордый Едигеръ, питая мысль жестоку,
Не къ храбрости прибѣгъ, прибѣгнулъ ко пороку.
Кто въ сердцѣ чистоты не чувствуетъ прямой,
Тотъ хочетъ завсегда прикрыть свой умыслъ тьмой.
Есть нѣкая гора въ трехъ поприщахъ отъ града,
За ней скрывалася Ордынская засада;
Съ вершины вдоль горы растетъ дремучій лѣсъ,
Въ который входа нѣтъ сіянію небесъ;
Непроницаемой окружностью и тьмою
Сокрылъ дремучій лѣсъ засаду за спиною;
Въ горѣ кремнистая ущелина была,
Изъ коей выбѣгать Орда на брань могла.
Толь мѣсто сходное со мрачнымъ духомъ Царскимъ
Сношеніе свое имѣло съ градомъ Арскимъ,
Который отъ горы лежалъ въ недалекѣ,
Снаряды отправлялъ къ засадѣ по рѣкѣ.
Роскошной пищею толпа сія снабденна,
Была на быстрые набѣги учрежденна.

Лишь только совершалъ теченье свѣтлый день,
Луна на небо шла, сгущалась въ полѣ тѣнь,

Тогда, какъ хищныя изъ мрачныхъ нырищъ птицы,
Смущали Россіянъ чрезъ цѣлый кругъ седмицы;
Россійскій седьмъ ночей не зналъ покоя станъ.
Съ досадой на сіе взираетъ Іоаннъ;
Онъ силы посылалъ набѣговъ сихъ къ отпору,
Но воины его одну встрѣчали гору,
Дремучій только лѣсъ, непроходимый путь,
Не люди гдѣ ходить, но вѣтры могутъ дуть.
Ордынскаго Царя сей вымыслъ утѣшаетъ,
Но Іоанну быть великимъ не мѣшаетъ.
Толь часто видимыхъ ко отвращенью бѣдъ
Ревнительныхъ вельможъ въ шатры свои зоветъ;
Открылъ вину, почто осадою коснѣетъ:
Подземный ходъ, вѣщалъ, успѣховъ не имѣетъ;
Засада приступъ намъ мѣшаетъ предпріять,
Намъ войскъ велику часть удобно потерять.
Тогда Хилковъ возсталъ, являющъ умъ во взорахъ,
Въ разсудкѣ плодовитъ, но кратокъ въ разговорахъ;
Онъ рекъ Царю: Во вѣкъ мы града не возьмемъ,
Доколѣ изъ засадъ враговъ не изженемъ;
Межъ дебрей и заразъ они въ лѣсахъ вмѣщенны;
Но имъ дороги къ намъ отвсюду отворенны:
Вели прерѣзать имъ со всѣхъ сторонъ пути;
Но скромность надлежитъ въ сихъ подвигахъ блюсти;
Засада коими привыкла къ намъ стремиться,
Въ оврагахъ и горахъ вели своимъ сокрыться.
Ко истребленію Ордынскихъ наглыхъ силъ
Ты встрѣчу имъ пойдешь, они ударятъ въ тылъ,
Есть Арскій близко градъ, тамъ скопище безбожно;
Сіе гнѣздо враговъ разрушить вскорѣ можно;
Отправь туда полки... Царь мужу внялъ сему,
И съ Суздальскимъ велѣлъ уйти во градъ ему.
Но войски раздѣливъ, какъ тучу, на двѣ части,
Едину поручилъ Тверскаго Князя власти;
Велѣлъ ему изъ горъ Ордынцовъ ожидать,

Въ окопы пропуствивъ, кроваву сѣчу дать;
Къ порядку ратному оставшихся устроилъ,
И тако воинство и духъ свой успокоилъ.
Стрегущая Орду въ то время войска часть
Со Троекуровымъ терпѣла злу напасть;
Возлечь Россіяне на ихъ мѣстахъ не смѣли,
На копья опершись, мгновенный сонъ имѣли;
Изъ за лѣсовъ густыхъ тревожитъ ихъ Казань:
Имъ пища хлѣбъ сухой, столы ихъ были длань;
Любовь къ отечеству Россіянъ подкрѣпила,
Сурову пищу ихъ, сонъ легкій заступила;
Велико зло сіе, но меньше было тѣмъ,
Что витязямъ судьба претила четыремъ
Изъ града исходить. Какъ будто хищны враны,
Отъ молній убѣжавъ, они цѣлили раны;
Въ болѣзняхъ не могли Россіянъ возмущать:
Причину скорби ихъ не время мнѣ вѣщать.
Но православія и нашихъ войскъ злодѣя
Рокъ лютый въ градъ привлекъ, Нигрина чародѣя,
Рамидина отца. Онъ внесъ войну, не миръ.
Уже избавился отъ раны Гидромиръ;
Возстали витязи, Нигриномъ излѣченны;
Но Россамъ грозы ихъ судьбою пресѣченны.
Уже три раза ночь сгущала мрачну тѣнь;
Орда изъ засѣки въ четвертый вышла день,
Которые себя по дебрямъ тайно крыли,
Россіяне враговъ ко стражѣ допустили;
И стража начала въ окопы отступать,
Дабы скрываясь, ровъ злодѣямъ ископать.
Побѣда вѣрная стремящимся польстила!
Но Троекуровъ Князь врагамъ ударилъ съ тыла,
Безстрашно изскочивъ на холмы изъ кустовъ.
Съ мечами встрѣтили Россіяне враговъ.
Какъ звѣзды въ лѣтню ночь, въ рѣкѣ изображенны,
По небу движутся, ничѣмъ не возмущенны,

Но вѣтры, прилетѣвъ на крыліяхъ своихъ,
Взволнуютъ верхъ рѣки и восколеблютъ ихъ:
Такъ Россы съ двухъ сторонъ коней своихъ пустили,
И варварски толпы смѣшали, возмутили.
Казалось, храбрый духъ на крыльяхъ Россовъ несъ;
Затворенъ градъ врагамъ, отрѣзанъ сзади лѣсъ,
Блистаютъ молніи, зіяетъ смерть отвсюду,
Нигдѣ спасенья нѣтъ, защиты ни откуду.
Начальникъ нашихъ войскъ, ихъ бѣдствомъ умиленъ,
Злодѣямъ предложилъ неизбѣжимый плѣнъ.
Великодушію враги сіи не внемлютъ,
Отчаянную смерть въ свирѣпствѣ предпріемлютъ.
Какъ будто лютая склубившися змія
Спѣшитъ раскинуться, во чревѣ ядъ тая:
Такъ варвары сперва въ единый кругъ стѣснились,
И вдругъ во всѣ страны расширились, пустились;
Но будто твердою плотиной сонмамъ водъ
Прерѣзанъ воинствомъ Россійскимъ ихъ уходъ:
Блестящіе мечи отвсюду засверкали;
Тамъ Орды гробъ нашли, побѣды гдѣ искали;
Перуны падаютъ, летаютъ копья въ нихъ:
Пронзенъ въ гортань, упалъ Армазъ, начальникъ ихъ.
Не узритъ вѣчно онъ ни дщерей, ни супруги;
Оставили его и ближніе, и други,
Которые пришли дѣлить корысти съ нимъ;
Судьба назначила подобный жребій имъ.
Армазовъ юный сынъ погибнулъ смертью злою:
Пронзенъ во грудь стрѣлой, песокъ чертитъ стрѣлою,
Его во стременахъ строптивый конь влечетъ,
И гдѣ влечется онъ, тамъ кровь ручьемъ течетъ.
Казалось, мечъ схвативъ свирѣпый ангелъ брани,
Какъ мельничны крылѣ, вращалъ ужасны длани,
Въ Ордынцевъ бросился, поля окровавилъ,
Устами поглощалъ, стопами ихъ давилъ;
Кони и всадники обратный путь теряютъ;

От смерти прочь текутъ, но смертью ускоряютъ.
Какъ сонныхъ будто бы людей ночной пожаръ,
Ввергаетъ грозный бой въ безпамятство Татаръ;
Текутъ въ Россійскій станъ, исполненны боязни;
Не родъ войны то былъ, но родъ жестокой казни.
Побѣда поднесла Россіянамъ вѣнецъ!...
Межъ тѣмъ подземный ходъ свершился наконецъ,
За трудъ благій успѣхъ Россіянамъ награда!
Уже приближились они подъ стѣны града;
Могила тайная, гдѣ лечь Казань должна,
Искуснымъ Розмысломъ была сооружена,
И соотвѣтствуя намѣреніямъ Царскимъ,
Прорѣзанъ былъ подкопъ въ Казань къ воротамъ Арскимъ.
Коль жилы жизненны когда прерѣжетъ мечъ,
Тогда не можетъ кровь во связи оныхъ течь:
Въ утробѣ такъ земной устроенные ходы
Совокупленные пресѣкли съ градомъ воды.
Достигъ искусный мужъ подъ градски тайники,
И въ полѣ удержалъ гуляніе рѣки,
Которая во градъ свободный ходъ имѣла,
Почувствуя свой токъ пресѣченъ, онѣмѣла.
Казань къ струямъ ея печальный мечетъ взглядъ;
Летитъ на крыліяхъ тоскливa жажда въ градъ:
Смущенныхъ жителей приходъ ея тревожитъ,
И воображеніе ихъ жажду паче множитъ.
Но Розмыслъ тако рвы устроилъ въ сердцѣ горъ,
Что слышать могъ въ землѣ Казанцевъ разговоръ:
Увы! что дѣлать намъ, въ подземномъ ходѣ внемлетъ,
Москва теченіе рѣки у насъ отъемлетъ.
По сводамъ раздался плачевный нѣкій гласъ:
И храбрыхъ витязей лишила ревность насъ;
Погибли! вопіютъ, скитаясь вкругъ бойницы,
Погибли! вопіютъ и жены и дѣвицы.
Повѣдалъ Розмыслъ то, что въ градѣ слышалъ онъ.
Къ осадѣ города не зрѣлося препонъ.

Познавый Іоаннъ Небесной помощь длани,
Селитрой вооружить велѣлъ подкопъ въ Казани.
Но долго Царь познать о таинствѣ не могъ,
Коль грозный витязей каралъ безъ брани рокъ.
О Муза! отъ твоихъ очей не скрыта древность:
Вѣщай, коль пагубна сердцамъ бываетъ ревность;
Среди военныхъ бѣдствъ и зримыхъ стѣнъ въ крови,
Представь ужасное позорище любви;
Не бойся перервать военну повѣсть, Муза!
Ты къ нѣгамъ отлетишь сихъ пѣсней для союза.
Въ горахъ, которыя объемлетъ мрачный лѣсъ,
Струяся, гдѣ лежитъ высокихъ тѣнь древесъ,
Которыя Гидаспъ водами напаяетъ,
Гдѣ вмѣстѣ грозный Евръ съ Зефиромъ обитаетъ;
Тамъ лютый волхвъ Нигринъ въ вертепѣ древнемъ жилъ:
Россіянъ истребить онъ въ мысляхъ положилъ;
Волшебной прелестью для рыцарей опасну
Въ бою безстрашную имѣлъ онъ дочь прекрасну;
Любовники отъ ней не отступали прочь;
Рамидою слыла пустынникова дочь.
Онъ вѣдая, что брань горитъ вокругъ Казани,
Умыслилъ пріобрѣсть вѣнецъ въ кровавой брани,
Противу Христіанъ воителей возжечь,
И храбрыхъ витязей въ Казань съ луговъ отвлечь.
Коль многіе изъ нихъ, забывъ гремящу славу,
Забывъ родителей, отечество, державу,
Въ пустыню рабствовать къ пустыннику пришли!
Женоподобные съ Рамидой дни вели,
И къ нѣжности склонить прекрасну уповали.
Всегда пригожства лицъ виною зла бывали!
Сердечной слабостью любовниковъ младыхъ
Воспользовался волхвъ и жаркой страстью ихъ.
Отъ дерзкихъ Христіанъ, онъ рекъ, Казань избавить,
Хочу я дщерь мою къ златой Ордѣ отправить;
Кто, слѣдуя за ней, Россіянъ побѣдитъ,

Со мною тотъ союзъ и съ нею утвердитъ;
Тому въ приданое Казань и всѣ народы,
Которыхъ тамо есть безчисленные роды.
Не царство, не корысть, но тлѣнны красоты
Ввергаютъ рыцарей въ соблазны и мечты.
Сто храбрыхъ юношей ея очамъ предстали,
И мужество предъ ней мечами испытали;
Но брачный раздѣлить съ Рамидою вѣнецъ
Осталось только три героя наконецъ:
Свирѣпый Гидромиръ, Мирседъ неустрашимый,
Бразинъ, во мнѣніяхъ своихъ непобѣдимый;
Всѣ трое думаютъ Рамидой обладать;
Но сердце женское удобно-ль отгадать!
Рамида никому любови не явила,
И паче ядъ въ сердцахъ прельщенныхъ растравила;
Ласкаетъ всѣхъ троихъ, и всѣхъ троихъ крушитъ;
Но случай, случай все докажетъ и рѣшитъ!
Колико взоръ она и мысль ни притворила,
Но рана страсть ея Мирседова открыла;
Едва ушамъ ея коснулся слабый стонъ,
Примѣтилъ Гидромиръ, что ей пріятенъ онъ.
Разрывъ условія, съ Казанскихъ стѣнъ стремленье
Догадкѣ витязя служили въ подкрѣпленье;
Тогда мечталъ въ тоскѣ и злобѣ Гидромиръ,
Что будто вкругъ его разрушился весь міръ;
Смутили умъ его коварства и обманы:
Онъ язву позабылъ, имѣвъ сердечны раны.
Сіи тѣлесныхъ ранъ болѣзненнѣй сто кратъ!
Пылая мщеніемъ, пришелъ обратно въ градъ;
Но громомъ пораженъ отчаянной любови,
Отъ скорби ослабѣлъ и отъ истекшей крови;
Рука, которая отъ язвъ его спасла,
Погибель вѣчную Казани принесла.
Отринулъ Гидромиръ, имѣя мысли черны,
Спокойствія цвѣты, собравъ печалей терны;

И рыцарства уставъ и совѣсть гонитъ прочь:
Къ Рамидѣ онъ въ чертогъ пришелъ въ едину ночь,
И тако ей вѣщалъ: Рамида знаетъ вѣрно,
Что я люблю ее, люблю ее безмѣрно;
Твоею прелестью въ пустыню привлеченъ,
Не сѣтовалъ, что я отъ кровныхъ отлученъ;
Пещеры предпочелъ долинамъ я цвѣтущимъ
И бѣдну хижину меня престоламъ ждущимъ;
То все ты вѣдаешь, и вѣдаешь и то,
Что храбростью со мной неравенъ есть никто;
Россію ли одну у стѣнъ совокупленну?—
Могу къ ногамъ твоимъ повергнуть всю вселенну!
Мнѣ стыдно подвиги съ Россіей измѣрять.
Пойдемъ со мной, пойдемъ вселенну покорять!
Пойдемъ отсель! мнѣ брань безславная скучаетъ,
Да нашу страсть вѣнецъ вселенныя вѣнчаетъ!

Рамидѣ гордый духъ его извѣстенъ былъ;
Противенъ рыцарь ей, коль много ни любилъ.
Вѣщала: мнѣ велѣлъ того избрать родитель,
Кто будетъ храбрыхъ войскъ Московскихъ побѣдитель;
Я жду побѣды сей успѣховъ и конца;
Незнающей любви, мнѣ всѣ равны сердца...
Тогда, какъ будто бы желѣзо раскаленно,
Которо блескъ даетъ отъ млатовъ воспаленно,
Съ досадой Гидромиръ на витязьку воззрѣлъ;
Свирѣпый гнѣва огнь въ очахъ его горѣлъ;
Онъ рекъ: жестокая! тебѣ нужна побѣда!
Мы всѣ тебѣ равны? а любишь ты Мирседа:
Индѣйца слабаго сравняла ты со мной?
Забудь его теперь, простися съ сей страной,
Пойдемъ туда, гдѣ ждутъ короны Гидромира;
Пусть рыцари туда всего сберутся міра,
Могу отвѣтъ съ мечемъ единъ вселенной дать,
Умѣю ли тобой владѣть и побѣждать!
За всѣ мои труды мнѣ ты одна награда;

Мой конь уже готовъ, ступай со мной изъ града!
Но дочь Нигринова кинжалъ свой извлекла;
Постой, преступникъ клятвъ! постой! она рекла,
Рамида данныхъ клятвъ Нигрину не забудетъ;
Кто Россовъ побѣдитъ, моимъ супругомъ будетъ;
Ты клятву далъ сію, и тако всѣ клялись:
Иди противъ враговъ, или со мной сразись!...
Питая Гидромиръ къ Рамидѣ уваженье,
Съ дѣвицей поставлялъ презрительнымъ сраженье;
Однако гордую ея внимая рѣчь,
Изъ града силою хотѣлъ ее извлечь;
Но пробужденные отъ крѣпка сна Нигриномъ
Къ Рамидѣ во чертогъ вбѣжалъ Мирседъ съ Бразиномъ:
Когда уже себя Срацынъ успѣхомъ льстилъ,
И весь щитомъ закрытъ, Рамиду ухватилъ,
Какъ будто двѣ зміи, свои изсунувъ жалы,
Исторгли рыцари блестящіе кинжалы;
Клятвопреступнику въ хребетъ вонзаютъ ихъ.
Познавый Гидромиръ соперниковъ своихъ,
Подобны молніяхъ свирѣпы взоры мещетъ.
Рамиду заступивъ бѣснуется, скрежещетъ,
Всю трату онъ свою въ умѣ вообразилъ:
Мечъ поднялъ, наступилъ, соперниковъ сразилъ:
Во звѣрской ярости отсѣкъ главу Мирседу,
Онъ вскрылъ Бразину грудь и довершилъ побѣду!
Рамида въ оный мигъ, къ спасенью своему,
Вонзила мстительный кинжалъ въ гортань ему.
Омылись рыцари дымящеюся кровью,
Пошли ихъ души въ адъ съ позорною любовью;
Потоки крови ихъ бѣгутъ другъ другу вслѣдъ.
Рамида видяща, что мертвъ лежитъ Мирседъ,
Падетъ надъ нимъ, падетъ и тѣло лобызаетъ,
Въ отчаяньѣ она кинжаломъ грудь пронзаетъ...
Несчастная любовь! прежалостный конецъ!
Вотъ жребій жаждущихъ плотскихъ утѣхъ сердецъ!

Нигринъ въ смущеніи въ чертогъ къ Рамидѣ входитъ;
На мертвыя тѣла туманный взоръ возводитъ,
Воителей въ крови, Рамиду познаетъ.
Что вижу я? увы! что вижу? вопіетъ:
О дочь, любезна дочь! твои затмилися взоры,
Лишилась въ рыцаряхъ Казань своей подпоры.
Но не разстануся во вѣки съ вами я;
Наука оживитъ моихъ друзей моя.
Наполнилъ страшными геенну онъ словами,
И превратилъ тѣла крылатыми зміями.
Въ семъ видѣ, онъ вѣщалъ, вы должны въ мірѣ жить,
И въ пагубу при мнѣ Россіянамъ служить.
Но горесть излилась какъ ядъ въ сердца народу,
Что отнялъ рокъ у нихъ и рыцарей и воду.
Уже погибели не исчисляя мѣръ,
Въ отчаяніе впалъ жестокій Едигеръ;
Съ народа для Москвы въ умѣ сбираетъ дани
И хочетъ отворить Царю врата Казани;
Но часъ Россіянамъ побѣды не притекъ.
Предсталъ Нигринъ Царю и тако въ гнѣвѣ рекъ:
О Царь! не унывай; я власть еще имѣю,
И Россовъ отвратить отъ стѣнъ твоихъ умѣю:
Я воду источу изъ воздуха для васъ,
Отмщу за дщерь мою, воздвигну стужи, мразъ,
Воздвигну хитрости волшебныя отъ града,
Свирѣпость воружу подвластнаго мнѣ ада:
Не могутъ мщенія злодѣи претерпѣть,
Оставятъ градъ, иль имъ подъ градомъ умереть!
Помедли три луны, о Царь! я вѣрно льщуся,
Что съ бурями къ тебѣ и мразомъ возвращуся...
Вѣщая тѣ слова, на мрачный облакъ сѣлъ,
И влечь себя зміямъ крылатымъ повелѣлъ.
Они бы въ ярости другъ друга истребили,
Когда бы не волхвомъ обузданными были.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ НА ДЕСЯТЬ.

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ льдистыхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ,
Гдѣ мразы вѣчный сводъ прозрачный составляютъ
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,—
Изсѣченъ изо льда стоитъ обширный домъ:
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ Зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ времѣнъ сестра
Покрыта сѣдиной, проворна и бодра;
Соперница весны, и осени, и лѣта,
Изъ снѣга сотканной порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары;
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Великіе столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мечутъ блескъ, лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,
И кажется тогда, громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая движенья не имѣетъ:
Ни воздухъ тронуться, ни огнь пылать не смѣетъ;
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, сіяютъ между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растопленна надъ сводами лучами,
Окаменѣвъ, виситъ волнистыми слоями.
Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова,
Но все застужено, натура вся мертва;
Единый трепетъ, дрожь и знобы жизнь имѣютъ;
Гуляютъ инеи, зефиры тамъ нѣмѣютъ,
Мятели вьются вкругъ и производятъ бѣгъ,
Морозы царствуютъ на мѣсто лѣтнихъ нѣгъ;
Развалины градовъ тамъ льды изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Стѣсненны мразами, составили снѣга

Сребристые бугры, алмазные луга;
Оттолѣ къ намъ Зима державу простираетъ,
Въ поляхъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесные сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи,
И солнцу отвращать велитъ свѣтящи очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рѣки ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.
Влекомъ зміями къ ней, Нигринъ въ пещеру входитъ;
Безбожный чародѣй, вращая смутный взглядъ,
Почувствовалъ въ крови и въ самомъ сердцѣ хладъ,
И превратился бы Нигринъ въ студеный камень,
Когда бъ не согрѣвалъ волхва геенскій пламень;
Со страхомъ осмотрѣвъ ужасныя мѣста,
Отверзъ дрожащія и мерзлыя уста
И рекъ царицѣ мѣстъ: О страхъ всея природы!
Тебя боится громъ, тебя огонь и воды;
Мертвѣютъ вкругъ тебя натуры красоты,
Она животворитъ, но жизнь отъемлешь ты;
Хаосъ тебѣ отецъ, и дщерь твоя Ничтожность!
Поборствуй тартару и сдѣлай невозможность:
Хотя затворена твоихъ вертеповъ дверь,
И осень царствуетъ въ полунощи теперь,
Разрушь порядокъ свой, сними, сними заклепы,
Мятели свободи, морозъ, снѣга свирѣпы,
Необнаженная и твердая земля,
Теперь одры для нихъ цвѣтущія поля;
Теперь безстрашные Россіяне во брани,
Ругаяся тобой, стоятъ вокругъ Казани;
Напомни имъ себя, твою напомни мочь:
Гони ихъ въ домы вспять отъ стѣнъ Казанскихъ прочь;
Твои способности, твою возможность знаю,
И тартаромъ тебя въ семъ дѣлѣ заклинаю,

Дай бури мнѣ и хладъ!... Согбенная Зима,
Россійской алчуща погибелью сама,
На льдину опершись, какъ мраморъ побѣлѣла,
Дохнула—стужа вмигъ на крыльяхъ излетѣла.
Родится лишь морозъ, уже бываетъ сѣдъ,
Къ чему притронется, преобращаетъ въ ледъ;
Гдѣ ступитъ, подъ его земля хруститъ пятою,
Стѣсняетъ, жметъ, мертвитъ, сражаясь съ теплотою;
Свои исчадія въ оковы заключивъ,
Вѣщала такъ Зима Нигрину поручивъ:
Возьми алмазну цѣпь, влеки туда свободно,
Гдѣ мразовъ мощь тебѣ испытывать угодно;
Се вихри! се снѣга; иди... Явлюсь сама,
Явлюсь Россіянамъ... узнаютъ, кто Зима!

Подобенъ съ вѣтрами плывущу Одиссею,
Нигринъ отправился въ Казань съ корыстью сею.
При всходѣ третіей луны къ Царю притекъ;
Народу съ бурями отраду онъ привлекъ.
При вихряхъ радости повѣяли во градѣ,
Когда готовились Россіяне къ осадѣ.
Но прежде чѣмъ Нигринъ простеръ на Россовъ гнѣвъ,
Четырехъ свободилъ отъ пагубы зміевъ:
Рамида, любяща обильны прежде паствы,
И млечныя отъ стадъ и съ поля вкусны яствы,
Веселій ищуща во прахѣ и въ пыли,
Рамида скрылася во внутренность земли.
Который изъ любви сліялъ себѣ кумира,
Токъ водный поглотилъ на вѣки Гидромира.
Единымъ суетамъ идущій прежде въ слѣдъ
Въ стихію прелетѣлъ воздушную Мирседъ;
Бразинъ, пылающій свирѣпостью и гнѣвомъ,
Геены поглощенъ ненасытнымъ зѣвомъ,
И тако перешелъ въ печально царство тьмы.

Но что при сихъ мечтахъ остановились мы?
Готовяся Казань изобразить попранну,

О Муза! обратимъ нашъ взоръ ко Іоанну.
Уже въ подобіе чреватыхъ горъ огнемъ,
Селитрою подкопъ наполненъ былъ совсѣмъ;
И смерть имѣющій въ своей утробѣ темной,
Горящей искры ждалъ въ кромѣшности подземной,
Подъ градомъ адъ лежитъ; во градѣ мразъ и хладъ!
Царь ждетъ, доколь Хилковъ пріидетъ въ станъ назадъ.
И се полки его съ Хилковымъ возвратились,
И гладны времена въ роскошны претворились;
Сокровища свои хранила гдѣ Орда,
Градъ Арскій, яко прахъ, развѣянъ былъ тогда;
Исчезнулъ древними гордящійся годами,
Пустыни принялъ видъ, разставшись со стадами.
Россіяне его остатковъ не спасли;
Съ побѣдой многія богатства принесли.
Терпящи нищету и гладомъ утомленны,
Россійски вдругъ полки явились оживленны,
На части пригнанныхъ дѣлятъ стада воловъ,
Пиры составились на высотѣ холмовъ;
Ликуютъ воины, припасами снабженны,
И злато видно тамъ, и ризы драгоцѣнны.
Но совѣсть воинамъ издалека грозитъ,
Которыхъ злата блескъ и роскошь заразитъ;
Герои таковы надежда есть Державы,
Которымъ льстятъ одни вѣнцы безсмертной славы;
Но Царь внесенныя сокровища къ нему
Въ награду воинству назначилъ своему.
Такою храбрость ихъ корыстью награжденна
Могла корыстью быть взаимно побѣжденна.
И вскорѣ то сбылось!... Отважный Іоаннъ
Уже повелѣвалъ подвигнуть ратный станъ;
Въ долинахъ воинство препятства не встрѣчало,
Осады пламенной приближилось начало.
Возволновался вдругъ натуры стройный чинъ:
Пришедый съ бурями и мразами Нигринъ

На стѣны съ вихрями какъ облако восходитъ,
Оковы съемлетъ съ нихъ, въ движеніе приводитъ;
На войски указавъ, лежащи за рѣкой,
Туда онъ гонитъ ихъ, и машетъ имъ рукой:
Летите! вопіетъ, на Россовъ дхните прямо!
Разсыпьте тамъ снѣга, развѣйте стужи тамо!...
Онъ, бури свободивъ, вертится съ ними вкругъ [1]).
Какъ птицы хищныя, спущенны съ пут́елъ вдругъ,
Поля воздушныя крылами разсѣкаютъ,
На стадо голубей паренье устремляютъ:
Съ стремленьемъ таковымъ оставивъ скучный градъ,
На бѣлыхъ крыліяхъ летятъ морозы, хладъ,
И воздухъ льдистыми наполнился иглами.
Россіянъ снѣжными покрылъ Борей крылами;
Поблекла тучная зеленость на лугахъ;
Вода наморщилась и стынетъ въ берегахъ;
Жестокая Зима на паствы возлегаетъ,
И грудь прижавъ къ землѣ, жизнь къ сердцу притягаетъ:
У щедрой Осени престолъ она беретъ,
И пухъ изъ облаковъ рукой дрожащей третъ.
Мертвѣютъ вѣтвями лѣса кругомъ шумящи;
Главы склонили внизъ цвѣты, поля красящи;
Увяла сочная безвременно трава.
Натура видима томна, блѣдна, мертва;
Стада, тѣснимыя мятелями и хладомъ,
Въ единый жмутся кругъ и погибаютъ гладомъ;
Крушится по льду вихрь, стремится воздухъ сжать;
Не могутъ ратники оружія держать;
Изъ облака морозъ съ стрѣлами вылетаетъ,
Всѣхъ ранитъ, всѣхъ язвитъ, дыханье отнимаетъ.
Россійски ратники уже не ко стѣнамъ,
Но храбростью горя, бѣгутъ къ своимъ огнямъ:

---

[1]) О семъ волхвованіи Лѣтописатели тогдашнихъ временъ согласно повѣствуютъ.

И тамъ студеный вихрь возженный пламень тушитъ,
Зима всѣ вещи въ ледъ преображаетъ, сушитъ.
Не грѣетъ огнь, вода рѣчная не течетъ,
Земля сѣдѣетъ вкругъ, и воздухъ зрится сѣдъ.
Уже спасенія Россіяне не чаютъ;
Смущенны, на стѣнахъ Нигрина примѣчаютъ,
Который въ торжествѣ съ Казанцами ходилъ;
Руками дѣйствуя, морозы наводилъ.
Сіе Казанское лукавое злодѣйство
Признали ратники за адско чародѣйство.
Вступивше солнце въ знакъ Вѣсовъ узрѣвъ, они
Далеко отъ себя считали зимни дни;
Въ противны времена естественному чину,
Поставили зимѣ волшебную причину.
Нигринъ, который ихъ тревожить продолжалъ,
Россіянъ вихрями и стужей поражалъ.
    Но Царь благій совѣтъ священныхъ старцевъ внемлетъ,
Который помощью врачебною пріемлетъ;
И чародѣйствіе и тартаръ отразить,
Велѣлъ, поднявъ, Хоругвь священну водрузить,
На ней изображенъ въ сіяніи Спаситель,
Геенскихъ умысловъ всемощный побѣдитель;
Святыня на челѣ, во взорахъ Божество,
Судили надъ врагомъ Россіи торжество.
Благопріятствуетъ Россіи мысль Царева;
Во знамѣ часть была животворяща древа,
На коемъ Божій Сынъ, являя къ намъ любовь,
Къ спасенью грѣшниковъ безцѣнну пролилъ кровь,
И сею кровью міръ отъ ада избавляетъ.
Се! вѣрныхъ Крестъ святый вторично искупляетъ.
Божественную пѣснь священники поютъ;
Возжегся ѳиміамъ, и бури престаютъ.
Свѣтило дневное, воздушны своды грѣя,
Обезоружило свирѣпаго Борея;
Зефирами гонимъ, онъ тяжко возстеналъ,

Мятели предъ собой и бури вспять погналъ.
Теряютъ силу всю Нигриновы угрозы,
Вѣтръ крылія свернулъ, ушли въ Кавказъ морозы;
Сѣдые у Зимы растаяли власы;
Пріемлютъ жизнь въ поляхъ естественны красы.
Но риза, чѣмъ была Казань вкругъ стѣнъ одѣта,
Та риза, солнечнымъ сіяніемъ согрѣта,
Лишилась бѣлизны и разступилась врозь.
Тончаетъ, и хребетъ земный проходитъ сквозь.
Россіянъ строгая зима не побѣдила,
Но снѣжная вода подкопы повредила;
Она въ утробу ихъ ручьями протекла,
Селитру пламенну въ недѣйство привела.
 Явленіемъ святымъ животворятся войски,
Воскресли въ ихъ сердцахъ движенія геройски;
И видя помощь, къ нимъ ниспосланну съ небесъ,
Ликуютъ посреди Божественныхъ чудесъ.
Къ осадѣ ихъ сердца, готовы къ бранямъ руки;
При пѣніи святомъ внимаютъ трубны звуки.
 Адашевъ и Алей! я вашу кротость зрю:
Вы мира сладости представили Царю;
Ко ближнему любви и кротости послушный,
Онъ видѣлъ всѣхъ подпоръ лишенную Казань,
И руку удержалъ, держащу громъ и брань;
Предпочитающій сраженіямъ союзы,
Съ Казанца плѣннаго снимаетъ тяжки узы;
Велитъ его во градъ мятежный отпустить,
И тамо ихъ Царю съ народомъ возвѣстить,
Что рока близкаго себя они избавятъ,
Когда Россіянамъ ихъ древній градъ оставятъ,
Или врата свои Монарху отворя,
Пріимутъ отъ него законы и Царя,
И тако возвратятъ наслѣдіе и правы
Обиженной отъ нихъ Россійскія державы.
 Нечаянной своей свободой восхищенъ,

Казалось, плѣнникъ былъ крылами въ градъ несенъ.
Простерла ночь тогда съ звѣздами ризу темну,
И Розмыслъ паки вшелъ во глубину подземну.
Сомнѣніе съ Ордой о мирѣ Царь имѣлъ,
Водой размытый путь исправить повелѣлъ;
Гробница мрачная была совсѣмъ отверста,
И городъ поглотить, ждала ко знаку перста
Въ то время свѣтлыя открылись небеса,
Во мракѣ озаривъ различны чудеса:
Внѣ града слышались Казанскихъ тѣней стоны,
Внимались во стѣнахъ церквей Россійскихъ звоны;
Остановилося теченье ясныхъ звѣздъ,
Простерлась лѣстница къ землѣ отъ горнихъ мѣстъ,
Небесны жители на землю нисходили
И Россамъ вѣрную побѣду подтвердили.
Надъ градомъ облако багровое лежитъ,
Вздыхаютъ горы тамъ, и зданіе дрожитъ;
Тамъ жены горькихъ слезъ не знаютъ утоленья:
Вѣщаютъ близкій рокъ имъ страшныя явленья;
Ожесточенная и гордая Казань
Крѣпится, бодрствуетъ и движется на брань:
Такъ змій, копьемъ пронзенъ, болѣнію не внемлетъ,
Обвившись вкругъ копья, главу еще подъемлетъ.
Нигринъ пророчествомъ Казанцевъ веселитъ,
Даетъ видѣньямъ толкъ, побѣду имъ сулитъ.
Невольникъ присланный во градѣ остается;
Съ другими во стѣнахъ онъ вскорѣ погребется.
Едва заря луга румянить начала,
Упала предъ Царемъ пернатая стрѣла,
Которую Казань съ высокихъ стѣнъ пустила;
Писаніе къ стрѣлѣ съ презрѣньемъ прикрѣпила:
Какъ древу сей стрѣлы вовѣкъ не процвѣтать,
Такъ Россамъ царства ввѣкъ Ордѣ не уступать...
Уступите его! вѣщаетъ Царь съ досадой,
И войска двигнулся съ великою громадой.

Такъ басни брань боговъ изображаютъ намъ,
Когда Олимпъ отмщалъ ихъ злость земнымъ сынамъ;
Перунами Зевесъ со многозвѣздна трона
Разилъ кичливаго и гордаго Тифона;
Весь адъ вострепеталъ, и всей вселенной связь
Въ тревогѣ ропотной дрожала устрашась.
Со всѣхъ сторонъ трубы во станѣ возгремѣли,
Казанцы робкіе смутились, онѣмѣли;
Но видя молніи оружій подъ стѣной,
Весь градъ, объемлемый, какъ будто пеленой,
Казанцевъ Едигеръ на стѣны призываетъ.
Отчаянья плодомъ свирѣпости бываетъ!
Отрыгнувъ подлую Россіянамъ хулу,
Готовятъ на стѣнахъ кипящую смолу;
Гортани мѣдныя, рыгающія пламень,
Горящи углія, песокъ, разженный камень;
Блистаютъ тучи стрѣлъ Россіянъ отражать;
Не можетъ Россовъ громъ, ни пламень удержать;
Какъ будто посреди цвѣтовъ въ глухой пустынѣ,
Россійскіе полки дерзаютъ въ стройномъ чинѣ;
Подобно молніямъ доспѣхи ихъ горятъ;
Казалось, то орлы противу тучъ парятъ:
Весь воздухъ пѣніе святое наполняетъ.
Самъ Богъ, самъ Богъ съ небесъ идущихъ осѣняетъ,
И лаврами побѣдъ благословляетъ ихъ!
Остановился вѣтръ, и шумъ рѣчный утихъ;
Повсюду теплое возносится моленье;
Во градѣ слышенъ вопль, внѣ града умиленье;
Въ стѣнахъ гремящій звукъ тревогу вострубилъ,
Но онъ пронзительнымъ подобенъ стонамъ былъ;
Унывны внемлются тамъ гласы мусикійски;
Благоговѣніе бодритъ полки Россійски;
За вѣру и народъ грядутъ ополчены,
Со псалмопѣніемъ священные Чины;
Святою воинство водою окропляютъ,

И храбрости огни во ратникахъ пылаютъ.
Какъ солнце видимо во славѣ при веснѣ,
Такъ войску Царь предсталъ, сѣдящій на конѣ;
Онъ взоромъ нову жизнь Россіянамъ приноситъ,
Господней помощи сражающимся проситъ:
О Боже! вопіетъ, вѣнчаемый Тобой,
Мамая сокрушилъ Димитрій, предокъ мой,
У Невскихъ береговъ Тобой попранны Шведы;
Тамъ храбрый Александръ пожалъ вѣнцы побѣды:
Коль благо мы Твое умѣли заслужить,
Дай помощь намъ Казань, о Боже! низложить;
Вели торжествовать Твоей святыни дому....
Онъ рекъ;—слова его подобны были грому,
Въ пылающихъ сердцахъ Россіянъ раздались,
И стѣны гордыя Казани потряслись.
Промчался въ полѣ гласъ, какъ нѣкій шумъ дубровы:
Пролить за вѣру кровь Россіяне готовы!
И вдругъ умолкнулъ шумъ, настала тишина:
Такъ вышедъ на брега, смиряется волна.
Тогда, послѣдуя благоволеньямъ Царскимъ,
Князь Курбскій, исцѣленъ, къ вратамъ подвигся Арскимъ;
Съ другой страны покрылъ Нагайскихъ часть полей
Съ отборнымъ воинствомъ безстрашный царь Алей.
Какъ камни нѣкіе казалися въ пучинѣ,
Вельможи храбрые Россійскихъ войскъ въ срединѣ;
Различной красотой убранство ихъ цвѣтетъ;
Но разности въ огнѣ сердечномъ къ славѣ нѣтъ.
Полки, какъ Богъ міры, въ порядокъ Царь уставилъ,
И давъ движенье имъ, къ осадѣ ихъ направилъ.
Вдохнувъ совѣты имъ, склонился Іоаннъ
Къ моленью теплому въ неотдаленный станъ;
Но войску повелѣлъ идущему ко граду,
Услышавъ грома звукъ, начать тотчасъ осаду.
Сей знакъ съ надеждой былъ побѣдой сопряженъ;
Ужъ Розмыслъ вшелъ въ подкопъ, огнемъ вооруженъ,

И молнія была въ рукахъ его готова;
Ужасный громъ родить, онъ ждалъ Царева слова.
Тогда воздѣвъ глаза и руки къ небесамъ,
Молитвы теплыя излилъ Владѣтель самъ.
Господь съ умильностью молитвамъ Царскимъ внемлетъ;
Любовь возноситъ ихъ, щедрота ихъ пріемлетъ:
Надежда съ горнихъ мѣстъ, какъ молнія изъ тучъ,
Царю влилася въ грудь и проліяла лучъ.
Воззвалъ, внимающій святую литургію:
О Боже! подкрѣпи, спаси, прославь Россію!...
И Богъ къ нему простеръ десницу отъ небесъ.
Едва сей важный стихъ Пресвитеръ произнесъ:
Единый пастырь днесь едина будетъ стада....
Разрушилися вдругъ подъ градомъ связи ада;
Поколебалися и горы и поля:
Ударилъ страшный громъ, разсѣлася земля;
Трепещетъ, мечется и воздухъ весь сгущаетъ,
Казалось, міръ въ хаосъ Создатель превращаетъ:
Разверзлась мрачна хлябь, исходитъ дымъ съ огнемъ;
При ясномъ небеси не видно солнца днемъ.
Мы видимъ ветхаго въ преданіяхъ закона,
Какъ стѣны гордаго упали Ерихона,
Едва гремящихъ трубъ стѣнамъ коснулся звукъ:
Казански рушились твердыни тако вдругъ.
Расторгнувъ молніи проломъ въ стѣнахъ возженныхъ,
И побѣдителей страшатъ и побѣжденныхъ.
Осыпалъ темный прахъ и горы и луга;
Земля волнуется, вздыхаютъ берега,
Изображеніе Казанскія напасти,
Летаютъ ихъ тѣла, расторгнуты на части.
Въ развалинахъ они кончаясь вопіютъ,
Но громы слышать ихъ стенанья не даютъ.
Нигринъ, отломкомъ въ грудь отъ камня пораженный,
Валится вмѣстѣ съ нимъ въ глубокій адъ бездонный;
Вращаяся летѣлъ три дня, три ночи онъ;

Въ геенн̀ рветъ власы, пускаетъ тяжкій стонъ.
Пріемлетъ таковый конецъ всегда злодѣйство!
Но дымъ густой закрылъ полковъ Россійскихъ дѣйство;
Князь Курбскій съ воинствомъ кидается въ проломъ,
Огонь черезъ огни, чрезъ громы вноситъ громъ;
Преходитъ градски рвы, стѣною заваленны;
Преграды разметалъ, огнями воспаленны.
Какъ бурная вода, плотину разорвавъ,
Вломился онъ во градъ, примѣръ другимъ подавъ;
По стогнамъ жителей встрѣчающихся рубитъ,
Разитъ, стѣсняетъ, жметъ, побѣду въ градѣ трубитъ.
Съ другой страны Алей, какъ будто страшный левъ,
Съ полками на раскатъ и съ громомъ возлетѣвъ,
По лѣстницамъ стрѣльницъ Казанскихъ досягаетъ,
Кипящій варъ, песокъ, огонь пренебрегаетъ;
Онъ, пламень отряхнувъ со шлема и власовъ,
Касается одной рукою стѣнъ зубцовъ;
Другой враговъ разитъ, женетъ, на стѣны всходитъ,
Неустрашимостью страхъ, ужасъ производитъ.
Какъ солнечнымъ лучемъ влекомая вода,
Текутъ ему во слѣдъ его полки туда.
О диво! взносятся знамена не руками,
Возносятся они на стѣны облаками.
Какъ легкимъ бурный вѣтръ играющій перомъ,
Россіяне враговъ свергаютъ, бросивъ громъ.
Со трепетомъ мѣста Казанцы покидаютъ,
Кидаются со стѣнъ, иль паче упадаютъ.
Но яко часть горы, отъ холма отдѣлясь,
Валитъ дубовый лѣсъ, со стукомъ внизъ катясь,
Или какъ грудью вѣтръ корабль опровергаетъ:
Шумящъ оружіемъ Алей во градъ вбѣгаетъ,
Все ломитъ и крушитъ, отмщеніемъ разженъ,
Ему невнятенъ стонъ мужей, ни вопли женъ.
Россійскіе полки, Алеемъ ободренны,
Бросаются къ врагамъ, какъ тигры разъяренны;

Стѣсняютъ, колятъ, бьютъ, сражаются и вдругъ
Услышали вблизи мечей и копій звукъ;
Россіяне враговъ, друзей Казанцы чаютъ;
Но Курбскаго въ дыму далеко примѣчаютъ,
Который на копьѣ противника небесъ,
Вонзенную главу Ордынска Князя несъ:
Померкла глазъ она еще не затворила,
И мнится, жителямъ—смиритесь! говорила.
Сей Князь съ державцемъ ихъ воспитанъ вмѣстѣ былъ,
Къ Россіи за вражду народъ его любилъ;
Но зря его главу, несому предъ полками,
Смутились, дрогнули, и залились слезами.
Казалось, казнь и смерть отчаянныхъ разитъ;
Такое жъ бѣдство имъ, иль вящее грозитъ,
Зіяютъ изъ главы, имъ зрится, черны жалы.
Казанцы въ ужасѣ исторгли вдругъ кинжалы;
Единъ изъ воиновъ въ неистовствѣ речетъ:
Вы видите, друзья, что намъ спасенья нѣтъ;
Предупредимъ позоръ и намъ грозящи муки,
У насъ кинжалы есть, у насъ остались руки;
И вдругъ кинжалъ вонзилъ внутрь чрева своего;
Дрожаща внутренна упала изъ него.
Жестокій сей примѣръ другихъ ожесточаетъ:
Братъ брата, сынъ отца въ безумствѣ поражаетъ;
Междоусобное сраженье началось,
И крови озеро со звѣрствомъ пролилось.
Безчеловѣчное такое видя дѣйство,
Россійски воины забыли ихъ злодѣйство;
Ко избавленію враждующихъ текутъ,
Вломившись въ тѣсноту, изъ рукъ кинжалы рвутъ,
Смиряютъ варваровъ, ихъ злобу утоляютъ,
Хотящихъ смерти имъ, отъ смерти избавляютъ.
Но жалитъ иногда полмертвая змѣя
Спасителей своихъ, въ утробѣ ядъ тая:
Единъ признательнымъ Ордынцемъ притворился,

Весь кровью орошенъ, онъ Россамъ покорился.
Лишь только подступилъ Россіянинъ къ нему,
Онъ, мечъ его схвативъ, вонзилъ во грудь ему.
Къ Алею бросился съ поносными рѣчами,
И тамо кончилъ жизнь, пронзенный сквозь мечами.
Другіе дней скончать спокойно не могли;
На кровы зданіевъ горящихъ потекли,
Стрѣлами и огнемъ Россіянъ поражали,
Сгорая, мщенья жаръ въ герояхъ умножали.
Россіянъ огнь губилъ и улицъ тѣснота;
Но града часть сія уже была взята.
Какъ два источника, съ вершины горъ текущи,
И камни тяжкіе и съ корнемъ лѣсъ влекущи,
Гремящею волной разятъ далече слухъ;
Полстада потерявъ на холмъ бѣжитъ пастухъ,
Трепещущъ и унылъ на пажити взираетъ,
Которы съ хижиной токъ бурный пожираетъ:
Такъ съ Курбскимъ Царь Алей побѣды умножалъ,
Такъ робко Едигеръ отъ грома прочь бѣжалъ;
Разрушилась его надежда со стѣнами;
Онъ скрылся въ истуканъ съ прекрасными женами:
Пророчествомъ своихъ волхвовъ предубѣжденъ,
Еще ласкался быть на тронѣ утвержденъ.
Уже Россіяне препоны не встрѣчали,
И вскорѣ бъ лавры ихъ во градѣ увѣнчали;
Но вдругъ сквозь бурный огнь, сквозь пыль, сквозь черный дымъ,
Корыстолюбіе какъ тѣнь явилось имъ:
Ихъ взоры, ихъ сердца, ихъ мысли обольщаетъ,
Ищите въ градѣ вы сокровищей, вѣщаетъ.
Затмились разумы, прельстился златомъ взоръ;
О древнихъ стыдъ временъ! о воинства позоръ!
Кто въ злато влюбится, тотъ славу позабудетъ,
И тверже сердцемъ онъ металловъ твердыхъ будетъ.
Прельщенны ратники, принявъ корысти ядъ,
Для пользы собственной берутъ, казалось, градъ;

Какъ птицы хищныя къ добычѣ устремились,
По стогнамъ потекли, во зданія вломились;
Корыстолюбіе повсюду водитъ ихъ,
Велитъ оставить имъ начальниковъ своихъ.
Уже на торжищахъ грабленіемъ дѣлятся;
Но хищники своей бѣдою веселятся.
Сребро успѣло ихъ отравой заразить;
Возможно ль было ждать, возможно ль вобразить?
Тамъ жребій ратники на смерть свою метали;
Единодушные противниками стали.
Раздоръ посѣялся, изъ рукъ одежды рвутъ,
И рѣки за сребро кровавыя текутъ,
Забыта важная отечеству услуга;
Лишаютъ живота Россіяне другъ друга.
Коликихъ ты, корысть, бываешь золъ виной!
Отломки золота за градъ влечетъ иной;
Иной на тлѣнъ и прахъ исполненный надежды
Окровавленныя уноситъ въ станъ одежды,
Но прежній другъ его за нимъ съ мечемъ бѣжитъ,
Сражаетъ, и надъ нимъ пронзенный мертвъ лежитъ.
Ко славѣ пламенемъ и ревностью возженны,
Князь Курбскій и Алей, симъ видомъ раздраженны,
Какъ вихри мчатся въ слѣдъ и воинамъ рекутъ,
Которые отъ нихъ къ грабленію текутъ:
Стыдитесь! вспомните, что Россами родились,
Не славой вы теперь, но тлѣномъ ослѣпились;
Побѣда вамъ и честь стяжаньемъ быть должна.
Рекутъ,—но рѣчь сія бѣгущимъ не слышна!
Къ отважности Алей и власти прибѣгаетъ:
Совѣтомъ не успѣвъ, онъ мечъ свой исторгаетъ,
И потомъ орошенъ, бѣгущимъ въ слѣдъ течетъ;
Вамъ лучше кончить жизнь во славѣ, онъ речетъ,
Чѣмъ слыть грабительми!... Тогда до Іоанна
Достигла вѣсть: Казань взята, попранна.
Доколь побѣдою пророкъ не возгремѣлъ,

Дотолѣ руки вверхъ простертыя имѣлъ.
Молитвой теплою рѣшилась брань велика;
И тако поразилъ во брани Амалика:
Держалъ въ объятіяхъ своихъ святый олтарь,
Доколь побѣды гласъ услышалъ съ громомъ Царь.
Онъ пролилъ токи слезъ, какія множитъ радость,
Производя въ душѣ по тяжкихъ скорбяхъ сладость;
И только рѣчь сію промолвить въ плачѣ могъ:
Законъ Россійскій святъ! великъ Россійскій Богъ!
Надъ нимъ летающа съ трубою зрѣлась Слава,
Въ очахъ, въ лицѣ его ликуетъ вся держава;
Подобенъ небесамъ его казался взглядъ;
Съ оруженосцами онъ шествуетъ во градъ.
Такъ видится луна, звѣздами окруженна,
Иль множствомъ цвѣтовъ въ лугахъ весна блаженна,
Или объемлемы волнами корабли,
Иль между селъ Москва стояща на земли:
Его пришествіе побѣда упреждаетъ,
И слава подданныхъ Монарха услаждаетъ.
Адашева обнявъ, вѣщаетъ наконецъ:
Не устыдится мной ни дѣдъ мой, ни отецъ;
Не устыдишься ты моею дружбой нынѣ,
Не именемъ я Царь, я славлюсь въ Царскомъ чинѣ;
Но славенъ Богъ единъ!... Сія кротчайша рѣчь
Заставила у всѣхъ потоки слезны течь.
И Царь, достигнувый подъ самы градски стѣны,
Увидѣлъ вдругъ свои поверженны знамены.
Какъ агнцы робкіе Россіяне текутъ,
Вѣщаютъ съ ужасомъ: тамъ рубятъ и сѣкутъ!
Какъ язва жителей терзающа во градѣ,
Или свирѣпый тигръ ревущій въ агнчемъ стадѣ—
Такъ сильно дѣйствуетъ надъ воинами страхъ,
И мечетъ ихъ со стѣнъ, какъ буря съ камней прахъ;
Царя бѣгущихъ вопль и робость огорчаетъ,
Печальный оборотъ побѣды видѣть чаетъ.

Уже исторгнувъ мечъ, онъ самъ во градъ дерзалъ,
Но посланный къ нему Алеемъ мужъ предсталъ.
Явились истинны лучи во темномъ дѣлѣ;
Не ужасъ гонитъ ихъ, корысть влечетъ отселѣ,
И сребролюбіе сражаться имъ претитъ.
Тотъ робокъ завсегда, кого сребро прельститъ!
Алеемъ посланный Царю сіе вѣщаетъ:
Ни стыдъ отъ грабежей, ни страхъ не отвращаетъ,
И если Царь сея алчбы не пресѣчетъ,
То вскорѣ самъ Алей изъ града потечетъ.
Едва крѣпится онъ!... Смущенный Царь рѣчами
Велѣлъ опричникамъ приближиться съ мечами;
И симъ оплотомъ бѣгъ текущимъ преградить,
Велѣлъ забывшихъ честь Россіянъ не щадить.
Въ румяномъ облакѣ Стыдъ хищникамъ явился,
Корысти блескъ погасъ и въ дымъ преобратился;
На крыльяхъ мужества обратно въ градъ летятъ,
За малодушіе свое Казани мстятъ.
Трепещетъ, стонетъ градъ, рѣками кровь ліется,
Послѣдній Россамъ шагъ къ побѣдѣ остается;
Растерзанъ былъ драконъ, осталася глава,
Зіяюща еще у Тезицкаго рва.
Подобны вихрямъ, внутрь пещеры заключеннымъ,
И плѣномъ собственнымъ и тьмой ожесточеннымъ,
Которы силятся въ движеньѣ и борьбѣ,
Сыскать отверстіе чрезъ своды горъ себѣ,
Казанцы, воинствомъ Россійскимъ окруженны,
Противоборствуютъ, громами вкругъ раженны;
Прорваться думаютъ сквозь тысячи мечей,
Текутъ; но не они, то крови ихъ ручей;
Волнуются, шумятъ, стѣсняются, дерзаютъ;
Но встрѣтивъ блескъ мечей, какъ тѣни исчезаютъ.

Князь Курбскій и Алей полками подкрѣпленъ,
Ни тотъ сраженіемъ, ни сей не утомленъ,
Подобны тучамъ двумъ казалися идущимъ,

Перуны пламенны въ сердцахъ своихъ несущимъ,
Котора вдалекѣ блистаетъ и гремитъ,
Восходятъ вверхъ горы, гдѣ Царскій Дворъ стоитъ.
Тамъ робкій Едигеръ съ женами затворился,
Сокрывшись отъ мечей, отъ страха не сокрылся.
Отчаянье туда вбѣжало вслѣдъ за нимъ;
Свѣтъ солнца у него сгущенный отнялъ дымъ;
Казалось, воздухъ тамъ наполнился измѣны;
Земля вздыхаетъ вкругъ, трепещутъ горды стѣны;
Рыданіе дѣтей, унылы вопли женъ;
И многими смертьми онъ зрится окруженъ...
Еще послѣдніе его полки біются,
Послѣдней храбрости въ нихъ искры остаются;
Тѣнь мужества еще у Царскихъ вратъ стоитъ,
Волнуется и входъ Россіянамъ претитъ;
Усердіе къ Царю насильства не впускаетъ,
Почти послѣдній вздохъ у праговъ испускаетъ;
Но силится еще Россіянъ отражать.
Возможно ль тлѣннымъ чѣмъ перуны удержать?
Алей и Курбскій князь, какъ вихри напряженны,
Которыхъ крылія, къ дубравѣ приложенны,
Лѣсъ ломятъ и ревутъ: Князь Курбскій съ копіемъ,
Алей по трупамъ тѣлъ бѣжитъ во рвы съ мечемъ;
Какъ будто Ахиллесъ гремящъ у вратъ Скіискихъ.
Тамъ видѣнъ брани Богъ, и духъ стрѣльцовъ Россійскихъ:
Вѣщаетъ грозну смерть мечный и трубный звукъ,
У стражи падаютъ оружія изъ рукъ;
Отчаянье въ сердцахъ, на лицамъ томна блѣдность
Тѣлохранителей являютъ крайню бѣдность.
Какъ будто бы народъ на храмъ съ печалью зритъ,
Который воспаленъ отъ молніи горитъ;
И видя пламенемъ отвсюду окруженно
Любезно божество внутрь стѣнъ изображенно,
Спасая свой животъ, отъ храма прочь течетъ;
О богъ, избався самъ! въ отчаяньѣ речетъ.

Такъ видя молніи и стѣны вкругъ дрожащи,
Рѣкой кипящу кровь, тѣла кругомъ лежащи,
Казански воины у Збойливыхъ воротъ,
Творящи Царскому Двору живый оплотъ,
Который какъ тростникъ герои врозь метали.
Тѣлохранители сражаться перестали;
Россіянъ укротивъ на малый часъ, рекли:
Цареву жизнь до днесь, какъ нашу, мы брегли;
Россіяне! тому свидѣтели вы были,
Что крови мы своей за царство не щадили;
Но днесь, коль васъ вѣнчалъ побѣдою вашъ Богъ,
Когда падетъ нашъ градъ и Царскій съ нимъ чертогъ;
Когда Ордынская на вѣки гибнетъ слава,
Вручаемъ вамъ Царя несчастлива, но здрава,
И вамъ Казанскую корону отдаемъ;
Но смертну чашу пить теперь за градъ пойдемъ...
Спускаются съ горы, текутъ за стѣны прямо.
Бѣгущихъ Палецкій съ полками встрѣтилъ тамо;
Уставилъ щитъ къ щиту, противу грома громъ;
Ордынцы мечутся чрезъ стѣны, чрезъ проломъ,
Окровавляются брега рѣки Казанской,
И кровь Ордынская смѣшалась съ Христіанской.
Багровыя струи, Казанка гдѣ текла,
Несутъ израненны и блѣдныя тѣла....
Внезапно вопль возникъ, умножилось стенанье:
То городъ, испустя послѣднее дыханье,
Колѣна преклонилъ!... Но дерзкая Орда
Ласкается, что ей погибнуть не чреда;
И гибелью своей въ свирѣпствѣ ускоряютъ,
Болотамъ и рѣкамъ несчастну жизнь ввѣряютъ;
Отъ покровительства отторглися небесъ;
Въ безумствѣ предпочли подданству темный лѣсъ.
Съ перуномъ Курбскій Князь по ихъ стремится слѣду.
Достигъ, сразилъ, попралъ и довершилъ побѣду.
Между прекрасныхъ женъ во истуканѣ скрытъ,

Увидѣвъ Едигеръ, что градъ кругомъ горитъ;
Что стражи, обнажась, трепещутъ замка стѣны;
Наполненные рвы кровавой видя пѣны;
Что робость отгнала воителей въ поля;
Несчастный Царь, тоскѣ и плачу женъ внемля,
Біетъ стенящу грудь, вѣнецъ съ главы свергаетъ;
Но въ ужасѣ еще къ лукавству прибѣгаетъ.
Какъ будто плаватель богатствомъ удрученъ,
На мели бурныхъ водъ стремленьемъ привлеченъ,
Спасая жизнь свою, души своей пріятства,
Въ боязни не щадитъ любезнаго богатства;
И что чрезъ долгій вѣкъ пріобрѣтено имъ,
То мечетъ съ корабля во снѣдь волнамъ сѣдымъ:
Такъ войска окруженъ Россійскаго волнами,
И вкупѣ сѣтующъ съ прекрасными женами,
Умыслилъ Едигеръ, еще алкая жить,
Пригожство женъ противъ Россіянъ воружить,
Которы иногда героевъ умягчаютъ,
Надъ побѣдительми побѣды получаютъ.
Отчаянный на все дерзаетъ человѣкъ!
Златыми ризами наложницъ онъ облекъ,
Украсилъ въ бисеры и камни драгоцѣнны,
Пріятства оживилъ печалью потушенны;
Въ убранствахъ повелѣлъ имъ шествовать къ вратамъ,
И взорами князей обезоружить тамъ.
Уже прекрасный полъ съ высокихъ лѣстницъ сходитъ,
Единый ихъ Царевъ воспитанникъ предводитъ;
Выносятъ не мечи, несутъ онѣ цвѣты,
Пріятства, нѣжности, заразы, красоты;
Главы ихъ пестрыми вѣнками увязенны;
Власы по раменамъ, какъ волны, распущенны;
Стенанья вырвались и слезы наконецъ:
Оружія сіи опасны для сердецъ!
Выходятъ, ко стопамъ героевъ упадаютъ,
Обнявъ колѣни ихъ, болѣзнуютъ, рыдаютъ;

И злато вольности на выкупъ отдаютъ,
Спасите нашего Монарха! вопіютъ;
Кровавые мечи, свирѣпость отложите,
И человѣчество при славѣ докажите;
Для насъ Царя, и насъ спасите для него;
Остались мы ему, и больше никого!...
Россіянъ трогаетъ красавицъ сихъ моленье,
И близко прилегло къ сердцамъ ихъ сожалѣнье.
Сабинки древнія такъ нѣжностью рѣчей
Смягчили сродниковъ, кидаясь средь мечей.
Теряютъ мужество, теряютъ крѣпость мочи;
Въ сердца желаніе, соблазнъ приходитъ въ очи:
Младые воины не храбростью кипятъ,
Кипятъ любовію, и пасть къ ногамъ хотятъ;
Побѣду прелести надъ разумомъ пріемлютъ:
Россіяне уже прекрасныхъ женъ объемлютъ.
Но вдругъ, какъ нѣкій вихрь, поднявшійся съ полей,
Вломились во врата Мстиславскій и Алей;
Примѣтивъ, что любовь воителей прельщаетъ,
Мстиславскій ихъ стыдомъ какъ громомъ поражаетъ:
Гдѣ Россы? вопіетъ, гдѣ дѣлися они?
Здѣсь храбрыхъ нѣтъ мужей, но жены лишь одни!
При словѣ томъ Алей, Ордамъ злодѣйство мстящій,
Преходитъ сквозь толпу, какъ камни ключъ кипящій,
Подъемлетъ копіе, и яростью раженъ,
Разитъ онъ юношу, стоящаго средь женъ;
Сей юноша самимъ воспитанъ Едигеромъ,
И женской наглости содѣлался примѣромъ;
Пораненный въ чело, бѣжитъ въ чертоги онъ;
Отвсюду слышится рыданье, плачъ и стонъ.
Какъ вѣтръ, играющій въ ненастный день валами,
Или какъ горлицы, шумящія крылами,
Которыхъ ястреба летая вкругъ страшатъ:
Такъ жены обратясь за юношей спѣшатъ;
Тѣснятся, вопіютъ, бѣгутъ ко истукану;

Но юноша, схвативъ своей рукою рану,
Изъ коей кровь текла багровою струей,
Къ Алею возопилъ: будь жалостливъ, Алей!
Не убивай меня, оставь Царю къ отрадѣ;
Я не былъ на войнѣ, ни въ полѣ, ни во градѣ,
Не омочалъ моихъ въ крови Россійской рукъ.
Алей на то ему: Но ты Казани другъ;
Довольно и сего!... Въ немъ ярость закипѣла,
Уже главу его хотѣлъ сорвать онъ съ тѣла;
Но храбрый Іоаннъ, какъ вихрь туда вбѣжалъ,
И руку, острый мечъ взносящу, удержалъ;
Къ Алею возопилъ: престанемъ быть ужасны!
Престанемъ гнать враговъ, которы безопасны:
Казань уже взята! вложи обратно мечъ;
Не крови, милостямъ теперь прилично течь.

Явились яко свѣтъ слова его предъ Богомъ;
Богъ пролилъ благодать къ Царю щедротъ залогомъ...
Молчитъ вселенная, пресѣкся бѣгъ планетъ;
Казалось, Іоаннъ въ правленье міръ беретъ.

Но только робкихъ женъ Казанскій Царь увидѣлъ,
И скипетръ и престолъ и жизнь возненавидѣлъ;
Увидѣлъ, что сердецъ не тронула любовь,
Багрову на челѣ воспитанника кровь;
Внимая громъ мечей, внимая трубны звуки,
Отчаянъ рветъ власы, рыдаетъ, взноситъ руки.
Коль юность не мягчатъ сердецъ, ни красоты,
Чѣмъ льстишься, Едигеръ, смягчить героевъ ты?
Онъ тако возопилъ, и растерзая ризу,
Низвергнуться хотѣлъ со истукана низу.
Хотя во ужасѣ на глубину взиралъ,
Но руки онъ уже далеко простиралъ:
Главою ко землѣ и тѣломъ понижался;
Висящъ на воздухѣ, одной ногой держался.

Тогда клокочущій въ поляхъ воздушныхъ шаръ
Направилъ пламенный во истуканъ ударъ;

Громада потряслась, глава съ него свалилась,
Весь градъ затрепеталъ, когда глава катилась;
Разсѣлся истуканъ... Но робкаго Царя
Небесный Духъ схватилъ, лучами озаря;
Онъ пальмы на главѣ вѣнцемъ имѣлъ сплетенны,
Лилеи онъ держалъ, въ Едемѣ насажденны,
И ризу въ небесахъ сотканную носилъ;
Взявъ руку у Царя, какъ лира возгласилъ:
Несчастный! укрѣпись, отринь Махометанство,
Иди къ Россіянамъ, наслѣдуй Христіанство!
И вѣрой замѣни мірскія суеты;
Не трать твоей души, утративъ царство ты;
Россійскій кротокъ Царь, не недругъ побѣжденнымъ:
Живи, гряди и вновь крещеньемъ будь рожденнымъ!
Во изумленіи взирая на него,
Смущенный Едигеръ не взвидѣлъ вдругъ его;
Но благовѣстіе напомнивый небесно,
Призналъ Божественнымъ явленіе чудесно;
Свой жребій Едигеръ судьбинѣ покорилъ;
Нисходитъ съ высоты пареньемъ быстрыхъ крылъ;
Бѣжитъ, является Царю, во дворъ входящу,
Спасите Царску жизнь! воителямъ гласящу.
И се! его зоветъ военная труба,
Приходитъ Едигеръ во образѣ раба:
Глава его была на перси преклоненна,
Покрыта пепеломъ, дрожаща, откровенна;
Омыта токомъ слезъ его стенящa грудь;
Сквозь воиновъ сыскавъ лишенный царства путь,
Отчаянъ, блѣденъ, нищъ и въ рубищѣ раздранномъ,
Повергся, возрыдалъ, упалъ предъ Іоанномъ;
Челомъ біющій пыль, стопы Монарши зря,
Вѣщаетъ: Не ищи Казанскаго Царя!
Ужъ нѣтъ его! ужъ нѣтъ!... ты Царь сея державы,
Съ народомъ я хочу твои принять уставы;
Всеобщей вѣрности я ставлю честь въ залогъ.

Ты будь моимъ Царемъ! твой Богъ мой будетъ Богъ!
Со умиленіемъ Герой стенанью внемлетъ,
И плѣннаго Царя какъ друга онъ объемлетъ,
Вѣщая: вѣрой мнѣ и саномъ буди братъ!...
Услыша тѣ слова, вспрянулъ и ожилъ градъ.
Тогда умножились во градѣ звучны бои;
Привѣтствуютъ Царя Россійскіе герои;
Князь Курбскій, кровію и пылью покровенъ,
Вѣщалъ: да будетъ ввѣкъ сей день благословенъ!
О Царь, великій Царь! твои побѣды громки
Со временемъ прочтутъ съ плесканіемъ потомки.
Мстиславскій, мечъ въ рукѣ какъ молнію носящъ,
Царей Казанскихъ скиптръ въ другой рукѣ держащъ,
Сію величества подпору и блистанье
Къ монаршескимъ стопамъ приноситъ на попранье.
Щенятевъ плѣнниковъ окованныхъ привлекъ;
Ордынскихъ многихъ силъ, се тѣнь послѣдня! рекъ;
Твоею, Царь, они рукою побѣжденны;
За подвигъ нашъ твоей мы славой награжденны.
Романовъ, съ торжествомъ текущій по тѣламъ,
Приноситъ знамя то къ Монаршескимъ стопамъ,
Которо смутныхъ Ордъ символомъ гордымъ было;
Оно, затрепетавъ, луну къ землѣ склонило.
Шемякинъ окруженъ добычами предсталъ;
Но славой паче онъ, чѣмъ бисеромъ блисталъ.
Микулинскій, сей мужъ Россійскихъ силъ ограда,
Орудія принесъ разрушеннаго града;
Мечи кровавые, щиты, пищали тамъ,
Какъ горы, видятся Монаршескимъ очамъ.
Адашевъ возопилъ: О Царь и храбрый воинъ!
Ты славенъ сталъ, но будь сей славы въ вѣкъ достоинъ!
Спокойство возвратилъ ты не единымъ намъ,
Даруешь ты его и позднимъ временамъ.
О! еслибъ ты смирить Казани не рѣшился,
Какихъ бы ты похвалъ, какихъ побѣдъ лишился!

Явился Палецкій, парящій, какъ орелъ;
По грудамъ онъ къ Царю щитовъ и шлемовъ шелъ;
Хотя рука его корыстей не имѣла,
Но вкругъ его хвала Россійскихъ войскъ гремѣла.
У Шереметева еще и въ оный часъ
Геройскій духъ въ очахъ и пламень не погасъ.
Плещеевъ плѣнниковъ сбираетъ Христіанскихъ;
Въ темницахъ ищетъ ихъ, въ развалинахъ Казанскихъ,
И вкупѣ возвративъ свободу имъ и свѣтъ,
Ко Іоанну ихъ въ объятія ведетъ.
Сбираетъ въ тѣсный кругъ вельможей храбрыхъ Слава.
Вдругъ новый Царь насталъ и новая держава!
Ликуй, Россійскій Царь! вѣщалъ ему Алей;
Казань ты покорилъ, и всѣхъ Ордынцевъ съ ней,
Отнынѣ въ вѣкъ Москва останется спокойна.
Но вѣрность ежели моя наградъ достойна,
Въ корысть прошу одну Сумбеку, Государь!...
И дружбу съ ней мою прими! вѣщаетъ Царь.
Въ восторгахъ радостныхъ Монархъ привѣтствамъ внемлетъ;
Вельможей, воиновъ, съ потокомъ слезъ объемлетъ,
И рѣчь сію простеръ: Сей градъ, вѣнцы сіи,
Дарите Россамъ вы, сотрудники мои!
И если нашихъ дѣлъ потомки не забудутъ,
Вамъ славу воспоютъ и вамъ дивиться будутъ,
А мнѣ коль славиться удобно въ мірѣ семъ,
Мнѣ славно, что я есмь толь храбрыхъ войскъ Царемъ.
Внимая небо то, одѣлось новымъ блескомъ,
И рѣчь заключена общенароднымъ плескомъ.
Разженный къ Вышнему благоговѣньемъ Царь
Во градѣ повелѣлъ соорудить алтарь;
Влекомые къ Царю небесной благодатью
Сопровождаются чины священны ратью;
Ликуютъ небеса, подземный стонетъ адъ;
Благоуханіемъ наполнился весь градъ.

Гдѣ вопли слышались, гдѣ стонъ и плачъ недавно,
Тамъ нынѣ торжество сіяетъ православно;
Святое пѣніе пронзаетъ небеса:
Животворящая простерлася роса;
И стѣны чистою водою окропленны,
Свой пепелъ отряхнувъ, явились оживленны;
Святому пѣнію съ умильностью внемля,
Возрадовались вкругъ и воздухъ и земля.
Тогда среди кадилъ на гору отдаленну
Алтарь возносится, являющій вселенну:
Хоругвями уже онъ зрится огражденъ,
Недвижимый стоитъ, на камняхъ утвержденъ.
Передъ лицемъ святой и таинственной Сѣни,
Первосвященникъ палъ смиренно на колѣни;
Онъ руки и глаза на небо возносилъ,
И Бога къ алтарю нисшедша возгласилъ!
Народъ и Царь главы со страхомъ преклонили,
Небесные огни сердца воспламенили.
Тогда, дабы почтить святую благодать,
Тѣла во градѣ Царь велѣлъ землѣ предать;
Онъ теплыхъ слезъ своихъ Ордынцевъ удостоилъ;
По стогнамъ наконецъ священный ходъ устроилъ;
Повсюду пѣніе, повсюду ѳиміамъ.
Гдѣ тартаръ ликовалъ, ликуетъ Вѣра тамъ;
Безбожіе, взглянувъ на Святость, воздохнуло,
И солнце на Казань внимательно взглянуло;
Спустились Ангелы съ лазоревыхъ небесъ;
Возобновленный градъ главу свою вознесъ;
Отъ крови въ берегахъ очистилися волны;
Казались радостью лѣса и горы полны.
Перуномъ пораженъ раздоръ въ сіи часы
Терзаетъ на главѣ зміиные власы;
Со трепетомъ глаза на Благодать возводитъ,
Скрежещетъ, мечется, въ подземну тьму уходитъ.
Чело вѣнчанное Россія подняла;

Она съ тѣхъ дней цвѣсти во славѣ начала.
И если кто сіе читающій творенье
Не будетъ уважать Казани разрушенье,
Такъ слабо я дѣла Героевъ нашихъ пѣлъ,
Иль сердце хладное читатель мой имѣлъ.
Но, Муза! общимъ будь вниманьемъ ободренна:
Двухъ царствъ судьбу воспѣлъ—не будешь ты забвенна.

Объяснительныя статьи.

I. Россіада, какъ поэма ложно-классическая.

(Изъ статьи «Соврем. Наблюд.» 1815).

Главное достоинство поэмы состоитъ въ высокости ея предмета. Это найдете вы во всѣхъ главныхъ стихотворцахъ. Гомеръ воспѣваетъ взятіе Трои, Виргилій основаніе своего отечества; Тассъ взятіе Святого града; Мильтонъ паденіе праотцевъ. Херасковъ намѣренъ пѣть разрушеніе Казани. Предметъ сей можетъ ли быть великимъ? Всякій, нѣсколько знающій исторію Россіи, скажетъ противное. Казань никогда не находилась на такой степени величія, чтобы могла быть страшною для Россіи. Она даже нѣсколько разъ получала царей отъ россійскихъ самодержавцевъ. Въ этомъ согласенъ и самъ Херасковъ:

Колико кратъ (казанцы) покорствомъ миръ купили
И клятву, данную Россіи, преступили?

Іоаннъ, наскучивъ частыми ея возмущеніями, рѣшился покорить ее, и успѣхъ увѣнчалъ его желаніе. Теперь скажите: покореніе Казани имѣло ли сильное вліяніе на Россію, и достоинъ ли сей предметъ такого пышнаго начала:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну,
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань;
Россіи торжество, разрушенну Казань.
Изъ круга сихъ временъ спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря, въ Россіи возсіяло.

Отъ какихъ варваровъ освободилась Россія? чью власть она попрала? и почему именно началась въ Россіи заря спокойствія? Казань взята. Это столь же обыкновенное происшествіе, какъ напр. паденіе польскаго королевства, отторженіе отъ Швеціи Финляндіи; но развѣ сіи оба происшествія могутъ быть предметами поэмы. Такъ отчего же происходитъ такая ошибка Хераскова?—Отъ незнанія исторіи. Онъ хотѣлъ воспѣть освобожденіе Россіи отъ ига татаръ—и воспѣлъ взятіе Казани. Золотая орда и Казанское царство—по его мнѣнію—есть одно и то же; оттого-то взятіе Казани почиталъ онъ совершеннымъ освобожденіемъ Россіи отъ татарскаго ига.

„Горе тому россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія казанскаго царства! Надобно перейти мыслями въ тѣ страшныя времена, когда Россія порабощена была татарскому игу—надобно вообразить набѣги и наглости ордынцевъ, внутрь нашего отечества чинимые; представить себѣ князей россійскихъ, раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластія царей казанскихъ; видѣть правителей татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ для поклоненія имъ князей и пр.". (Предисл. Россіады).

Итакъ, я думаю, что предметъ „Россіады" не достоинъ эпической поэмы.

Чтобы сдѣлать поэму занимательнѣе, стихотворцы выдумываютъ разныя препятствія въ намѣреніяхъ своихъ героевъ. Таковыя препятствія производятъ въ насъ впечатлѣнія сильнѣйшія: они возвышаютъ характеръ героя, способный къ преодолѣнію всѣхъ затрудненій, ему представляющихся. Мы принимаемъ участіе въ его подвигахъ: слѣдовательно, его неудачи должны на насъ дѣйствовать. Сколько затрудненій представляется Энею во время его странствованія изъ Трои

въ Италію? Съ какими препятствіями борятся греки подъ Троею? Но въ главномъ предметѣ „Россіады“ мы не встрѣчаемъ ни малѣйшаго препятствія. Зной и бури, неизвѣстно кѣмъ возбужденные и предсказанные пустынникомъ, нимало на насъ не дѣйствуютъ. Всякій знаетъ, что это выдумка, и выдумка самая неудачная; притомъ все это скоро и страннымъ образомъ оканчивается. Иноземные рыцари, помогавшіе казанцамъ, могли бы много затруднять подвиги Іоанна: но они другъ друга убиваютъ. У Хераскова нѣтъ никакой постепенности; у него все дѣлается по словамъ св. писанія: *рече и бысть*. Пустынникъ, желая въ книгѣ судебъ показать Іоанну дѣла будущаго его потомства, предсказываетъ ему опасности, ужасы, кои предстоятъ имъ на пути къ храму.

Тамъ встрѣтишь пламенемъ зіяющихъ зміевъ;
Висящія скалы, услышишь звѣрскій ревъ;
Стези препутанны, какъ верви, кривизнами,
И камни сходные движеньемъ со волнами.
Когда вниманіемъ не будешь подкрѣпленъ,
Падешь въ развалины, разбитъ и ослѣпленъ, и пр.

Но тщетно будете искать описанія ихъ опасностей!

Идущіе всѣ силы вновь подвигли,
И горныя они вершины вдругъ достигли.

Чтобы поэма производила надлежащее дѣйствіе, лица оной должны имѣть приличные имъ характеры. Это составляетъ труднѣйшую часть поэмы; потому-то немногіе стихотворцы умѣли надлежащимъ образомъ оттѣнить характеры своихъ героевъ. Злой характеръ Сагруна былъ бы хорошъ въ трагедіи, но въ эпической поэмѣ онъ не можетъ имѣть мѣста: ибо сей родъ поэзіи долженъ возбуждать въ насъ удивленіе однимъ изображеніемъ высокихъ добродѣтелей. Впрочемъ, большая часть лицъ въ „Россіадѣ“ не имѣетъ характеровъ. Іоаннъ, герой поэмы, имѣетъ-ли хотя малѣйшую черту, по коей можно было бы отличить его? Онъ представленъ человѣкомъ слабымъ, который легко вѣритъ всему, что только его придворные ему ни скажутъ: между тѣмъ въ дѣлахъ его

видна любовь къ отечеству и благу народа. Онъ исполненъ надежды на Бога, но вѣритъ глупымъ предсказаніямъ какого-то старца. Разительная противоположность! Слѣдующее описаніе свиданія его съ Алеемъ даже не натурально:

Вздохнулъ—и передъ собой увидѣлъ царь Алея;
Вторичною мечтой приходъ его почелъ,
Онъ окомъ на него разгнѣваннымъ воззрѣлъ.
Алей задумчивъ былъ и рубищемъ одѣянъ,
По всѣмъ его чертамъ печаль какъ мракъ разсѣянъ;
Онъ слезы лилъ предъ нимъ, и царь къ нему вѣщалъ:
Еще ли мало ты покой мой возмущалъ?
Предатель, трепещи! теперь одни мы въ полѣ;
Бѣги, не умножай моей печали болѣ...
Ко царскимъ въ трепетѣ Алей упалъ ногамъ
И рекъ: не причисляй меня къ твоимъ врагамъ;
Благочестивыхъ я не уклонился правилъ;
Былъ виненъ, но вину теперь мою исправилъ.
Однако нужнаго, о царь! не трать часа,
Который щедрыя дарують небеса;
Отважность иногда печали побѣждаетъ.
Тебя въ пустомъ лѣсу пустынникъ ожидаетъ,
Тоскою удрученъ; когда я къ войску шелъ,
Онъ мнѣ тебя искать подъ древомъ симъ велѣлъ,
И мнѣ сіе вѣщалъ: Скажи ты Іоанну,
Коль хочетъ онъ достичь ко благу имъ желанну,
Да придетъ онъ ко мнѣ!... Во мракѣ и ночи
Сіяли вкругъ его чела, о царь! лучи.
Въ молчаньи Іоаннъ словамъ пришельца внемлетъ,
И тяжкій стонъ пустивъ, Алея онъ подъемлетъ.
Тогда вскричалъ: Хочу для войска счастливъ быть,
И болѣе хочу вину твою забыть:
Я жизнь мою тебѣ, Россія, жизнь вручаю;
А если вѣренъ ты, я друга получаю;
Довольно мнѣ сего! Къ пустыннику пойдемъ,
Но повѣсть мнѣ твою повѣдай, между тѣмъ:
Скажи, ты стѣнъ Свіяжскихъ удалился?
Зачѣмъ ходилъ къ врагамъ, зачѣмъ въ Казань сокрылся?
И какъ обратно ты явился въ сей странѣ?
Будь искрененъ во всемъ, коль вѣрный другъ ты мнѣ.

Пѣснь VIII.

Все это, повторяю, не натурально.

Что же касается до чудеснаго въ „Россіадѣ“, то Херасковъ даже не умѣлъ употребить его. Всевышній, ангелы, Магометъ, языческіе боги, аллегорическія лица, волшебники—всѣ пріемлютъ участіе во взятіи Казани: одни помогаютъ казанцамъ, другіе русскимъ. Ни въ одной поэмѣ нѣтъ столь страшнаго смѣшенія. Они уничтожаютъ взаимно свои замыслы. Особенно большую роль играютъ пустынники и аллегорическія лица: иногда одно изъ нихъ принимаетъ на себя лицо другого, напр. безбожіе представляется Іоанну подъ видомъ Магомета. Даже Алей является всѣхъ ихъ сильнѣй: единымъ словомъ укрощаетъ онъ стихіи, возмущенныя ими противъ Іоанна:

Теку на помощь имъ, прошу, повелѣваю,
Къ ордынцамъ вопію, къ россіянамъ взываю:
Смирилися враги—и бури и вода;
Потомъ склонилъ мое стремленіе сюда.

Пѣснь VIII.

Извѣстно, что сія часть требуетъ вкуса весьма тонкаго: всѣ вымыслы должны имѣть видъ правдоподобія, безъ котораго они дѣлаются даже утомительными.

Строеніе вымысловъ, какъ призракъ, исчезаетъ,
Коль сила истины его не проникаетъ,

говоритъ Горацій. Древніе стихотворцы лучше насъ могли пользоваться вымыслами, ибо къ тому способствовала ихъ миѳологія. Одинъ изъ прекрасныхъ вымысловъ у древнихъ стихотворцевъ есть низвожденіе героя въ преисподнія страны. Виргилій прекрасно описываетъ свиданіе Энея съ Анхизомъ въ поляхъ Елисейскихъ, гдѣ Анхизъ показываетъ ему будущихъ его потомковъ. Одинъ Вольтеръ умѣлъ подражать этому. Въ „Генріадѣ“ св. Людовикъ представляетъ во снѣ Генриху IV изображеніе другого міра и королей, кои должны ему послѣдовать. Но Херасковъ далеко простеръ свое подражаніе. Пустынникъ Вассіанъ ведетъ Іоанна на какую-то

гору, и въ книгѣ судебъ показываетъ ему будущую судьбу Россіи. Это совершенная сказка. Виргилій основалъ свой вымыселъ на всеобщемъ мнѣніи язычниковъ, кои входъ въ подземныя страны точно полагали въ Италіи; описаніе ада основано на ихъ религіи; Вольтерова выдумка имѣетъ правдоподобіе. Но кто знаетъ о пустынникѣ Вассіанѣ, о храмѣ и о книгѣ судебъ? Кто знаетъ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, коими Херасковъ хотѣлъ украсить свою поэму?

La vraie seule est aimable,
Elle etoit regner partout et même dans la fable.

Впрочемъ, и Вольтеръ, желая подражать II книгѣ „Энеиды", гдѣ Эней разсказываетъ Дидонѣ свои похожденія, заставляетъ Генриха IV путешествовать въ Англію къ королевѣ Елизаветѣ и повѣствовать ей о своихъ побѣдахъ.

Мы можемъ подражать, не будучи рабами!

Мнѣ кажется, аллегорическія лица не столько украшаютъ поэму, сколько ее портятъ. Можно видѣть боговъ, принимающихъ участіе въ судьбѣ какого-нибудь героя; можно безъ отвращенія слушать ихъ, когда они другъ друга называютъ *собаками*,—потому что стихотворцы языческіе представляли своихъ боговъ въ человѣческой природѣ. Но аллегорическія лица и вышнія существа въ христіанскихъ поэмахъ и странны, и не у мѣста. Напр.: россіяне ворвались въ Казань.

Корыстолюбіе, какъ тѣнь, явилось имъ:
Ихъ взоры, ихъ сердца, ихъ мысли обольщаетъ,
Ищите въ градѣ вы сокровищей, вѣщаетъ.
Затмились разумы, прельстился златомъ взоръ;
О древнихъ стыдъ временъ! о воинства позоръ!
Кто въ злато влюбится, тотъ славу позабудетъ,
И тверже сердцемъ онъ металловъ твердыхъ будетъ.
Прельщенны ратники, принявъ корысти ядъ,
Для пользы собственной берутъ, казалось, градъ;
Какъ птицы хищныя къ добычѣ устремились,
По стогнамъ потекли, во зданія вломились;
Корыстолюбіе повсюду видитъ ихъ,
Велитъ оставить имъ начальниковъ своихъ.

(Пѣснь XII).

Вѣсть о ихъ грабежѣ дошла до Іоанна; онъ велитъ рубить обратившихся въ бѣгство россіанъ. Тогда

Въ румяномъ облакѣ *стыдъ* хищникамъ явился,
Корысти блескъ погасъ и въ дымъ преобратился;
На крыльяхъ мужества обратно въ градъ летятъ.
(Пѣснь XII).

II. Характеры дѣйствующихъ лицъ въ Россіадѣ.

(А. Ѳ. Мерзлякова).

Характеръ Алея въ началѣ показывается слабый, непостоянный, ничтожный, жертвующій всѣмъ своей страсти, и даже благодѣтельною дружбою!... Онъ позабылъ въ упоеніи постыдномъ самого Гирея. Это бы даже не совсѣмъ портило, еслибы авторъ прежде показалъ намъ особенныя услуги его Іоанну и вѣрность. Тогда бы читатель пріятно предупрежденъ былъ въ его пользу; самая слабость его была бы нѣкоторою даже любезною оттѣнкою въ его характерѣ. Ничего нѣтъ. Витязя еще не видали на сценѣ, а подвиги его начались уже за кулисами вѣстью чрезъ гонца къ Іоанну, называвшему его своимъ другомъ,—вѣстью объ измѣнѣ, о любви и съ кѣмъ же? съ царицею враждебною!—Неудачный способъ представлять характеры!—И какъ мнѣ больно теперь, что Іоаннъ называетъ Алея своимъ другомъ!

Скажутъ, что царь, можетъ быть, по тогдашнимъ обстоятельствамъ имѣлъ въ немъ дружбу?—Этого не видно.

Стихотворецъ самъ чувствовалъ несообразность Алеева характера и потому заключаетъ пятую пѣснь сими словами:

Когда Алей Казань къ покорству призывалъ,—
Свіяжскъ измѣною его подозрѣвалъ!

Сколько несовмѣстностей!—Гдѣ онъ призывалъ ее? гдѣ онъ дѣйствовалъ?—Мы слышали объ его дѣйствіяхъ только изъ устъ его непріятелей, которыхъ самъ авторъ называетъ клеветниками. Но пусть онъ былъ даже тайнымъ агентомъ Іоанна, то какая слава его дѣлъ?—Герой, начавшій и не

кончившій, и убѣжавшій столь постыдно, никогда не можетъ занимать насъ. Это правило эстетики, почерпнутое изъ природы.

Дружба избавляетъ сего слабаго человѣка изъ западни, въ которую онъ попался, и по слѣпотѣ своей столь долго медлилъ. Въ вознагражденіе за свое продолжительное отсутствіе, по крайней мѣрѣ, долженъ бы онъ сдѣлать что-нибудь чрезвычайное для Іоанна.—Пѣснопѣвецъ говоритъ объ этомъ весьма мало и неопредѣленно. Алей увидѣлъ бѣдствующія суда россійскія на Волгѣ:

Теку на помощь къ нимъ, спѣшу порядокъ строить... и т. д.
Я зналъ...
Врачебную траву и пищу къ вамъ принесъ...

Что это значитъ? — ужъ и онъ не волшебникъ ли? Что значитъ сія врачебная трава, которая могла помочь россіянамъ въ зноѣ!!!

Вассіанъ такъ опредѣлилъ характеръ Алея:

Се вѣрный рабъ тебѣ!
Не въ дружбѣ, но въ любви: онъ слабый человѣкъ;
Люби и чти его!...

И мы бы рады почитать его, но по сію пору не видимъ, за что. Стихотворецъ опредѣляетъ его въ одномъ мѣстѣ:

Суровый сей Катонъ сталъ нѣжный Ипполитъ!

Спрашиваемъ у всѣхъ читателей, что они нашли подобнаго въ Алеѣ? Кажется, творецъ не позналъ собственнаго своего творенія!

Не далеко еще говоритъ Алей:

Примѣры, царь, твои
Обезоружили суровости мои!

Какія суровости? въ Казани?...

И этотъ самый Алей, вмѣстѣ съ Адашевымъ, сопровождаютъ царскую особу! Они просятъ Іоанна еще предложить миръ отчаянной Казани. Этотъ же Алей употребленъ былъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ при осадѣ; онъ первый вошелъ

въ городъ, онъ довершилъ побѣду, онъ собралъ разстроившіяся войска, онъ съ Курбскимъ взялъ Казань. Словомъ сказать: онъ первый герой въ поэмѣ,—вотъ что называется: deus ex machina!

Похожъ ли самъ на себя Алей, сначала явившійся и на концѣ представленный? Если въ самомъ дѣлѣ въ немъ такой великій духъ, какой оказалъ онъ на приступѣ, то почему прежде былъ онъ и низокъ и вѣроломенъ? почему онъ бездѣйственъ былъ въ Казани? Если не былъ бездѣйственъ, то почему не показалъ образъ его дѣйствованія, дабы мы знали, кто Алей?—Это левъ, говоритъ Херасковъ. Но левъ и въ цѣпяхъ все левъ. Кажется, нарочно держалъ его пѣснопѣвецъ весьма не въ почетномъ, скромномъ мѣстѣ, дабы въ послѣдней двѣнадцатой пѣсни *оскорбительно* вдругъ затмить имъ всѣхъ другихъ россійскихъ героевъ. Онъ заключаетъ славную свою роль достойною себя просьбой:

Но служба ежели моя наградъ достойна,
Въ корысть прошу Сумбеку, государь!—
И дружбу съ ней мою прими, вѣщаетъ царь!

Вотъ тебѣ, другъ мой, русскій Ренальдъ, русскій Ахиллъ, русскій Танкредъ!... Перейдемъ къ другимъ характерамъ: съ сердечнымъ, сладостнымъ удовольствіемъ люблю встрѣчать я въ продолженіе цѣлой поэмы добраго, почтеннаго и истиннаго друга царскаго, Адашева! Даже съ горестью сожалѣешь, что его не такъ часто видишь! Вотъ какъ въ началѣ поэмы описываетъ его самъ Херасковъ:

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта... и т. д.

Нечего прибавить къ симъ прекраснымъ чертамъ его характера. Онъ ужъ весь виденъ передъ нами. Это Муррой для Генриха IV, это Долгорукій для Петра Великаго!—Въ „Россіадѣ" занимаетъ онъ преимущественно блистательное мѣсто: онъ *первый* призванъ былъ царемъ для тайнаго совѣщанія, когда Іоаннъ рѣшился на великое дѣло, покореніе Казани; онъ подкрѣпилъ его въ семъ спасительномъ намѣре-

ніи, онъ примирилъ совѣтъ вельможъ несогласныхъ, онъ вездѣ сопутствовалъ *государю*. Любовь его къ Іоанну была самая нѣжная, предусмотрительная, заботливая: онъ первый угадывалъ, когда лежитъ на сердцѣ царскомъ какая нибудь тяжелая дума, и тотчасъ приступалъ къ нему смѣло, требовалъ объясненія и подавалъ ему совѣты утѣшительные и мудрые. Онъ—не строгій Катонъ, не философъ обличитель, но человѣкъ кроткій, снисходительный, который знаетъ слабости человѣческія и направляетъ ихъ къ благому концу средствами тихими. Въ другое время представляется онъ при крайней нуждѣ и гладѣ войска раздавателемъ и посредникомъ милостей царскихъ.

Монархъ несчастнѣй всѣхъ, но тверже всѣхъ явился... и т. д.

Отчаяніе его было чрезмѣрное, когда Іоаннъ слишкомъ долго, удалившись тайно отъ войска, пробылъ у пустынника Вассіана; радость его при встрѣчѣ государя была, такъ сказать, чистая, небесная! Онъ не могъ оставить царя, текущаго на приступъ, всегда неустрашимый въ величайшихъ опасностяхъ. Но какъ скоро Казань перестала быть уже опасною, онъ опять первый, желая пощадить кровь человѣческую, предложилъ государю—послать вѣстника въ Казань съ мирными предложеніями. Вообще характеръ Адашева самый прелестный; главныя черты его: любовь къ отечеству и государю непреоборимая, человѣколюбіе нѣжное, кротость и тихость почтеннаго старца и миролюбіе. Совѣты, имъ подаваемые, вездѣ дышатъ мудростью, правотою и многолѣтнею опытностью.

Другой характеръ, который можно поставить подлѣ Адашева, есть безъ сомнѣнія Гирей. Это образецъ древней дружбы, твердой, постоянной, выше мученій и смерти; онъ, кажется, и дѣлился только между пламенной дружбою къ Алею и между пламенною любовью къ несчастному своему отечеству. Онъ первый предложилъ избрать Алея царемъ въ Казани; онъ спасъ его, забывшагося въ объятіяхъ коварной

прелестницы, когда возмущенъ былъ весь народъ. Можно ли безъ чувства читать отвѣтъ его Сагруну, занесшему мечъ надъ его головою и вопрошающему: гдѣ Алей?

Алея ищите, отвѣтствуетъ стеня.... и т. д.

И на мѣстѣ казни тому же Сагруну, который убѣждалъ его открыть убѣжище Алеево:

Тебѣ ли чувствовать, рекъ узникъ, дружбы благо?... и т. д.

Потерявъ глаза отъ слезъ, наконецъ вырывается сей страдалецъ дружбы изъ темницы, и въ цѣпяхъ выходитъ на берегъ, недалеко отъ стана Іоаннова, объявляетъ ему тотчасъ объ избраніи на престолъ Едигера и о другихъ козняхъ казанскихъ. Царь принимаетъ его съ уваженіемъ, приличнымъ твердому, благородному его характеру, правотѣ, непоколебимой среди раздоровъ внутреннихъ, и страданіямъ за дружбу. Стоилъ ли Алей такого друга! Больше объ немъ нигдѣ не упоминается.

О *лицахъ*, которыя составляли думу, говорить я не стану; ибо они не представляются въ дѣйствіяхъ. Роли ихъ начинаются и оканчиваются одною сею думою.

Знаменитѣйшій изъ героевъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ, есть, безъ сомнѣнія, князь Курбскій, мужъ совѣта и мужъ брани. Характеръ его изображается въ первой рѣчи, говоримой имъ въ думѣ. Страстно привязанный къ отечеству и чести, онъ часто не въ силахъ удерживать своихъ чувствованій: душа его изливается въ выраженіяхъ смѣлыхъ, и даже дерзновенныхъ; онъ вездѣ пылкій, рьяный, храбрый, рѣшительный въ сѣчахъ,—холодный, осторожный и мудрый въ расположеніи битвы.

Онъ отличенъ былъ между всѣми воеводами особеннымъ важнѣйшимъ порученіемъ, прогнать крымцевъ и ногайцевъ отъ Тулы, гдѣ сдѣлали они весьма опасную диверсію для Іоанна, по наущенію Сеима. Царь представляетъ его вездѣ образцомъ по *славному* уму и храбрости *превосходной*. Благоразумными мѣрами и быстротою движенія остановилъ онъ

губительное стремленіе Исконора, сразился съ нимъ на поединкѣ, какъ истинно съ достойнымъ соперникомъ, и разбилъ татаръ, которые безъ памяти побѣжали изъ предѣловъ россійскихъ. Однимъ словомъ, Курбскій обладаетъ всѣми блистательными качествами воина и полководца. Сіи качества, несмотря на пылкость его характера, оттѣняются еще какимъ-то нѣжнымъ состраданіемъ къ несчастнымъ: онъ простилъ плѣнныхъ, онъ совершилъ погребальный обрядъ надъ Исканоромъ и прекрасною его супругою Ремою, положилъ ихъ въ одномъ гробѣ, и почтилъ ихъ память и любовь горячими слезами. Вотъ черты характера истинно эпическаго! Еще болѣе пріятно видѣть подлѣ него юного брата, нѣжно его любящаго, отважнаго, слѣдующаго за нимъ повсюду, который имѣлъ славу и неизъяснимую радость родства и дружбы—спасти его отъ смерти.

Вообще должно сказать, что Курбскій одинъ изъ того малаго числа героевъ, которые дѣйствуютъ, въ продолженіе цѣлой поэмы, *равно прилично, равно величественно;* онъ поразилъ Рамиду, что было знаменіемъ побѣды надъ четырьмя казанскими витязями. Онъ ратовалъ въ числѣ четверыхъ единоборцевъ въ томъ славномъ поединкѣ, котораго условіемъ было или благо, или разореніе всей Россіи; а что сей поединокъ былъ нерѣшителенъ, въ томъ не онъ и не его товарищи виноваты. Наконецъ онъ вмѣстѣ съ Алеемъ вступилъ первый въ Казань. Весьма непріятно видѣть подлѣ него такого товарища!...

Послѣ Курбскаго близко стоитъ Хилковъ, который представляется не столько пылкимъ, сколько человѣкомъ опытнымъ, дальновиднымъ, глубокомысленнымъ, особенно искусившимся въ военной наукѣ и во всѣхъ познаніяхъ тогдашняго времени. Онъ во все продолженіе войны былъ, такъ сказать, *око царево*. Іоаннъ обращался къ нему во всѣхъ крайнихъ обстоятельствахъ, и совѣтъ его былъ рѣшительный, и стратегены военные всегда удачны.

Херасковъ отзывается объ немъ въ десятой пѣсни:

Никто не равенъ есть съ нимъ въ войскѣ по уму!

Онъ предложилъ Іоанну выгнать изъ засады татаръ и совершилъ сіе дѣло столь удачно, что Казань не могла уже противиться россіянамъ.

Далѣе слѣдуетъ еще три героя достопримѣчательнѣйшіе: *Палецкій*, *Пронскій*, *Троекуровъ*. Всѣ они являются уже въ десятой пѣснѣ въ сраженіяхъ, предъ приступомъ и при самомъ приступѣ, слѣдовательно не въ полномъ дѣйствіи поэмы: а потому и нельзя разбирать ихъ такъ, какъ героевъ Гомеровскихъ.

Вотъ какъ опредѣляетъ Палецкаго Херасковъ:

Главою Палецкій полка сторожевого.... и т. д.

Можно ли изъ этихъ стиховъ узнать что-нибудь? Это же самое можно сказать и о всякомъ храбромъ офицерѣ!...

Причисленъ Пронскій князь къ полку передовому;
Онъ тучѣ сходенъ былъ; доспѣхи сходны грому!

Еще хуже опредѣленіе... о Гомеръ!...

Князь Троекуровъ несъ и молніи, и громъ!

Такимъ образомъ знакомитъ насъ съ своими героями господинъ Херасковъ! Чѣмъ ихъ отличить одного отъ другого?...

Князь Палецкій, кажется, отличается какою-то особенною запальчивостью и неукротимымъ духомъ мести, которая вовлекла его, по неосторожности, въ несчастія; такъ, не размѣривъ силъ своихъ, бросился онъ на троихъ витязей казанскихъ и пораженъ былъ Гидромиромъ; онъ бы погибъ, если бы не спасъ его князь Курбскій. Потомъ едва только пришелъ въ чувство, снова кинулся онъ на бѣгущихъ уже съ поля сраженія казанцевъ и попалъ въ плѣнъ. Это Аяксъ. Выведенный на мѣсто мученій въ Казани, гдѣ съ одной стороны поставлены всѣ орудія пытки, а съ другой прекрасная

дѣва и Алкоранъ, дабы избиралъ онъ то или другое, сказалъ сей герой слѣдующія слова:

Иду на смертну казнь!.... и т. д.

Гидромиръ избавляетъ его отъ мученій, съ условіемъ на другой день держать поединокъ: Аяксъ и Гекторъ даютъ другъ другу подарки послѣ битвы, въ знакъ взаимнаго уваженія, и расходятся.

Князь Пронскій съ Троекуровымъ отличились въ первомъ сраженіи предъ Казанью, гдѣ послѣдній былъ раненъ весьма опасно. Царь, почтивъ особенными похвалами перваго, принялъ самое нѣжное отеческое попеченіе о послѣднемъ. Больше объ нихъ нигдѣ не упоминается.

Прочіе герои, какъ-то: Мстиславскій, Микулинскій, Щенятевъ и пр. являются на полѣ брани командующіе отдѣльными корпусами. Объ ихъ характерахъ говорить нечего. Стихотворецъ называетъ Микулинскаго вторымъ Иракломъ, а Мстиславскаго съ Пенинскимъ отрадою всего воинства!... да онъ и всѣхъ такъ же называетъ.

Надобно признаться, что въ присутствіи одной верховной власти и подъ непосредственнымъ ея управленіемъ трудно замѣтить и показать въ надлежащемъ блескѣ дѣйствующіе характеры: они всѣ, какъ звѣзды при солнцѣ, не видимы. Самое главное отличіе которое могло бы выказать ихъ, а именно *образъ дѣйствія*—большею частью не ихъ собственный. Но для пѣснопѣвца еще осталось средство: выставлять ихъ въ приличной постепенности, давать каждому изъ нихъ особенное препорученіе по ихъ силамъ, по ихъ свойствамъ врожденнымъ и пріобрѣтеннымъ (точно такъ, какъ дано было порученіе Курбскому), на тѣхъ же самыхъ постахъ смѣнять слабѣйшаго сильнѣйшимъ или способнѣйшимъ; ибо одинъ можетъ имѣть болѣе храбрости, нежели искусства и благоразумія, другой болѣе опытности, третій все побѣждаетъ терпѣніемъ: одинъ для того, другой для иного дѣла. Вотъ уже лѣсъ героевъ, и всѣ отличны другъ отъ друга. Херас-

ковъ не употребилъ сего искусства: онъ показалъ своихъ витязей уже въ концѣ поэмы, столкнувъ ихъ всѣхъ въ одно или два сраженія; въ дыму, въ пыли, въ смутѣ битвы, мы ихъ не видимъ и не отличаемъ, а сею битвою и поэма кончится.

Такой недостатокъ въ характерахъ есть необходимое слѣдствіе другаго недостатка, о которомъ я уже говорилъ, недостатка въ изображеніи: Херасковъ *не нашелъ работы для своихъ героевъ!*... Къ этому еще должно прибавить прежде доказанную мною погрѣшность въ *расположеніи:* оттого-то герои его столь поздно явились на сцену, и всѣ смѣшались!

Я сказалъ, что присутствіе и дѣятельность высшей власти могли помрачать подвиги другихъ героевъ; это справедливо для многихъ поэмъ: но при всемъ моемъ желаніи, не знаю, можетъ ли сіе оправдать поэму нашу? Укажите одно мѣсто въ „Россіадѣ", гдѣ лично дѣйствовалъ, вымышлялъ, располагалъ что-нибудь одинъ Іоаннъ, подобно Агамемному, Энею, Готфриду, Генриху, Петру Великому?—Итакъ, могли бы быть и мѣсто и занятіе, и слава для его героевъ!

Кончимъ нашу бесѣду замѣчаніями о герояхъ татарскихъ. Они также выходятъ на сцену и уходятъ страннымъ образомъ.

Начнемъ съ Османа. Покажется съ перваго разу, что намъ хотятъ представить въ немъ Париса, любовника прелестной Елены, столько гибельнаго для троянъ и грековъ. Ничуть нѣтъ: послушаемъ самого автора. Князь Османъ, говоритъ онъ,

Прекрасный юноша, но льстивый и коварный,
Любовью тающій, въ любви неблагодарный.
Османъ, тавріискій князь, былъ нравами таковъ,
Какъ лютая змѣя, лежаща межъ цвѣтовъ; и пр.

Этого мало. Человѣкъ молодой, который могъ быть супругомъ царицы и царемъ казанскимъ, влюбляется въ рабыню царицы и отправляетъ ее изъ Казани со всѣми со-

кровищами, полученными и похищенными отъ Сумбеки. Далѣе называетъ его пѣснопѣвецъ безсовѣстнымъ и еще далѣе развратнымъ. Изъ подлаго малодушія, именно для того, чтобы скорѣе соединиться съ Эмирою, онъ примиряется еще съ Сумбекою, по совѣту коварствующаго Сагруна: и эта легковѣрная, или нѣчто болѣе, вѣрила ему! Пусть бы при всѣхъ сихъ эпическихъ (!!!) своихъ качествахъ имѣлъ онъ, по крайней мѣрѣ, свойства молодыхъ людей, какъ-то: смѣлость, храбрость, опрометчивость—ничего! Услышавъ о побѣгѣ даровавшаго ему жизнь Алея, онъ

....стеналъ, блѣднѣлъ, дрожалъ,
И вшедшихъ возвѣстилъ, что Царь Алей бѣжалъ.

И когда выслали его противъ Асталона на поединокъ:

Идетъ за Сагруномъ, какъ блѣдна тѣнь во тьмѣ;
. . . .
Онъ трижды блѣдныя уста отверзть хотѣлъ,
Но трижды во устахъ языкъ его хладѣлъ;
И, будто на змѣю ступивый странникъ въ полѣ
Сказалъ, не храбростью, но страхомъ двигнутъ болѣ:
Кто звалъ тебя сюда? и пр.
Но ты кто?

вопросилъ его Асталонъ...

. . . . Царицынъ я супругъ!...

Когда и какъ это сдѣлалось, — авторъ не хотѣлъ намъ дать знать. Въ ту же минуту послѣдовала достойная смерть Османа.

Однимъ словомъ, это лицо самое ничтожное, какого ни въ одной поэмѣ до сихъ поръ не было представляемо; по моему мнѣнію, самый Тирситъ Гомеровъ его лучше. Ни искры совѣсти, ни искры благородства, ни добра, ни зла въ характерѣ, ни силы даже обыкновенной, никакой страсти, ни желанія довольно означеннаго, ни любви, ни ненависти, ни намѣренія, ни даже этого коварства, которое приписываетъ ему творецъ его, — ничего въ немъ нѣтъ: это дере-

ванная кукла, которою играли на досугѣ другіе. Великая честь и Сумбекѣ, которая любила его такъ страстно!!! Вотъ назидательные характеры г. Хераскова!

Сеитъ и Сагрунъ, двѣ страшныя силы, которыя, подобно сатанѣ и вельзевулу, приводили въ движеніе хаосъ казанскій.

Сеитъ, въ званіи первосвященника и учителя закона, свирѣпый, злой, мрачный и сластолюбецъ непотребный, былъ спасенъ для Сумбеки; и потому она старалась его удалить, чтобы свободнѣе сочетаться бракомъ съ презрѣннымъ Османомъ. Онъ былъ единомысленъ съ Сагруномъ и хотѣлъ, кажется, возвести его на тронъ; но посланный къ Исканару, забылъ всѣ свои намѣренія, свой священный санъ, свои лѣта, и вздумалъ похитить Рему, супругу сего благодѣтельствующаго ему и его отечеству князя. Въ такомъ похвальномъ подвигѣ, столько приличномъ его характеру, потерялъ голову отъ руки женщины, на которую обращены были нечестивыя его желанія. Вотъ все его поприще. Образованное общество такое лицо не потерпитъ и въ комедіи!

Сагрунъ несравненно осторожнѣе и хитрѣе: неутомимо дѣятельный, главная пружина всѣхъ мятежей въ Казани. Ему хотѣлось погубить и Алея, и Сумбеку, и Османа, и Асталона: онъ достигнулъ этой цѣли, хотя не сдѣлался царемъ. Подобно всѣмъ заговорщикамъ, онъ пользовался суевѣріемъ народа; какъ придворный, употреблялъ слабости двора своимъ средствомъ, и ему вездѣ удавалось; какъ политикъ, онъ хорошо льстилъ и народу, и князьямъ, и вельможамъ. Онъ всѣмъ обладалъ, все двигалъ по своему произволу: всѣ были рабы или орудія его коварной и черной системы; онъ погубилъ всѣхъ тѣхъ, которые мѣшали его честолюбію, не теряя ни своего сана, ни мнѣнія, ни вліянія на дѣла. Можно сказать, что изъ всѣхъ татарскихъ героевъ онъ одинъ имѣетъ характеръ. У Хераскова страннымъ образомъ гибнетъ онъ на половинѣ поприща, дабы не дать чести русскимъ героямъ встрѣтить достойнаго соперника или

достойную преграду. Онъ замѣненъ Эдигеромъ, слабымъ, подлымъ княземъ, ни въ счастіи, ни въ несчастіи не умѣющимъ вести себя; и этотъ рыцарь выставленъ противъ Іоанна въ концѣ поэмы, когда всѣ силы и напряженія противодѣйствующія должны быть въ самой высочайшей степени. Гдѣ же постепенность въ представленіи лицъ? Первое славное дѣло царя Эдигера—быть прогнаннымъ съ поля битвы, случившейся предъ Казанью; второе: забывъ всѣ права народныя, вывести Палецкаго на пытки, и подлымъ образомъ увѣщевать его перемѣнить вѣру и жениться на одной изъ его любимицъ; третье: при штурмѣ Казани спрятаться съ своими женами въ какой-то истуканъ; четвертое: не въ силахъ будучи сопротивляться, выслать женщинъ сераля, чтобы онѣ остановили стремленіе воиновъ и спасли его вялую жизнь (однако въ награду за всѣ сіи подвиги, въ концѣ поэмы, нисходитъ къ нему ангелъ и, готоваго уже въ постыдномъ отчаяніи броситься съ башни, поддерживаетъ на крылахъ своихъ и убѣждаетъ воспріять христіанскую вѣру); наконецъ шестое: по звуку трубы, въ невольничьей одеждѣ, во образѣ раба, явиться предъ Іоанна.

Вотъ герой опаснѣйшій, поставленный противъ Іоанна, какъ послѣднее усиліе Казани. Кажется, почтенный Херасковъ прежде торопился истощить вѣрнѣйшія стрѣлы своего стихотворнаго колчана, и теперь, если не отступая съ поля битвы, то, по крайней мѣрѣ, ничего къ ней не прибавляя, заставляетъ сожалѣть насъ, почему не сохранилъ онъ болѣе экономіи въ своихъ способахъ.

Что такое Асталонъ? Онъ похожъ на привидѣніе, которое драматическіе стихотворцы, для завязки чудесной или въ помощь развязкѣ, заставляютъ выходить на сцену изъ-подъ земли, изъ воздуха, или изъ воды: оно явится, напугаетъ и исчезнетъ, не сдѣлавъ ничего болѣе.

Исторія четырехъ витязей: Гидромира, Мирседа, Бразина и Рамиды заключается въ одной только одиннадцатой

пѣсни. Это лица эпизодическія, представленныя совершенно не въ своемъ мѣстѣ: тамъ, гдѣ ходъ дѣйствія долженъ имѣть самую величайшую быстроту. Впрочемъ, хотя они рѣшительно ничего не сдѣлали, однако болѣе оказали своей храбрости, нежели герои россійскіе: вездѣ примѣтна превосходнѣйшая сила въ Гидромирѣ, большое искусство въ Мирседѣ или Бразинѣ. И дѣва Рамида имѣла честь сражаться съ Курбскимъ! Отдаленное обстоятельство, совсѣмъ не относящееся къ дѣйствію поэмы—ревность между сими рыцарями, воспрепятствовала окончанію ихъ единоборства, столько отъ начала важнаго. Итакъ, ни они, ни ихъ сраженія безъ конца не могутъ быть занимательны. Еще повторяю то же, что сказалъ въ прежнемъ письмѣ: здѣсь Херасковъ погрѣшилъ и противъ своихъ, и противъ татарскихъ героевъ. Мы не можемъ точно вѣсить силъ и храбрости ни тѣхъ, ни другихъ, и остаемся совершенно неудовлетворенными въ своемъ ожиданіи. Подробности ихъ сраженія—или довольно обыкновенныя, или невѣроятныя, или несообразныя. Не распространяясь о многомъ, скажу о ранахъ, въ выборѣ которыхъ столько искусенъ и живописенъ Гомеръ:

Мирседъ, налетѣвъ на Курбскаго,

Копьемъ ребро его подъ сердцемъ прободаетъ,
Разитъ въ главу, и князь безчувственъ упадаетъ.

Чего болѣе? прободенный (помни силу сего слова!) въ ребро подъ сердцемъ и пораженный еще во главу. Кажется, одной бы первой раны довольно, чтобъ умереть; но русскій чудотворный герой живъ и снова идетъ въ сраженіе!

Младый Курбскій, окруженный толпою казанцевъ, подъ тучею стрѣлъ, среди мечей, чекановъ, копьевъ:

Пять стрѣлъ вонзенныхъ онъ въ ногахъ своихъ имѣетъ,
Преломленно копье въ щитѣ его виситъ,
И кровь изъ ранъ его всходящу пыль роситъ;
Но онъ толпы враговъ, какъ стогны, расширяетъ:
Однихъ мечомъ, другихъ сѣкирой ударяетъ и пр.

Чудесное дѣло! пять стрѣлъ въ ногахъ! и въ одно время съ мечемъ и сѣкирой!...

Много бы могъ исчислить подобнымъ чудесностей, но довольно.